

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Али Джихад Аммар Раад Али Джихад

**ИРАКСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Специальность 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Анциферов Николай Викторович
кандидат юридических наук, доцент

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Анализ истории и практики становления конституционализма в Ираке.....	24
Параграф 1. Понятие конституционализма: культурно-исторические особенности формирования.....	24
Параграф 2. Тенденции развития современной Конституции Ирака 2005 года	66
Глава 2. Общая характеристика организации публичной власти в Ираке	74
Параграф 1. Органы государственной власти в системе разделения властей Ирака: общая характеристика	74
1.1. Парламент Ирака: законодательная и контрольная функции	74
1.2. Исполнительная власть в Ираке	89
1.3. Судостроительство и судебная власть в Ираке	97
Параграф 2. Конституционный контроль в Ираке. Анализ практики Федерального Верховного Суда Ирака	106
Параграф 3. Федерализм – новшество Конституции Ирака 2005 года.....	135
Глава 3. Правовой статус личности в Ираке: на стыке правовых культур	146
Параграф 1. Права и свободы человека и гражданина в Ираке: конституционно-правовой анализ	146
Параграф 2. Влияние норм шариата на правовой статус человека и гражданина в Ираке и правозащитный дискурс	159
Заключение	175
Список источников	184

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Иракский конституционализм до настоящего времени остаётся *terra incognita* в российской конституционно-правовой науке. Пожалуй, это можно объяснить спецификой объекта исследования, поскольку в обозримых исторических пределах на данной территории попеременно были реализованы как минимум три различные модели правовой организации государства: традиционалистская, социалистическая и конституционно-правовая в её классическом «западном» понимании. Более того, начиная с VII века н. э. каждая из них была в известной степени осложнена религиозным (исламским) элементом, что придаёт иракскому конституционализму ещё бóльшую уникальность. К такому выводу можно прийти, ограничиваясь даже сравнительно небольшим промежутком времени – периодом существования независимого Ирака, тем не менее, в рамках которого одна система также сменяла другую. Очевидно, эта особенность не могла не сказаться на состоянии современного иракского конституционализма и, в конечном счёте, не могла не отразиться на объекте исследования, значительно усложнив его.

Кроме того, следует учитывать, что сам по себе феномен иракского конституционализма вызывает, по самым скромным оценкам, скептическое отношение исследователей. Представляется, что это обусловлено особым историческим контекстом. Не секрет, что становление современного конституционного права Ирака обязано весьма драматическим событиям, связанным с иностранной интервенцией, последующей гражданской войной и по-прежнему длящейся эскалацией социальной напряжённости. В свою очередь, конституционно-правовые институты, действующие в современном Ираке, во многом являются продуктом этих исторических потрясений, что негативно сказалось на их эффективности. Иными словами, генезис этих институтов предсказуемо определил их функционирование, которое подвергается достаточно бескомпромиссной критике в литературе. Неудивительно, что наиболее эмоциональные оценки получают события 2003 года, которые хотя и предопределили архитектуру современного иракского конституционализма,

однако в результате которых, по распространённому мнению, на территории Ирака образовался «правовой вакуум». Подтвердить либо опровергнуть эти тезисы возможно посредством оценки состояния конкретных правовых доктрин и институтов, функционирующих в современном Ираке и которые, как считается, являются характерными атрибутами правового государства и гарантиями реального, а не иллюзорного (фиктивного) конституционализма¹.

Наконец, следует учитывать, что в современной российской правовой науке наблюдаются тенденции к «переориентации» объектов исследования с западных юрисдикций на азиатские, в том числе ближневосточные юрисдикции. Это обуславливает необходимость обращения к опыту доселе недостаточно исследованных конституционных юрисдикций, к числу которых относится Республика Ирак.

Таким образом, актуальность настоящего диссертационного исследования обуславливается спецификой самого объекта исследования в виде историко-правового феномена иракского конституционализма, а именно его самобытности и уникальности как с теоретико-правовой, так и с исторической и социологической точек зрения, низкой степенью его исследованности в комплексе, необходимостью обогащения сравнительно-правового материала для ведения будущих конституционно-правовых (в том числе компаративистских) исследований, востребованность которых в обозримой перспективе будет только повышаться.

В связи с изложенным **цель исследования** заключалась в комплексном анализе возникновения, исторического развития и современного состояния иракского конституционализма как правовой идеологии, а также конституционно-правовых институтов, действующих на территории современного Ирака; выявлении общих черт иракской практики конституционализма с практикой западных правовых государств, а также национальных особенностей иракского конституционного строя.

¹ В консолидированном виде круг таких институтов попытались очертить А. Шайо и Р. Уитц. См.: Sajó A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford: Oxford University Press, 2017. 483 p.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие **задачи:**

1) выявить культурно-исторические предпосылки к становлению конституционализма в его классическом правовом понимании на территории современного Ирака, пересмотрев историческую периодизацию развития форм иракской государственности и права;

2) проанализировать исторические и современные тенденции развития современного конституционного права Ирака, основанного на Конституции Ирака 2005 года, с учётом событий начала XXI века на соответствующей территории;

3) оценить современное состояние развития институтов представительной демократии в Ираке с опорой на господствующие в правовой доктрине представления о конституционно должном, а также выявить их национальные особенности;

4) проанализировать правовое положение представительного органа Ирака – Парламента, его законодательные и контрольные функции, в том числе в исторической ретроспективе;

5) выявить национальные особенности организации исполнительной и судебной власти в Ираке и соотнести их с универсальными (преимущественно – западноевропейскими) конституционно-правовыми стандартами организации деятельности соответствующих ветвей власти;

6) исследовать феномен конституционного контроля в Ираке на основе действующего правового регулирования и актуальной конституционно-судебной практики;

7) проанализировать национальные особенности федеративных административно-территориальных механизмов Ирака с учётом специфики этнического и религиозного состава населения страны;

8) проанализировать основы регулирования конституционно-правового статуса личности в Ираке, в частности, прав, свобод и обязанностей граждан Ирака, а также иных лиц (иностранцев и лиц без гражданства), уделяя внимание

универсальным конституционным и международно-правовым стандартам защиты прав человека;

9) установить значение шариата и норм исламского права для правовой системы Ирака, функционирования государственно-властных институтов и защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе в актуальной судебной практике;

10) на основании агрегированных результатов исследования – дать квалифицированную оценку состоянию развития правового государства в Ираке, основанного на универсальных представлениях о конституционализме.

Объектом исследования являются наиболее фундаментальные общественные отношения, которые возникают в связи с формированием органов государственной власти в Ираке, отправлением ими и другими субъектами государственной власти, защитой и охраной личности на территории Ирака на различных исторических этапах развития его государственности, в том числе на современном этапе.

Предметом исследования выступили правовые нормы, регулирующие вопросы формирования и деятельности законодательных, исполнительных и судебных (в том числе конституционно-контрольных) органов государственной власти Ирака, существовавших на различных этапах его исторического развития и существующие в настоящее время, вопросы гарантирования и защиты прав и свобод человека и гражданина на его территории; практика применения соответствующих правовых норм; иракские, российские и иные зарубежные научные исследования, посвящённые исследованию феномена конституционализма как такового и особенностей иракского конституционализма и конституционного права.

Степень научной разработанности проблематики. В российской юридической науке проблемные вопросы конституционного права Ирака по настоящее время не получили комплексного освещения. Интерес к данным вопросам в современной отечественной науке одной из первых был проявлен М.А. Сапроновой, по результатам исследований которой было составлено единственное

русскоязычное учебное пособие по конституционно-правовым актам Ирака XX века². Отдельные проблемы построения конституционного государства на территории Ирака в российской доктрине поднимали Л.В. Акопов³, Т.Н. Балашова⁴, З.Э. Гумбатов и В.Д. Камынин⁵, Н.В. Володина⁶ и Т.Р. Хайруллин⁷, уделившие особое внимание исследованию роли исламского права в современном иракском государстве, и другие немногочисленные авторы.

В свою очередь, в наиболее репрезентативных и крупных учебниках и учебных пособиях, посвящённых компаративистскому анализу конституционного права зарубежных стран, внимания Ираку практически не уделяется⁸, а если Ирак и упоминается в том или ином контексте в качестве примера для сравнения, то приводимые сведения являются к настоящему времени устаревшими⁹.

Многие современные российские исследователи, даже нередко прибегающие к сравнительно-правовому методу, обходят иракскую практику стороной¹⁰. Например, А.В. Должиков, исследующий концепцию соразмерности ограничения

² Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт ближнего востока, 2006. 196 с.

³ Акопов Л.В., Алдаллал А. Современная конституционная модель Республики Ирак: аксиологический аспект // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 70–73.

⁴ Балашова Т.Н., Ал Кхафаджи М.А.Н. Проблемы реализации права на жизнь в Республике Ирак // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1 (65). С. 20–28.

⁵ Гумбатов З.Э., Камынин В.Д. Особенности федерализма в современном Ираке // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. Т. 13. № 2 (176). С. 135–142.

⁶ Володина Н.В. Влияние мусульманского права на конституционно-правовое регулирование в странах Ближнего Востока (на примере Сирии и Ирака) // Правовая инициатива. 2014. № 3. С. 20.

⁷ Хайруллин Т.Р. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 2. С. 139–152.

⁸ См., например: Сафонов В.Е. Конституционное право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для бакалавров / В.Е. Сафонов, Е.В. Миряшева. М.: Издательство Юрайт, 2022. 422 с.; Конституционное право зарубежных стран: учебник. 3-е издание / под общ. ред. А. М. Осавелюка, Г.А. Василевича, Л.Т. Чихладзе. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 600 с.

⁹ Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. С. 779–780.

¹⁰ См., например: Чирнинов А.М. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 33–61.

конституционных прав, практически не уделяет внимание практике иракского органа конституционного контроля, хотя и приводил правовую систему Ирака в качестве примера религиозного конституционного правопорядка¹¹.

Аналогичным образом, поистине живого интереса к проблемам конституционного права Ирака не проявляют и зарубежные (западные) авторы. Симптоматично, например, что немецкий правовед Р. Алекси, исследующий аргументационные закономерности в контексте конституционного права и правосудия, не использует практику судов Ирака в качестве сравнительного материала¹². А. Шайо и Р. Уитц, предпринявшие попытку дать общую характеристику конституционного государства современности и привлекавшие внушительный сравнительно-правовой материал, не обращались к конституционно-правовой практике Ирака¹³. Один из наиболее авторитетных сравнительно-правовых обзоров исследователей из десятков различных стран, обобщивших практику конституционной аргументации в двух десятках странах, также не затронул практику Ирака¹⁴. Более того, в обзорах, специально посвящённых сравнительно-правовому анализу конституционно-правовых основ государств Ближнего Востока, Ирак упоминается весьма опосредованно и не становится полноценным объектом исследования¹⁵. Наконец, судебные акты, принимаемые Федеральным Верховным судом Ирака – централизованным органом конституционного контроля страны – не входят и не учитываются в крупнейшей интернет-базе решений органов конституционных судов мира Codices¹⁶. При этом

¹¹ Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. ... д-ра юр. наук: 5.1.2 / Должиков Алексей Владимирович. СПб., 2022. С. 381.

¹² Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. New York: Oxford University Press, 2010. 462 p.

¹³ Sajó A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism.

¹⁴ Jakab A., Dyeve A., Itzcovich G. Comparative Constitutional Reasoning. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 854 p.

¹⁵ Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity / Eds. by R. Grote, T.J. Röder. Oxford: Oxford University Press, 2012. 730 p.

¹⁶ The Codices Database. Infobase on Constitutional Case-Law. URL: <http://www.codices.coe.int/NXT/gateway.dll?f=templates&fn=default.htm> (дата обращения: 20.10.2024).

к вопросам, связанным с объектом настоящего исследования, периодически обращались такие западные авторы, как П. Макдоно и Р. Гроут (в рамках своих более общих обзорных сравнительно-правовых исследований)¹⁷, Д. Пиментел и Б. Андерсон¹⁸, Дж. Морроу и другие.

Традиционно и предсказуемо, проблемы развития конституционного права Ирака получили наибольшее освещение в работах иракских и иных авторов, предметом исследования которых выступают ближневосточные или в целом исламские юрисдикции. Так, отдельные вопросы иракского конституционализма регулярно поднимались и исследовались в арабоязычных и русскоязычных работах Р.Х. Дубессана¹⁹, Г.З.А. Аль-Мухамеда, А.С.К. Кадема, К.М. Тарбуша, С.А. Ахмеда Камарана, М. Аль-Сури, Х. Аль-Лами, У. Х. Рашида, Т. К. Харба, А. А. Обейда, М. Ч. Басиуни, И.А. Хусхама, Ал. М.А.Н. Хафаджи и других авторов. Однако, несмотря на многочисленность научных изысканий, ни один из этих авторов не представил комплексного русскоязычного исследования феномена иракского конституционализма, в том числе в исторической ретроспективе. Из этого следует, что степень разработанности темы диссертационного исследования в российской правовой науке остаётся невысокой и ограничивается лишь эпизодическим, пускай нередко и вполне обстоятельным, освещением отдельных актуальных вопросов конституционного права Ирака.

Методология диссертационного исследования. Поскольку целью исследования является как можно более полное и достоверное выявление национальных особенностей конституционализма в Ираке, в его основу легли методы, позволяющие анализировать большие массивы нормативно-правового и

¹⁷ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. New York: Hart Publishing, Bloomsbury Publishing Plc, 2020. 280 p.

¹⁸ Pimentel D., Anderson B. Judicial Independence in Postconflict Iraq: Establishing the Rule of Law in an Islamic Constitutional Democracy // The George Washington International Law Review. 2013. Vol. 46. No. 1. P. 29–54.

¹⁹ Дубессан Р.Х. Статус субъектов федерации в Республике Ирак // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 383–389.

исторического материала, а именно общие методы научного познания (метод анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический метод, аналогия).

Наряду с этим исследование основывается и на ряде частных методов. Так, одним из важнейших методов исследования выступает анализ и обобщение судебной практики, который, в частности, составил основу исследования института конституционного контроля в Ираке, а также применялся при анализе правового статуса личности в Ираке, поскольку в большинстве случаев вопросы защиты прав человека не находят своего отражения в законодательстве. Среди прочего данный метод позволил выявить немаловажные достижения иракского конституционализма в деле организации конституционного контроля, состояние которого доселе в отечественной науке вовсе предметно не анализировалось. Также применение сравнительно-правового метода выразилось в привлечении судебной практики органов конституционного контроля других, помимо Ирака, государств, а также практики ординарных судов этих государств.

Другим важным частным методом выступил сравнительно-правовой метод, который позволил соотнести национальные особенности конституционного права Ирака с универсальными конституционно-правовыми и международно-правовыми ценностями, считающимися неперенными атрибутами современного правового государства. Применение этого метода обуславливается также тем фактом, что основой современного иракского конституционализма является правовое регулирование, привнесённое извне, а именно установившееся в результате вторжения союза ряда западных государств (США, Великобритания и ряд стран Европейского Союза) в Ирак («Коалиция согласных»), что потребовало сравнения ключевых конституционно-правовых институтов в этих странах и современном Ираке.

Наконец, поскольку настоящее диссертационное исследование уделяет особое внимание историческим аспектам развития иракского конституционализма (в частности, предусматривает новую периодизацию развития конституционного права Ирака, очерчивает этапы исторического развития института парламентского контроля в Ираке и т. д.), оно основывается также на методе исторического

правового анализа и в связи с этим обращается к памятникам правовой культуры, историческим доктринальным источникам и статистическим данным.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют работы советских и российских учёных, исследовавших как наиболее фундаментальные вопросы конституционализма, теории права и международного права (С.А. Авакьян, С.С. Алексеев, М.В. Баглай, В.Г. Баев, Н.С. Бондарь, А.Я. Вышинский, Э.П. Григонис, А.В. Должиков, О.А. Красавчиков, Ю.И. Лейбо, В.С. Нерсисянц, С.Е. Сафронов, Г.И. Тункин, В.А. Усков, А.М. Чирнинов и другие), так и вопросы конституционного права Ирака и ряда других ближневосточных государств со схожими правовыми и религиозными традициями (Л.В. Акопов, Т.Н. Балашова, Е.В. Бердникова, С.Н. Братановский, Н.В. Володина, З.Э. Гумбатов, В.Д. Камынин, А.В. Коротаев, М.А. Сапронова, Т.Р. Хайруллин), а также историков государства и права (В.Г. Графский, В.А. Томсинов, В.В. Чемеринская) и учёных-политологов, исследовавших вопросы межгосударственных отношений и международной конфликтологии на Ближнем Востоке (Е.С. Мелкумян, У. Мехмет).

Другой важнейшей составляющей теоретической основы диссертационного исследования стали труды зарубежных учёных-конституционалистов, относящихся к классической школе конституционного права, компаративистики и социологии (Р. Алекси, У. Бернам, М. Вебер, Р. Давид, А. Дайси, А. Данилович, А. Дьевре, А. Ицкович, Г. Корстенс, Р. Уитц, А. Шайо), в том числе исследователей исламского права в мусульманских правовых системах, включая сам Ирак (Н. Андерсон, Р. Гроут, М. Келли, П. Лонго, П. Макдоно, Дж. Морроу, В.Н. Пэй, Д. Филлипс, Х.А. Хамуди), что позволило выявить универсальные ценности конституционализма для дальнейшего сопоставления с ними особенностей национальных конституционных традиций Ирака. Особое место среди зарубежных исследователей в теоретической базе настоящего исследования занимают работы иракских учёных-конституционалистов (Г.З.А. Аль-Мухамед, А.С.К. Кадем, К.М. Тарбуш, С.А. Ахмед Камаран, М. Аль-Сури, Х. Аль-Лами, У. Х. Рашид, Т. К. Харб, А. А. Обейд, М. Ч. Басиуни, И.А. Хусхам, Ал. М.А.Н. Кхафаджи, Г.З.А. Мухаммад,

М.Х. Кадим, К.К. Ауда, Ф. Ширвани, С. Альнасир, А.П. Хусейн, Т.Х. Задах, Д.А. Сабах, Аль-Али Заид, А. Юссеф и другие).

Нормативную основу диссертационного исследования образуют правовое регулирование Республики Ирак, включая законодательство и иные нормативные правовые акты, то есть писаное статутное право, обязательное для Ирака международно-правовое регулирование, а также правовые позиции, выраженные Федеральным Верховным судом Ирака по конституционно-правовым вопросам и представленные в его судебных актах. Также нормативной основой исследования выступают конституционно-правовое регулирование и законодательство зарубежных стран (главным образом, относящихся к традиционным правовым государствам в соответствии с западными традициями конституционализма) и правовые позиции органов конституционного контроля этих стран, выраженные в их судебных актах.

Эмпирическая основа диссертационного исследования включает в себя решения судов Ирака, главным образом – Федерального Верховного суда Ирака, а также релевантный нормативно-правовой (как исторический, так и актуальный) материал во всём его комплексе.

Помимо этого, важным источником эмпирических данных (социологических и нормативных материалов, статистических данных), положенных в основу настоящего диссертационного исследования, стало преподавание дисциплин правового цикла (права человека, юриспруденция и так далее) на факультете экономики и бизнеса Государственного Университета Аль-Нахрейн (Джадрия, Багдад, Ирак), считающегося одним из лидирующих высших учебных заведений Ирака.

Научная новизна диссертационного исследования. Настоящая работа является первым комплексным исследованием не только конституционного права Ирака как совокупности правовых норм, регулирующих порядок формирования государственных органов и осуществление ими высшей власти в стране, а также определяющих основы правового статуса личности, но и иракского

конституционализма как идеологии и практики реализации конституционных предписаний.

Настоящее диссертационное исследование впервые освещает процесс формирования исторических предпосылок к созданию конституционного государства на территории современного Ирака и зарождению доктрины конституционализма, основанной на классических западных постулатах; обосновывает принципиальную возможность сосуществования шариата и позитивного конституционного права без ущерба конституционно значимым ценностям; выявляет исторические тенденции развития института парламентского контроля в Ираке, что доселе не исследовалось в юридической науке; даёт научно обоснованную оценку состояния развития института конституционного контроля в Ираке и доказывает, что уровень развития конституционно-правовых институтов в Ираке намного более оптимистичный, чем он оценивался в других научных работах по данной проблематике; исследует аргументационный потенциал Федерального Верховного суда Ирака и на основе полученных данных определяет состояние общественного правового дискурса в Ираке; с опорой на понятийный аппарат аппарата западной традиции конституционализма классифицирует понятия и подходы, существующие в конституционном праве Ирака, для регулирования деятельности органов государственной власти и правового статуса личности. Перечисленные задачи ранее не ставились не только в российской, но и в западной и даже национальной иракской юридической науке, которая, несмотря на большое количество трудов, ограничивается эпизодическим исследованием лишь отдельных проблемных вопросов конституционного права Ирака.

Используя сравнительно-правовой метод, в рамках решения названных задач настоящее диссертационное исследование впервые предпринимает попытку представить комплексную оценку состояния развития иракского конституционализма, выявляя в нём общее и особенное. В частности, исследование выделяет общие черты иракского конституционного права, иракских конституционно-правовых традиций с основными постулатами конституционного права других государств, к правовым системам которых восходит правовая система

Ирака (прежде всего, имеются в виду англосаксонские юрисдикции, под влиянием которых разрабатывалась ныне действующая Конституция Ирака 2005 года). Одновременно с этим исследование выделяет и самобытные особенности иракского конституционализма, в том числе в сравнении с иными ближневосточными государствами, в которых нормы шариата являются источником права. Полученные данные позволили дать научно обоснованную оценку состоянию развития конституционного права Ирака с опорой на конституционно должные стандарты, принятые в современной мировой конституционной практике.

Сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**, которые обладают научной новизной и имеют значение для науки конституционного права и юридической практики:

1. Предложена периодизация процесса исторического развития иракского конституционализма, а также обосновано практическое значение каждого из данных этапов для современного конституционного государства в Ираке. При этом ещё со времён Древнего мира (Вавилонское и Ассирийское царства) существовало представление о высших идеях, направленных на ограничение деспотичной власти единоличного властителя. Меры, направленные на рационализацию деятельности государственно-властного аппарата, стали прологом к идеям, схожим с идеями современного конституционализма. Уже на данном этапе зарождается понимание права как инструмента упорядочения общественных отношений и защиты прав «слабой» личности перед лицом «могущественного» государства, что является исходными пунктами современного западного конституционализма.

2. Факторы, главным образом определившие облик будущего иракского конституционализма, сформировались в период арабского владычества благодаря привнесению в право того времени религиозного компонента – ислама. В данный период появляются и принимаются документы, которые практически полностью функционально аналогичны ныне действующим конституционные тексты. Здесь же многократно возрастает роль толкования права, что особенно важно для развития конституционализма, поскольку современные конституционные нормы,

обладающие сами по себе невысоким регулятивным потенциалом ввиду своей абстрактности, нуждаются в толковании. Аналогично, в тот период конкретное содержание правовых норм можно было установить лишь посредством толкования норм шариата – божественного откровения, по определению не поддающегося исчерпывающему познанию человеком.

Главным достижением последующего периода – периода османского владычества является сохранение доисламской (в основном иранской) традиции правления, ограниченного высшими идеями справедливости и соображениями защиты прав личности. На территории поздней Османской империи (с последней трети XIX века) формируются парламентская и электоральная культуры в понимании, приближенном к современному западному конституционализму.

3. Нормативное закрепление конституционно-правовых институтов, присущих современным конституционным правовым порядкам, впервые происходит в период британского владычества и независимого монархического Ирака на основе Конституции 1925 года. Данный период характеризуется кодификацией права и появлением института конституционного контроля, который, однако, практически не получил своей практической реализации (Верховным судом Ирака было рассмотрено лишь одно дело в порядке конституционного контроля). В это же время в Ираке начала зарождаться политически организованная и легальная оппозиция в лице институциональных политических партий.

4. На основе анализа развития конституционализма в период социалистического Ирака разрешён вопрос о возможности сосуществования религиозного, социалистического, и «классического» конституционного типов правопонимания.

Позиция мусульманского правопонимания по целому ряду ключевых для конституционализма вопросов совпадает с позицией «классического» конституционного правопонимания. Соответственно, социалистическое правопонимание ставит себя в оппозицию и мусульманской правовой парадигме. Например, тенденции децентрализации власти и отправления государственной власти народом Ирака посредством представительных органов, которые

сформировались не без влияния шариата, сменились централизацией власти и её сосредоточением вокруг высшего коллегиального органа – Совета революционного командования (его учреждение предусматривалось также Конституцией 1964 года). Резонирует со сложившимися тенденциями развития иракского конституционализма и характерное для социалистического государственно-правового уклада сращивание партийного аппарата (аппарата Партии арабского социалистического возрождения – БААС) и аппарата государственного.

С течением времени, в том числе в социалистический период, юридическое значение священных писаний ислама и продуктов их толкования неуклонно снижается. Конституция Ирака 1970 года стала последним шагом к тому, чтобы в последующей – ныне действующей Конституции 2005 года роль ислама и норм шариата описывалась достаточно сдержанно.

5. Выявлены тенденции развития современного конституционного права Ирака, основанного на Конституции 2005 года, и его специфические черты. К их числу относятся: недостаточная нормативная реализация положений Конституции и недостаточное обеспечение её действия эффективными институциональными гарантиями, откуда следует, что значительная часть конституционных норм пребывают в «спящем режиме»; пробельность Конституции и обусловленный этим регулярный поиск механизмов восполнения конституционно значимых пробелов без изменений конституционного текста, поскольку любая процедура изменения Конституции в современных условиях затрудняется ввиду недостижимости общественно-политического компромисса по конституционно-правовым вопросам (установлено, среди прочего, что иракская юриспруденция в полной мере не выполнила эту задачу).

Применительно к современной Конституции отмечены также эволюции в понимании института федерализма с учётом иракской национальной специфики, которые состоят в признании асимметричности, яркого этнического характера и «консоциационализм» в разделении региональной власти; изменение роли ислама и норм шариата в современной иракской правовой системе, который, с одной

стороны, сводится к снижению его нормативного значения при разрешении конституционно-правовых вопросов, но, с другой стороны, характеризуется повышением его роли в вопросах регламентации и ограничения прав человека (в частности, права на уважение частной и семейной жизни). Описанные эволюции протекают на фоне неизменности текста Конституции 2005 года.

6. Иракский парламентаризм характеризуется следующими национальными особенностями: существование сложившегося конституционно-правового обычая функционирования однопалатного Парламента, несмотря существующий *de jure* бикамерализм; в основе нормотворческой деятельности Парламента лежит не концепция парламентского суверенитета (*parliamentary sovereignty*), а концепция свободы усмотрения (*margin of appreciation*); порядок формирования представительного органа определяется преимущественно на законодательном уровне, а не на уровне текста Конституции; строгость контроля Парламента за исполнительной властью, в частности за Премьер-министром, которая достигается за счёт нетипичного правила о том, что Премьер-министр не вправе освобождать министров от должности без согласия Парламента. При этом Парламент существенно сместил баланс власти в свою сторону за счёт, не в последнюю очередь, механизмов парламентского контроля, известных в Ираке с 2004 года.

К национальным особенностям функционирования исполнительной власти и главы государства – Президента Республики относятся: действие доктрины подразумеваемых полномочий главы государства (в том числе в связи с тем, что парламент не всегда стабильно и последовательно осуществляет правотворчество по неправовым (преимущественно политическим) причинам); различие в правах Президента ветоировать закон, поступивший на подписание, и отказать в его одобрении; полномочия Кабинета министров укладываются в традиционную парламентскую модель организации публичной власти, однако в то же время Президент занимает место Премьер-министра, когда этот пост по какой-либо причине становится вакантным; регламентация на уровне конституционного текста правового статуса т. н. «смежных» органов, определяемых как независимые комиссии и коллегии, перечень которых является открытым.

Характер взаимоотношений законодательной и исполнительной власти в Ираке имеет не только формально-юридический, но и социальный контекст. При построении современной конституционно-правовой модели в Ираке учитывались два основных соображения: необходимость балансировки между законодательной и исполнительной ветвями власти на фоне разногласий по поводу федеративного устройства страны и страх перед диктатурой исполнительной власти над законодательной.

7. Конституционный контроль в Ираке впервые закреплён в Конституции 1925 года, притом что функции по его отправлению возлагались на Верховный суд Ирака, рассмотревшего за свою историю лишь одно дело в порядке конституционного контроля. Наряду с этим исследованы основания деятельности современного Федерального Верховного суда, действующего в централизованной системе конституционного контроля (немецкая модель).

Доступность конституционного правосудия как средства защиты прав и свобод для граждан Ирака находится на достаточно высоком уровне. Он обеспечивается за счёт таких факторов, как устоявшееся в конституционно-судебной практике правило о недопустимости чрезмерно расширительного толкования критериев допустимости конституционного иска; обширность предмета конституционно-судебной проверки, то есть круг нормативных актов, которые могут быть проверены Федеральным Верховным судом на предмет их соответствия Конституции; право ординарных судов при рассмотрении конкретных гражданских, административных или уголовных дел направлять запросы в Суд о проверке конституционности законоположений, подлежащих применению в конкретном деле.

Основные юридические свойства конституционно-судебных решений, принимаемых Федеральным Верховным судом Ирака, сводятся к тому, что они являются источниками конституционного права, действуют непосредственно, не нуждаются в подтверждении со стороны других органов власти, а также могут препятствовать рассмотрению тождественных исков.

Выявлены проблемы конституционного правосудия в Ираке, которые являются серьёзной угрозой развитию правового государства. Среди них выделяются политизированность конституционного контроля и его подверженность внешнему несудебному влиянию (причиной тому является отсутствие в Ираке представления о доктрине политического вопроса), отсутствие механизмов принуждения к исполнению решений Суда, низкий аргументативный потенциал Суда (памятуя даже об отсутствии репрезентативного исторического опыта отправления конституционного правосудия в Ираке).

8. Федерализм в Ираке усложнён множеством национальных особенностей. В Ираке сложился асимметричный этническо-территориальный федерализм, который приобретает ортодоксальные черты этнофедерации в сочетании с сильной децентрализацией полномочий. При этом если в асимметрии федерации не усматривается серьёзной угрозы территориальной целостности (имея в виду, что практически ни одно федеративное государство мира не может характеризоваться как безоговорочно симметричная федерация), то в этническом контексте угрозы становятся куда более реальными.

9. Особенности конституционно-правового регулирования статуса личности в Ираке сводятся к следующему: раздельное гарантирование прав человека и свобод; квалифицированное умолчание конституционного законодателя об обязанностях гражданина с одновременным акцентом на обязанностях государства по отношению к гражданам; закрепление конституционных принципов равенства и пропорциональности, нормативное содержание последнего по существу сводится к тесту на допустимость ограничение прав (что, вместе с тем, сближает конституционное право Ирака с континентальной западной конституционной традицией, поскольку для неё характерно закрепление конституционных прав *expressis verbis* и применение принципа пропорциональности при квалификации ограничения права как конституционно допустимого).

Некоторые классические конституционные принципы получают в Ираке поистине уникальное прочтение. Так, принцип равенства всех перед законом в истолковании, данном Федеральным Верховным судом Ирака, не предполагает

равенства иностранцев с гражданами Ирака, чем сакрализует отношения гражданства в правовой системе страны. Имеются особенности гарантирования отдельных социально-экономических прав, в частности, трудовых и социальных прав, а также права на образование. Социально-экономические права в Конституции Ирака представлены развёрнуто и соответствуют стандартам закрепления таких прав в конституционных актах западных социальных государств.

10. Выработано новое понимание роли шариата в возникновении и развитии мирового конституционализма в целом и иракского конституционализма в частности.

Как шариат, так и светские конституции обладают достаточным инструментарием для самозащиты от произвольных изменений: если священное писание ислама вовсе непогрешимо и не поддаётся сомнению, то конституция во всяком случае не может быть изменена по произволу правителя. Концептуальных отличий между мусульманским и конституционным правопониманием в контексте необходимости ограничения государственной власти в целях защиты прав человека не имеется: обе системы усматривают залог рациональности государственного управления в разделении властей и функций должностных лиц, а также оба этих правовых комплекса настаивают на обеспечении автономии личности и уважения её прав. Различия между ними сводятся к вопросам признания или гарантии тех или иных прав человека или в вопросах построения органов государственной власти.

В настоящее время роль ислама как источника права в Ираке снижается в связи с расширением предмета конституционно-правового регулирования. Апелляции к священным писаниям ислама стали носить менее ортодоксальный характер, а их регулятивное значение несколько ослабело. В частности, в современной практике Федерального Верховного суда Ирака священные писания ислама приводятся в качестве конституционных стандартов, равнозначных положениям Конституции, достаточно редко. Позиция судебной власти в этом

контексте сводится к тому, что законодательный орган является более компетентным для толкования исламского права.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Ввиду того, что научная новизна исследования обусловливается, главным образом, спецификой его объекта, настоящее исследование расширяет научные представления об иракском конституционализме и ближневосточных традициях конституционного права в целом. Так, исследование выявляет механизм генезиса основных конституционно-правовых институтов, считающихся в современной науке атрибутами конституционного государства (особое внимание при этом уделяя анализу эволюции соотношения шариата и светского права, а также историческому развитию парламентского и конституционного контроля), благодаря чему объясняет национальные особенности функционирования этих институтов в настоящее время. Тем самым исследование обогащает историко-правовую базу будущих конституционных исследований.

Кроме того, исследование критически оценивает состояние развития современных конституционно-правовых институтов в Ираке сквозь призму классических постулатов конституционализма, в результате чего привносит в науку комплексное видение конституционного права Ирака в контексте современных, наиболее прогрессивных научных воззрений. Имея в виду переориентацию современной российской правовой науки на исследования азиатских и ближневосточных юрисдикций, настоящее исследование способно обогатить и сравнительно-правовой материал для будущих научных изысканий в области ближневосточного конституционализма, что в ближайшее время станет одним из приоритетных направлений исследований. Наконец, теоретическая значимость проведённого исследования заключается в том, что оно обогащает доктринальный дискурс вокруг состояния современного конституционного государства в Ираке, привнося в него оригинальную, критическую и при том обоснованную – в целом позитивную оценку иракского конституционализма на данном историческом этапе.

Поскольку оценка состояния иракского конституционализма, основывается на последних достижениях конституционно-правовой доктрины, диссертационное исследование обладает и практической значимостью. Полученные теоретические положения и выводы могут стать основой для формирования конкретных и конструктивных предложений по совершенствованию конституционного законодательства Ирака, регулирующего правовой статус личности, деятельность представительного органа и органа конституционного контроля, а также устанавливающего административно-территориальное деление страны. Выводы диссертационного исследования могут использоваться в правозащитной деятельности, в том числе при подготовке обращений в судебные и иные юрисдикционные органы. Наконец, полученные выводы могут использоваться в процессе преподавания дисциплин теоретико-правового конституционно-правового профилей, в том числе конституционного права зарубежных стран и сравнительного правоведения.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования и их апробация. Научная обоснованность результатов проведённого исследования обеспечивается за счёт обширности привлечённых правовых (как законодательных, так и правоприменительных), доктринальных и социологических источников. Так, исследование опиралось не только на внушительный массив нормативных правовых актов (как действующих в Ираке, так и действовавших ранее – в целях исторического исследования), но и актуальную судебную (в особенности – конституционно-контрольную) практику, а также оценки компетентных и авторитетных международных правозащитных органов и организаций. Благодаря обращению к позиции последних, в исследовании использовались социологические и статистические данные, которые особенно активно применялись при оценке состояния развития федерализма в Ираке, фактической защищённости прав и свобод личности, а также итоговой оценке состояния развития правового государства в Ираке.

Основные положения и выводы настоящего исследования были представлены в рецензируемых научных журналах и периодических изданиях,

рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (в том числе входящих в список Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы), и были допущены до публикации. Более того, результаты проведённого диссертационного исследования опубликованы в зарубежных рецензируемых журналах, аудитория которых проявляет интерес к проблематике конституционализма в ближневосточных государствах (Estudios Constitucionales), а также в журналах, включённых в базу данных Scopus (Res Militaris).

Также результаты исследования презентовались, обсуждались и подвергались критическому осмыслению на международных (включая зарубежные) и всероссийских научно-практических конференциях, в частности, на VIII Международной Парижской конференции по общественным наукам (г. Париж, 1-3 апреля 2023 года), Международной научной конференции «Право на пути к устойчивому развитию» (г. Москва, 14 мая 2022 года) и других.

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав и заключения. Содержательная часть диссертационного исследования насчитывает в совокупности семь параграфов: два из них приходятся на первую главу; на вторую главу приходится три параграфа, первый из которых во второй главе структурирован на три подпараграфа; третья глава подразделяется на два параграфа.

Глава 1. Анализ истории и практики становления конституционализма в Ираке

Параграф 1. Понятие конституционализма: культурно-исторические особенности формирования

Иракская государственность и конституционное право Ирака являются уникальными объектами историко-правового исследования. Уникальность эта обуславливается тем, что в обозримых исторических пределах на данной территории попеременно были реализованы как минимум три различные модели правовой организации государства: традиционалистская, социалистическая и конституционно-правовая в её классическом «западном» понимании. Более того, начиная с VII века н. э. каждая из них была в известной степени осложнена религиозным (исламским) элементом, что придаёт иракскому конституционализму ещё бóльшую уникальность. К такому выводу можно прийти, ограничиваясь даже сравнительно небольшим промежутком времени – периодом существования независимого Ирака²⁰, тем не менее, в рамках которого одна система также сменяла другую. Поскольку генезис системы во многом определяет её функционирование, эта особенность не могла не сказаться на состоянии современного иракского конституционализма.

Соответственно, для достижения целей настоящего диссертационного исследования представляется необходимым ввести условную периодизацию истории иракской государственности, которая способна коррелировать с изменениями модели государственно-правового строя. В свете изложенного задача настоящего параграфа – выделить основные тенденции развития конституционализма в государствах, являющихся историческими предшественниками независимого Ирака, а также в самом независимом Ираке, применительно к каждому из выделенных исторических периодов на основе анализа сохранившихся правовых памятников и с привлечением релевантных

²⁰ По условиям англо-иракского договора 1930 года Великобритания прекращала управление иракскими территориями на основании ранее выданного ею мандата в порядке статьи 22 Устава Лиги Наций. Действие мандата считается прекращённым, а Королевство Ирак считается независимым с 1932 года.

конституционно-правовых исследований. Выявленные тенденции предлагается сопоставить с характерными чертами и универсальными тенденциями мирового конституционализма.

Вместе с тем постановка задачи данного этапа исследования требует определённых терминологических уточнений. Не секрет, что государственное устройство исторических предшественников иракского государства не всегда являлось подлинно конституционным, то есть не основывалось на некоем нормативном правовом акте высшей юридической силы, а первая конституция Ирака датируется только 1925 годом. Однако подобное ограничение предмета исследования неизбежно повлечёт за собой существенные упущения в понимании эволюции иракского конституционализма, поскольку в таком случае за пределами историко-правового анализа останутся несколько тысяч лет формирования иракской правовой культуры.

Помимо этого, согласно имеющимся историческим данным, та или иная форма государственности существовала на иракских землях всегда. Иными словами, каждый период истории Ирака характеризуется наличием органов (прото-)государственной власти и бюрократического аппарата, отправляющих власть на определённой территории и делающих свои веления обязательными для населения, проживающем на ней²¹. Поскольку в предмет конституционного права традиционно входят правоотношения по организации и осуществлению этой власти²², для целей настоящего исследования представляется возможным сделать допущение, согласно которому отдельные элементы «конституционализации» иракского государства (государств, являющихся историческими предшественниками Ирака) можно наблюдать задолго до принятия первой конституции Ирака в формально-юридическом смысле этого термина (а именно с момента появления первых государственных образований на территории

²¹ Именно такие конститутивные признаки государства называл выдающийся юрист Г. Кельзен. См. подробнее: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сборник переводов. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 1988. С. 116.

²² Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие (в 2 т.). Т. 1 / С. А. Авакьян. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 30.

современного Ирака и территориях, прилегающих к ней). Такое допущение является методологически продуктивным, поскольку нет сомнений в том, что конституционализм в его универсальном понимании, возникший на рубеже XVIII – XIX вв., не возник на основе *tabula rasa*, а является продуктом обобщения длительного исторического опыта, берущего своё начало с древнейших времён.

Наконец, стоит отметить, что конституционализм может определяться не только как практика государственного строительства на основе конституции (писаного правового акта в объективном смысле)²³, но и как правовая философия и правовая идеология, которые могут существовать не только в отсутствие конституции (как, например, современные Великобритания и Израиль), но и даже в отсутствие юридического понятия о конституции и конституционном праве. Так, А. Шайо и Р. Уитц справедливо замечают, что конституционализм может пониматься как «совокупность взаимосвязанных концепций, принципов и практик... ограничения государственной власти в целях предотвращения деспотизма»²⁴. Очевидно, что любое прогрессирующее общество при наличии либо же в отсутствие конституции будет стремиться к достижению этой цели, которая, к слову, с исторической точки зрения и является основной целью западного конституционализма²⁵. Соответственно, имеет смысл обратиться к каждому из периодов исторического развития иракского государства на предмет выявления подобных тенденций. Кроме того, именно такое понимание конституционализма (не только как правопорядка, основанного на конституции, но и как практики удержания власти от произвола) позволяет бороться с деструктивными стереотипами о том, что Ирак не являлся и *a priori* не может являться «конституционным» государством.

²³ Так, В.Г. Баев предлагает понимать конституционализм как «теорию и практику организации государственной и общественной жизни в соответствии с конституцией». См.: Баев В.Г. Конституционализм как понятие и научная проблема // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3 (13). С. 44–62, 46.

²⁴ Sajó A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. P. 13.

²⁵ Constant B. Principles of Politics Applicable to All Governments. Ed. by D. O’Keefe. Indianapolis, IN: Liberty Fund, 2003. P. 35–36.

Для целей настоящего параграфа предлагается ввести следующую условную периодизацию истории иракской государственности (см. таблицу 1). Следует подчеркнуть её условный характер, поскольку с исторической точки зрения данные периоды являются весьма неоднородными.

Таблица 1

<i>Хронология</i>	<i>Условное наименование периода</i>
до 636 (650) г. н. э.	Традиционалистский уклад (Вавилонское, Ассирийское государства и др.)
636 (650) г. – 1534 г.	Арабское владычество
1534 г. – 1920 г.	Османское владычество
1920 г. – 1932 г.	Британское владычество
1932 г. – 1958 г.	Независимый монархический Ирак
1958 г. – 2003 г.	Республиканский (социалистический) Ирак
с 2003 г.	Современный иракский конституционализм

Практическую ценность анализа **традиционалистского уклада**, имевшего место на ближневосточных территориях (Месопотамия, Северная Африка, Аравийский полуостров), трудно переоценить. В современной историко-правовой литературе, как представляется, недостаточно внимания уделяется влиянию правовых идей и учений, возникших на Ближнем Востоке на заре эволюции института государства (в Древнем Египте, Древнем Китае и Ассирии), на теорию конституционализма, несмотря на то что такое влияние имеет место. Поскольку, по выражению М.В. Баглая, конституция есть не что иное как «сумм[а] самых лучших идей, положенных на бумагу»²⁶, следует обратиться к идеям, возникшим в древнеегипетской, древнекитайской и ассирийской правовых культурах для восполнения названного доктринального пробела.

Так, известным фактом является то, что древнеегипетские письменные источники используют понятие справедливости (древнеегипетск. mꜣ3t, «маат»),

²⁶ Баглай М.В. Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 2–7, 2.

которое является производным от имени богини истины и справедливости Маат. При этом использование имени богини Маат и соответствующего понятия, судя по всему, ещё в период существования древнеегипетского государства вышло за пределы мифологии и означало обращение к правде и правосудию как основам общественного порядка²⁷. В том же Древнем Египте можно встретить письменные документы, которые по своим характеристикам приближаются к современным нормативным правовым актам, примером которых могут являться т. н. «инструкции визиря Рехмира». По оценкам исследователей, данный документ является не только одним из первых примеров делегирования государственно-властных полномочий на более низкий уровень из соображений децентрализации власти, но и сам по себе представляет собой образец точности и полноты нормативных предписаний²⁸. Как известно, именно такие требования предъявляются к нормативным правовым актам в конституционных (правовых) государствах современности исходя из принципа правовой определённости.

Достижения Древнего Египта в деле государственного строительства и управления на основе принципов рационализации и справедливости зачастую оказываются недооценёнными. В российской учебной литературе преобладает точка зрения, согласно которой власти древнеегипетского фараона являлась неограниченной и не имела каких-либо правовых противовесов²⁹. Между тем исторические свидетельства говорят об обратном: например, согласно выводам древнегреческого историка Плутарха, фараон был ограничен в принятии своих властных решений определёнными обычаями. Среди прочего, Плутарх указывает на существование обычая, согласно которому «неправый» приговор суда не может

²⁷ История учений о праве и государстве: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. / Г.Г. Демиденко. Харьков: Право, 2008. С. 14–15.

²⁸ Кравченко А.И. Социология. Екатеринбург: Издательская корпорация «Логос», 1999. С. 314–315.

²⁹ См., например: Чемеринская В.В. История рабовладельческого государства и права (учебное пособие). Оренбург: «Агентство «Пресса», 2011. С. 2.

быть вынесен даже в том случае, если на то было указание фараона³⁰. Недаром В.А. Томсинов, исследуя древнеегипетскую государственность, называет систему подобных обычаев «культурой верховной государственной власти», после чего прямо указывает на то, что она «играла в политической жизни древнеегипетского общества приблизительно такую же роль, какую играет в настоящее время конституция, то есть ограничивала произвол верховного властителя»³¹.

Иное существенное упущение науки истории конституционализма состоит в умолчании о том, что тенденции по децентрализации власти имели место в Ассирии – непосредственном историческом предшественнике Ирака. С одной стороны, Ассирия воспринимается историками в качестве государства тотальной войны, потребности в военной экспансии которого диктовали необходимость институционализации армии, устройства воинской дисциплины и разделения родов войск. С другой стороны, это же обстоятельство обычно не рассматривается в качестве катализатора в деле рационализации устройства государственного аппарата Ассирии, хотя и является таковым. В этом контексте следует согласиться с позицией критиков образа «одинокого восточного деспота»: действительно, Ассирия была построена на началах конкуренции монарха и региональных чиновников, а также основана на коллегиальном принятии управленческих решений, а потому даже во времена наиболее сильного монарха (среднеассирийский период) она не могла характеризоваться в качестве абсолютной монархии³².

В целом, как показывают сохранившиеся с ассирийского периода письменные источники (которые в основном представляют собой частноправовые договоры, записанные показания свидетелей), ассирийское государство

³⁰ Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. 2-е издание / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, А.А. Немировский. М.: Институт Африки РАН, 2009. С. 20–21.

³¹ Томсинов В.А. Государство и право Древнего Египта : монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2011. С. 12.

³² Karlsson M. Early Neo-Assyrian State Ideology. Relations of Power in the Inscriptions and Iconography of Ashurnasirpal II (883–859) and Shalmaneser III (858–824). Uppsala: Institutionen för lingvistik och filologi, 2013. P. 32.

находилось на достаточном уровне правового развития, чтобы обеспечивать рассмотрение сложных споров, в том числе между различными субъектами экономической деятельности³³. На это указывают, например, признаки судебного нормотворчества (а именно кодификации правил разрешения споров), осуществляемого для целей единообразного разрешения однотипных ситуаций³⁴.

Разумеется, подобный уровень не мог быть достигнут ассирийской государственностью без заимствования (рецепции) правового опыта предшественников. Например, известно, что в Ассирии применялись древневавилонские процедуры жребия для ежегодного избрания сменяемого должностного лица *лимму* – члена совета старейшин³⁵.

Наряду с изложенным уместно заметить, что сама по себе необходимость поддержания армейской дисциплины и построения эффективного войска для ведения войн немыслима без детального и беспробельного правового регулирования, в данном случае – в области военной службы. Весьма характерно, что именно юридические документы (как нормативно-правовые, так и административные, то есть индивидуально определённые) являются основным источником получения знаний об ассирийской армии и об ассирийском военном искусстве³⁶. Исходя из этого разумно предположить, что с аксиологической точки зрения ассирийцы рассматривали право как средство поддержания порядка в обществе, в чём усматривали ценность правового регулирования. Данный вывод пересекается с точкой зрения советского и российского теоретика права С.С. Алексеева, который, раскрывая «собственную» ценность права и его дисциплинирующий эффект, указывал, что право «имеет ценность упорядоченной активности... [в то время как] социальная активность, не связанная правом, вне

³³ Springborg P. Constitutionalism ancient and oriental // Comparative Constitution Making. Eds. by Landau D., Lerner H. Chicago: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 363–383, 370.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. P. 373.

³⁶ Dezső T. The Assyrian Army. The Structure of The Neo-Assyrian Army. Budapest: Eötvös University Press, 2012. P. 14.

права – это активность, которая без преград может перерасти в произвол»³⁷. Цель поддержания порядка преследует, безусловно, и конституционализм, на чём, однако, в российском правовом дискурсе внимание не акцентируется³⁸.

Обобщая тенденции развития права в период традиционалистского уклада, господствовавшего на ближневосточных территориях, можно отметить, что ещё древнеегипетские, а затем вавилонские и древнеассирийские учёные рассматривали феномен права со следующих позиций:

во-первых, в древнеегипетской и ассирийской культурах существовало понятие о справедливости (правосудия) – высшей идее, которая реализуется в правлении древнеегипетского фараона или ассирийского царя, притом что последние ограничены в своих властных актах соображениями справедливости;

во-вторых, отсюда проистекает постулат о необходимости ограничения дискреции властвующего субъекта (монарха, регионального чиновника, представляющего интересы монарха на определённой территории) для защиты идеи справедливости;

в-третьих, право является инструментом упорядочения общественных отношений и устройства общественного порядка, предсказуемости и стабильности жизни людей в целом.

В этом смысле параллели с принципами современного конституционализма напрашиваются сами собой. Например, как древний Ближний Восток осознавал существование «высшего закона» – идеи, которая не может быть изменена либо отменена даже волею высшей государственной власти (даже если она сама имеет божественную природу), так и современный конституционализм предполагает существование конституции, устанавливающей определённый правовой порядок и

³⁷ Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981. С. 100–101.

³⁸ Одним из главных апологетов российского конституционализма является В.С. Нерсисянц, автор либертарно-юридической теории права. Его теория, в отличие от теории права С.С. Алексеева, видела ценность права в предоставлении субъектам правоотношений свободы, а само право определяла как меру этой свободы. См. подр.: Нерсисянц В.С. Право и культура: предмет и проблемы юридической аксиологии. М., 2002.

неподвластной желанию властвующих субъектов изменить её в угоду собственным представлениям о целесообразности.

Вместе с тем, если в период существования традиционалистского уклада ещё не в полной мере сформировались факторы, определившие облик будущего иракского конституционализма (или, по крайней мере, о существовании этих факторов нет достоверных исторических данных), то в период **арабского владычества** такие факторы уже появляются и начинают свой исторический путь.

Главным таким фактором явилось возникновение в VII веке н. э. новой религии – *ислама*, догматика которой оказала неизгладимое влияние на правовые нормы, что способствовало возникновению такого явления, как *исламское право*. Этим предопределяются особенности мусульманского правопонимания – совершенно самобытного комплекса представлений о праве, на основе которого сегодня выделяется самостоятельная – мусульманская правовая семья. Р. Давид выделяет следующие характерные черты мусульманского правопонимания:

1) шариат – центральный компонент системы религиозных предписаний ислама – «основан на идее обязательств, возложенных на человека, а не на правах, которых он может иметь»³⁹. Стоит заметить, что данный тезис не является бесспорным и не разделяется некоторыми исследователями, которые, напротив, усматривают в исламе предпосылки для автономии личности, а сами нормы шариата, по их мнению, непосредственно закрепляют гражданские права человека, которые подлежат защите в том числе от правительства, ограниченного исламскими принципами⁴⁰;

2) нормативным эффектом в исламском праве обладает *фикх* – доктринальное изложение мусульманских законов⁴¹, изложенных в первоисточниках (главным образом в священном исламском писании – Коране, а также в сунне и иджме). Связь между нормами собственно ислама и фикхом как

³⁹ Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. С. 382.

⁴⁰ Constitutionalism in Islamic Countries. Between Upheaval and Continuity. Edit. by Rainer Grote and Tilmann J. Röder // Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 32.

⁴¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. С. 383.

результатом их толкования уполномоченными на то субъектами (муджтахидами) описывается исследователями как «связь причины со следствием, исходных предписаний с их конкретизацией и претворением в виде отдельных правил»⁴². В этой части нетрудно провести аналогию с системой средневекового европейского правопорядка, высшее положение в котором занимал божественный закон (*jus divinum*), однако который также не мог быть познан человеком в полной мере по причине его божественного происхождения. Его проявлением в людском мире, а также результатом его усиленного человеческого познания и толкования выступает нижестоящий комплекс правовых норм (*jus naturale*), которые отражают фундаментальные закономерности существования природы и человеческого общества; прочие же нормы, созданные усилиями человеческой юриспруденции, составляли низший элемент в этой правовой иерархии (*jus positivum, lex humana*)⁴³;

3) религиозные нормы ислама, как они изложены в основных религиозных источниках, непогрешимы и неизменны, обладают безусловным верховенством, им должны соответствовать все издаваемые законодательные и административные акты⁴⁴.

В свете изложенного не вызывает сомнений тот факт, что властвующие субъекты Арабского халифата (как минимум с момента воцарения Аббасидов, при которых мусульманское право цементировалось и приобрело свои чёткие очертания) ограничены в своих действиях нормами шариата и тем самым буквально подчинены шариату – подобно тому, как органы власти современных конституционных государств подчинены требованиям конституции. Однако для целей выявления правовых тенденций, свидетельствующих о постепенной «конституционализации» иракской государственности, уместнее акцентировать внимание на том, что правитель в стране исламской правовой формации подчинён также и людям, о чём прямо говорили в своих проповедях первый и второй

⁴² Сюкияйнен Л.Р. Основы теории исламского права : учебное пособие. М., 2015. С. 20.

⁴³ Grewe W.G. The Epochs of International Law. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000. P. 83–84.

⁴⁴ Давид Р. Основные правовые системы современности. С. 387–388.

праведные халифы – Абу Бакр и Умар ибн Хаттаб⁴⁵, и что подтверждает акцент ислама на защиту личности и её прав (разумеется, тех из них, которые не противоречат императивным требованиям шариата).

Свидетельства тому можно встретить даже в первоначальных источниках ислама. Так, исследователи отмечают, что в одном из хадисов Пророк Мухаммад придал понятию «джихад» значение восстания против деспотичного правителя (правителя, отправляющего свою власть в противоречии с нормами ислама): «Лучшая форма джихада – это сказать правду деспотичному правителю»⁴⁶. Не секрет, что подобная конструкция известна современному конституционализму, которая, однако, имеет не религиозное, а светское содержание и в качестве экстраординарной меры предоставляет право целым народам, ставшим жертвой вопиющих нарушений конституционных прав со стороны их правительств, сопротивляться такому правительству, что нашло своё отражение, в частности, в пункте 4 статьи 20 Основного закона ФРГ 1949 года.

Обращает на себя внимание и многократно увеличившаяся роль толкования права в период арабского владычества: исходя из специфики мусульманской системы, конкретное содержание правовых норм можно установить лишь посредством толкования норм шариата – божественного откровения, при этом такое толкование должно быть в достаточной степени авторитетным, а потому должно исходить от лиц, обладающих должным духово-религиозным статусом. В связи с этим можно заключить, что в обозначенном аспекте иракская государственность уже в VII-VIII вв. н. э. приблизилась к пониманию функционирования современного конституционализма.

Аналогия в данном случае представляется очевидной. Известно, что конституционные нормы *per se* обладают весьма скромным регулятивным потенциалом: они являются в основной своей массе чрезвычайно абстрактными, и в силу отсутствия в них привычных для структуры нормы права элементов (гипотезы, санкции) они практически непригодны для казуистического, то есть

⁴⁵ Constitutionalism in Islamic Countries. Between Upheaval and Continuity. P. 30.

⁴⁶ Ibid. P. 27.

повседневного правоприменения⁴⁷. Эта особенность конституционно-правовых норм несколько не умаляет их значения в правовой системе, но при этом требует их толкования, с тем чтобы они если и не стали основанием для разрешения конкретного дела, но позволили обнаружить конкретное правило поведения, совместимое с конституционными принципами. Иными словами, как религиозные принципы ислама нуждаются в авторитетном толковании для того, чтобы стать руководством для решения правового кейса, так и нормы конституционного права нуждаются в юридическом толковании в установленной процедуре, дабы возыметь осязаемый регулятивный эффект и достичь целей своего существования.

Приведённая аналогия кажется тем более корректной на том фоне, что периоду арабского владычества были известны документы, которые по своему содержанию и значению напоминали современные конституционные тексты. Одним из самых ранних и при этом ключевых для мусульманской правовой системы, в том числе представленной в иракской конституционно-правовой парадигме, документов является т. н. «конституция Медины», датированная 622 годом н. э. (годом хиджры – путешествия Пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину). Оригинал документа до наших дней не сохранился, и о его содержании можно судить только по материалам комментаторов. Считается, что в объективном смысле «конституция Медины» являлась соглашением между многочисленными арабскими и еврейскими племенами, учредившим одно из первых независимых исламских государств на Ближнем Востоке на основе религиозных исламских принципов. С конституционно-правовой точки зрения данный документ примечателен тем, что он одним из первых артикулировал значение принципа равенства в исламе (равенства между племенами, их ответвлениями, людьми из различных племён⁴⁸), который, как известно, является одним из важнейших конституционных принципов во всех современных государствах.

⁴⁷ Bernal-Pulido C. Legal Argumentation and the Normativity of Legal Norms // Cogency. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 53–66, 57–58.

⁴⁸ См. подробнее: Hamidullah M. First Written Constitution in the World. Kazi Pubns Inc, 1809. 32 p.

Наконец, стоит обратить внимание на точку зрения, согласно которой исламское право в ходе своего становления и развития испытывало влияние древнегреческой и древнеримской юриспруденции. Представляется, что если такое влияние и имело место, оно было довольно незначительным, а в контексте исследования тенденций конституционно-правового развития иракской государственности им можно вовсе пренебречь. Так, сторонники этой точки зрения делают оговорку, согласно которой влияние древнеримской юриспруденции на исламское право ограничивается рецепцией частноправовых институтов и некоторых обычаев ведения войны, в частности, раздела добычи⁴⁹.

Что касается древнегреческого права, уместно заметить, что, к сожалению, его потенциал не был использован арабскими юристами в полной мере. Так, недооценённым оказался институт *графэ параномон* – механизм защиты греческой демократии посредством обжалования недемократического, с точки зрения заявителя, закона, противоречащего ранее принятым законодательным актам, сдерживающим деспотизм правителя⁵⁰. В описанном механизме невооружённым взглядом заметны черты конституционно-контрольных процедур, которые в настоящее время являются неотъемлемым элементом механизма правовой охраны любой конституции⁵¹, однако которые появятся в Ираке только с Конституцией 1925 года.

Период арабского владычества на территориях современного Ирака внёс значительный вклад в укрепление ранее сформировавшихся тенденций правовой эволюции будущей иракской государственности. С одной стороны, этот период

⁴⁹ См., например: Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Том 6. М.: Наука, 1966. С. 110.

⁵⁰ См. подробнее: Hansen M.H. The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes. Norman: University of Oklahoma Press, 1999.

⁵¹ Заметным исключением из этой закономерности являются Нидерланды, в которых конституционный контроль возбраняется на уровне конституционного текста (см. статью 140 Конституции Нидерландов). Примечательно, что запрет на конституционный контроль в Нидерландах критикуется самими же голландскими юристами, в том числе даже бывшим председателем Верховного суда Нидерландов Г. Корстенсом. См.: Корстенс Г. Суды и верховенство права: взгляд из Нидерландов / Пер. с англ. Д. Шабельникова. М.; Челябинск: Социум, 2021. С. 128–130.

определил шариат и исламскую догматику в качестве неизменного лейтмотива правового развития иракского конституционализма. С другой стороны, идеи, заложенные в фундамент мусульманского правопонимания, как было продемонстрировано, не противоречат, а гармонично коррелируют с теми тенденциями историко-правового развития, которые имели место на Ближнем Востоке с древнейших времён. Мусульманскому правопониманию также известно понятие о высшей справедливости, равно как о необходимости ограничения власти посредством императивных норм, отражающих эту справедливость (в данном контексте их функцию выполняют божественные заветы, содержащиеся в Коране и суннах). Период арабского владычества обеспечил преемственность тенденций конституционно-правового развития будущего Ирака, пронеся их до самого подрыва арабского господства в XVI веке.

На протяжении следующих пяти веков иракские земли входили в состав Османской империи и при этом являлись предметом дипломатических споров и даже военных кампаний между турками и персами. Период **османского владычества**, равно как и предыдущий исторический период, является довольно продолжительным и весьма неоднородным с точки зрения правового развития, в связи с чем предлагается рассмотреть ключевые историко-правовые тенденции данного периода.

Прежде всего, рассматриваемый период, как и период традиционалистского уклада, недостаточно изучен с позиций анализа зарождения и развития конституционализма иракского государства и на Ближнем Востоке в целом. Своеобразной *terra incognita* выступает период до второй половины XVIII века, юридические практики которого остались без должного внимания. Причиной тому во многом стала позиция социолога М. Вебера, который характеризовал османскую государственность данного периода и политический режим на этой территории как «султанизм» — несколько более радикализированную разновидность традиционного патримониализма, где «господство... действует преимущественно по собственному усмотрению правителя», а военная и административная силы

являются личными прерогативами правителя⁵². Разумеется, подобные формулировки отталкивают учёных-конституционалистов, у которых складывается впечатление, что анализ османского правления контрпродуктивен для нужд конституционализма.

Между тем в действительности османская юриспруденция сделала свой вклад в развитие будущего ближневосточного конституционализма, который трудно переоценить. Прежде всего, начиная с XV века, намечается тенденция кодификации (прогрессивной систематизации) правовых норм, в пользу чего говорит тот факт, что исторически первые кодексы и систематизированные сборники османских законов датируются правлением султана Мехмеда II (1444-1446 гг.)⁵³. Кодификационные тенденции продолжились с укреплением Османской империи и в XVI веке. В этом смысле, судя по всему, именно на данной стадии исторического развития в ближневосточной, а впоследствии и в иракской юриспруденции начинает возникать понятие системы права как упорядоченной совокупности правовых норм, обладающих взаимообусловленным действием. Непротиворечивость и гармоничность системы права играют значительную роль в современных конституционных государствах, являются его атрибутами и обеспечивают правовую определённость.

При этом стоит учесть, что исламский правовой элемент не исчезает и продолжает сопутствовать ближневосточным государствам и праву со всеми его ранее выявленными особенностями, несмотря на то что в отдельных регионах, где господствовали наиболее ортодоксальные течения ислама, турецкими правителями предпринимались попытки преодолеть, «смягчить» радикализм шариата. С того же XVI века священным исламским писаниям стало уделяться большее внимание, и они окончательно стали восприниматься османскими султанами и юристами в качестве источников права и правового познания. Так, в период правления султана

⁵² См.: Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology* / Eds. by G. Roth and C. Wittich. Vol. 1. Berkeley; Los Angeles; London, 1978. P. 232.

⁵³ Koç Y. *Early Ottoman Customary Law: The Genesis and the Development of Ottoman Codification / Shattering Tradition: Custom, Law and the Individual in the Muslim Mediterranean*. Eds. by Dostal W., Kraus W. I.B. Tauris, 2005. P. 75–122, 83–84.

Селима I (1512-1520 гг.) Коран и сунна вновь стали объектами юридического толкования, результатом чего стало закрепление принципа недопустимости противоречия законов империи высшему (если угодно, основному) закону – шариату; также именно на основе норм шариата, как представляется, возникло понятие «законных налогов и сборов», в то время как уплата произвольных сборов не могла вменяться в обязанность подданным⁵⁴.

Стоит отметить, что расширение территории Османской империи не могло не отразиться на состоянии имперского права. С точки зрения современного конституционализма в такой ситуации разумно ожидать принятия мер по децентрализации власти, и в Османской империи такие меры были приняты в том же XVI веке при султане Сулеймане I (1520-1566 гг.). Насколько известно, именно Сулейманом I была введена практика делегирования властных полномочий в пользу высокопоставленных должностных лиц: визирей (султанских министров) и шейх-уль-исламов (влиятельных исламских юристов и комментаторов), исходя из соображений недопустимости и элементарной неэффективности концентрации власти в руках единолично султана. При этом, что особенно примечательно для целей анализа конституционно-правовой эволюции, история Османской империи не знает ни одного случая, когда чиновник в период своей государственной службы сменил должность визиря на должность шейх-уль-ислама или наоборот, что говорит о строгом разделении их власти и функционала⁵⁵ и, несомненно, может рассматриваться в качестве предтечи к современным принципам рационализации государственной службы.

Тем не менее, в науке, по всей видимости, сложился консенсус о том, что прогрессивное движение к рациональному правопорядку началось в Османской империи не ранее второй половины XVIII века, которое, к тому же, было вызвано не острой потребностью в правовом прогрессе и созидании как таковом, а нуждой в проведении административных и финансовых реформ, назревших после

⁵⁴ Ibid. P. 77.

⁵⁵ Yılmaz H. Containing Sultanic Authority: Constitutionalism in the Ottoman Empire before Modernity // The Journal of Ottoman Studies. 2015. No. 45. P. 231–264, 234.

многочисленных военных поражений империи⁵⁶. В этом смысле Османская империя обращается к опыту Ассирийского царства (традиционалистского уклада), а именно к опыту правового регулирования военной службы и устройства армейской дисциплины, в силу чего право вновь рассматривается как инструмент обеспечения порядка в отдельно взятой сфере, а также в обществе в целом⁵⁷.

Справедливости ради, стоит заметить, что меры, предпринятые по правовой трансформации в названный период, не являлись для османского государства принципиально новыми, как может показаться, а были продолжением усилий султанов XV-XVI века по систематизации законодательства. Интенсифицирующим фактором в этом направлении деятельности стала рецепция успешного французского опыта кодификации: теперь божественное откровение и порой несистематизированные результаты его толкования всё больше вытеснялись казуистичными кодексами, определявшими конкретные правила поведения⁵⁸. В связи с этим П. Лонго делает интересное наблюдение, согласно которому именно «[в] результате процесса кодификации законодательства возникли многие конституционные последствия», в частности, рост значения позитивного права и снижение роли исламских религиозных документов в качестве источников права для целей рядового правоприменения⁵⁹, хотя, разумеется, верховенство шариата сомнению не подвергалось практически весь период османского владычества.

Экспоненциальный рост спроса на позитивное право произошёл в конце XVIII – начале XIX вв. неслучайно и был вызван общемировой тенденцией по

⁵⁶ Carter V.F. *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: The Sublime Porte, 1789–1922*. Princeton: Princeton University Press, 1980. P. 113.

⁵⁷ В историографии описанные изменения считаются частью т. н. «танзимата» – комплекса масштабных реформ, проведённых в Османской империи в середине XIX века и приведших к модернизации османского общества и государства. Так, одной из целей танзимата являлось введение регулярной воинской повинности. См. подробнее: Sohrabi N. *Revolution and Constitutionalism in the Ottoman Empire and Iran*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 32.

⁵⁸ Anderson N. *Law Reform in the Muslim World*. London: The Athlone Press, 1976. P. 34.

⁵⁹ С точки зрения П. Лонго, это выразилось, среди прочего, в том, что исламские принципы, зафиксированные в Коране, нашли своё отражение в позитивном праве (законах). См.: Longo P. *Theory and Practice in Islamic Constitutionalism. From Classica Fiqh to Modern Systems*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press, 2019. P. 82.

увеличению роли позитивного права под влиянием трудов Дж. Остина⁶⁰. Поскольку Османская империя в названный период времени стремилась стать частью мирового сообщества, эта тенденция не могла обойти её стороной. Вдобавок, подобный курс правового развития Османской империи дал свои плоды: так, благодаря ставке на позитивное право в османском праве появились принцип законности уголовного права и понятие о надлежащей правовой процедуре⁶¹, которые, как известно, являются столпами современного конституционализма, перенявшего с тех времён эти концепты практически в неизменном виде.

Принципы государственного устройства Османской империи также подверглись определённым метаморфозам, вытекающим, главным образом, из уже отмеченной снижающейся роли ислама как нормативно-правового комплекса и «высшего закона», притом что с доктринальной точки зрения ислам продолжал обладать верховенством. Так, по итогам танзимата – обширных реформенных мероприятий середины XIX века позиции религиозных институтов были в значительной степени ослаблены, отправление власти стало носить более светский характер (однако ни в коем случае речь не идёт о секуляризации власти на западноевропейский манер), в частности, влияние ислама на решение вопросов юстиции и образовании было сведено к минимуму⁶².

Стоит отметить, однако, что развитие идей конституционализма в Османской империи носило неравномерный характер и отличалось от региона к региону. В этом смысле было бы неправильным игнорировать консервативную специфику иракского региона, право которого во многих отношениях станет наследником османской правовой традиции. Представляется, что влияние османского права и тенденций его развития на правовые системы тех османских провинций, которые располагались на территории современного Ирака, было достаточно ограниченным.

⁶⁰ См. подробнее на эту тему: Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined*. London: John Murray, Albemarle Street, 1832. 389 p.

⁶¹ Longo P. *Theory and Practice in Islamic Constitutionalism. From Classica Fiqh to Modern Systems*. P. 80–81.

⁶² Sohrabi N. *Revolution and Constitutionalism in the Ottoman Empire and Iran*. P. 36.

С одной стороны, период османского владычества оказал существенное влияние на иракский конституционализм первой половины XX века (в период британского владычества, а затем независимого монархического Ирака). Так, исследователи отмечают, что идея народного суверенитета, заложенная в Конституцию Ирака 1925 года, генетически восходит именно к конституционным документам Османской империи, причисляя даже первую иракскую конституцию к представителям «османской конституционной модели»⁶³. Пожалуй, для целей настоящего исследования именно это обстоятельство является ключевым в вопросе о влиянии периода османского владычества на формирование иракского конституционализма. Кроме того, на будущие успехи конституционного строительства в Ираке не могла не повлиять османская система образования, которая, по мнению иракских исследователей, оказала существенное влияние на население иракских провинций в османский период⁶⁴.

С другой стороны, наряду с названными тенденциями в литературе отмечается и «доместикализация» законодательства Османской империи на территориях иракских провинций под влиянием интересов местного населения. Стоит отметить, что само по себе административно-территориальное деление Османской империи predisposed к такой «доместикализации», поскольку связь аянов – представителей центральной власти в османских провинциях с Константинополем со временем ослабевала⁶⁵. Применительно к правовому развитию это можно проиллюстрировать на примере попытки применения на иракских территориях центрального османского земельного законодательства во второй половине XIX века, которое предусматривало институт регистрации (то есть опубликования) прав на землю для целей оптимизации налогообложения. Тем не менее, эффект оказался обратным: действие закона столкнулось с

⁶³ Fawcett L. Neither Traditional nor Modern: Constitutionalism in the Ottoman Empire and its Successor States // *Journal of Modern European History*. 2008. Vol. 6. No. 1. P. 116–136, 127.

⁶⁴ См. подробнее: Naji S.A. Ottoman Education in Iraq and Its Impact on Iraqi Society // *Türk Tarih Kongresi*. 2018. Vol. 18. P. 599–608.

⁶⁵ Yılmaz H. Containing Sultanic Authority: Constitutionalism in the Ottoman Empire before Modernity. P. 251.

сохранявшимися на тот момент в иракском регионе традиционными системами землевладения, которые сопротивлялись усилению государственного контроля и налогового давления⁶⁶, что привело к регистрации земельных прав на лиц, в действительности ими не обладавших. Наконец, тенденция кодификации права, которая была характерна для Османской империи в целом, практически не затронула иракские провинции. Так, кодифицированное гражданское законодательство на территории современного Ирака появилось только с началом нового исторического периода – со становлением британского владычества⁶⁷.

Тем не менее, период османского владычества имеет крайне важное значение для конституционного права будущего Ирака. Одно из главных достижений этого периода заключается в сохранении доисламской (в основном иранской) традиции правления, ограниченного высшими идеями справедливости и соображениями защиты прав личности (данная доктрина, легитимировавшая бóльшую часть ближневосточных правлений, получила название «доктрины круга справедливости», согласно которой «не может быть правительства без людей, людей – без денег, денег – без процветания, справедливости и хорошего управления»⁶⁸). Более того, если присутствие этого принципа в период до XIX века на землях Ирака было скорее незримым, чем реально ощутимым в живой практике, то к концу османского владычества, в том числе благодаря большей открытости османского государства и его ориентации на западный конституционно-правовой и демократический опыт, этот принцип воплотился в реальных демократических институтах, действовавших на территории Ирака в конце XIX – начале XX вв.

В этой части вновь можно констатировать упущение историко-правовой науки, не уделившей должного внимания изучению конституционализма поздней

⁶⁶ Etheredge L. Middle East. Region in Transition. Iraq. New York: Britannica Educational Publishing, 2011. P. 114.

⁶⁷ Stigall D.E. Iraqi Civil Law: Its Sources, Substance, and Sundering // Journal of Transnational Law & Policy. 2006. Vol. 16. No. 1. P. 1–72, 3–4, 7–9.

⁶⁸ Darling L.T. Islamic Empires, the Ottoman Empire and the Circle of Justice // Constitutional Politics in the Middle East. With special reference to Turkey, Iraq, Iran and Afghanistan. Ed. by Arjomand S.A. Portland: Hart Publishing, 2007. P. 11–32, 11.

Османской империи, а именно двум, как представляется, весьма символическим обстоятельствам.

Во-первых, в 1876 году была принята первая Конституция Османской империи, которая по предмету регулирования и логике своей конструкции была крайне похожа на конституции США и Франции, которые явились колыбелью классического «западного» конституционализма. С другой стороны, с другой стороны, специфика Конституции Османской империи 1876 года заключалась в том, что её положения открывал не билль о правах, а положения об иммунитетах и неприкосновенности (статьи 3-7), в то время как сам билль о правах был более чем скромнен и закреплял лишь базовые личные и гражданские права подданных, такие как право на равное отношение вне зависимости от вероисповедания (статья 8), на личную свободу (статья 9), свободу печати (статья 12), на неприкосновенность жилища (статья 22), на рассмотрение своего дела судом, к подсудности которого оно отнесено законом (статья 23)⁶⁹ и т. д. Более того, Конституция 1876 года предполагала учреждение парламента – двухпалатного Национального собрания (статья 42), сконструированного по образу и подобию английского Парламента.

Во-вторых, начало формирования культуры парламентаризма подтверждается и практикой, имевшей место в том числе на землях современного Ирака. Отмечается, что за считанные годы до распада Османской империи иракцы активно принимали участие в первых парламентских выборах 1908 года, и именно тогда они впервые столкнулись с явлением межпартийной конкуренции⁷⁰, которая сегодня является одним из признаков реальной многопартийности и демократизма в действии.

Децентрализация власти, разделение властных функций между различными должностными лицами и увеличение роли статутного (писаного) права по сравнению с результатами толкования исламских священных источников также

⁶⁹ См.: Убичини А., Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи. СПб, 1877. С. 214–234.

⁷⁰ Dawisha A. Democratic Attitudes and Practices in Iraq, 1921–1958 // Middle East Journal. 2005. Vol. 59. No. 1. P. 11–30, 13.

являются заметными тенденциями конституционно-правового развития Османской империи, которые впоследствии будут восприняты независимым иракским государством. Вместе с тем уместно заметить, что в отличие от периода арабского владычества подобные достижения в государственно-правовом строительстве относятся не к собственно заслугам Османской империи, а являются либо результатом заимствования аналогичных концептов у западных стран, либо плодом переосмысления опыта предыдущего – арабского периода. Одновременно с этим по результатам османского владычества мусульманское правопонимание стало противопоставляться правопониманию конституционному, что обуславливается в том числе ослаблением религиозных позиций в ближневосточной юриспруденции XIX – начала XX вв. Действительно, исламские постулаты налагали известные ограничения на круг прав личности, которых конституция исламского государства могла закрепить (возможно, именно этим и объясняется скромность перечня прав, гарантированных Конституцией 1876 года), и влияние ислама на формирующиеся конституционно-правовые институты оценивалось в целом как негативное⁷¹.

Распад Османской империи по результатам Первой мировой войны ознаменовал начало периода **британского владычества** над землями Ирака, которое с правовой точки зрения выразилось в том, что Ирак приобрёл статус подмандатной территории, управляемой своим мандатарием – Великобританией в порядке статьи 22 Устава Лиги Наций. Так, согласно итоговой резолюции Конференции в Сан-Ремо 1920 года Месопотамия наряду с Сирией стала той территорией, которая должна быть «временно признан[а] в качестве независим[ого] государств[а]» при условии предоставления административной консультационной помощи до тех пор, пока данная территория не сможет существовать независимо и самостоятельно⁷².

⁷¹ Darling L.T. Islamic Empires, the Ottoman Empire and the Circle of Justice. P. 32.

⁷² Цит. по: Quigley J. The Statehood of Palestine: International Law in the Middle East Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 29.

Не секрет, что система мандатов по праву Лиги Наций является одним из первых сигналов к необходимости проведения политики деколонизации и обеспечения политической независимости многочисленных территорий от своих метрополий, что, однако, не возымело заметных успехов до Второй мировой войны. Однако Ирак в этом смысле является знаменательным исключением, поскольку даже к моменту учреждения мандатной системы обладал всеми предпосылками к построению независимого и, главное, конституционного государства. Об этом говорит, в частности, тот факт, что сам Устав Лиги Наций указывал, что территории, находившиеся под управлением Османской империи, «достигли такой стадии развития, когда их существование в качестве независимых наций может быть временно признано» при необременительных условиях (абзац 4 статьи 22), что и было подтверждено приведённой резолюцией Конференции в Сан-Ремо. Далее, как следует из англо-иракского договора 1922 года, оформившего учреждение британского мандата над Ираком, Великобритания обязалась оказывать Ираку поддержку без вмешательства в иракский суверенитет (статья 1), при том что иракское государство обязалось принять конституцию, которая гарантировала бы права всех лиц, населяющих страну (статья 3)⁷³. Очевидно, подобные положения не были бы предусмотрены, если бы Ирак на основании собственного историко-правового опыта и опыта своих исторических предшественников не был способен построить подлинно конституционное государство.

Попыткой построения такого государства стало принятие монархической Конституции 1925 года, которая считается первой конституцией иракского государства, отвечающей классическим (главным образом – западным), сформировавшимся на тот момент воззрениям на конституционное право. Разумеется, задача по разработке такого конституционного документа не была бы достигнута, если бы, начиная со времён традиционалистского уклада, на иракской территории не возникли бы выявленные ранее тенденции правового развития.

⁷³ Treaty of Alliance between Great Britain and Iraq, signed in Bagdad, October 10, 1922 // Treaty Series. 1925. No. 17. P. 3–4.

Анализ содержания Конституции (Основного закона) 1925 года позволяет выделить следующие её особенности:

1) ислам провозглашается в качестве государственной религии, однако наряду с этим гарантируется и свобода вероисповедания, а также свобода отправления культа (статья 13). Практически идентичные формулировки можно встретить в ныне действующей Конституции Ирака 2005 года;

2) статьи 5-18 конституции в соответствии со статьёй 3 англо-иракского договора 1922 года закрепили ряд основополагающих конституционных прав граждан Ирака, многие из которых были предусмотрены ещё Конституцией Османской империи 1876 года. В этом смысле предположения, согласно которым Конституция Ирака 1925 года генетически находит свои корни в Конституции Австралии 1900 года⁷⁴, являются не вполне обоснованными, поскольку, как известно, австралийская конституция, в отличие от конституций подавляющего большинства стран мира, вовсе не содержит билля о правах;

3) носителем государственного суверенитета признаётся иракская нация в целом (статья 19). Из данного положения проистекают механизмы народного представительства, центральное место среди которых занимает двухпалатный парламент Ирака – Национальное собрание, который на дуалистических началах осуществляет государственную власть наряду с Королём (статья 28). Если сенаторы – члены верхней палаты парламента (Сената) назначалась Королём, то депутаты – члены нижней палаты парламента избирались. При этом стоит отметить, что палата формировалась на весьма ограниченных началах представительства, а именно только на основе мужского пассивного избирательного права (статья 42), и *sensu stricto* депутаты представляли только мужского населения Ирака, из которого и рассчитывалась норма представительства (статья 36). Любопытно, что такая ограниченная модель народного представительства сохранилась до фактического прекращения действия

⁷⁴ Jawad N.S. The Iraqi Constitution: Structural Flaws and Political Implications // LSE Middle East Centre Paper Series. 2013. No. 1. P. 6.

рассматриваемой конституции (до 1958 года). Деятельность парламента является транспарентной за счёт открытости заседаний Национального собрания (статья 57);

3) в систему государственной власти Ирака впервые *expressis verbis* введены элементы сдержек и противовесов в соответствии с американской конституционно-правовой традицией. Например, Национальное собрание Ирака имело возможность выразить недоверие правительству – Совету министров, что влекло за собой отставку последнего (статья 66); был предусмотрен механизм контрассигнации королевских актов председателем Совета министров (статья 27); Верховный суд Ирака при решении вопросов о конституционности тех или иных нормативных актов созывался Королём при наличии к тому согласия Совета министров (статья 83) и т. д.;

4) статья 83 стала настоящим прорывом в истории конституционного развития Ирака, поскольку предусмотрела институт конституционного контроля за актами парламента. Конституционно-контрольные функции были возложены на Верховный суд Ирака, который для этих целей созывается Королём с согласия Совета министров. Предметом конституционного контроля могли быть как законы, издаваемые парламентом, так и акты делегированного нормотворчества (статья 84). Более того, статьёй 86 предусматривалась возможность применения компенсаторных механизмов в случае, если действие неконституционного акта причинило какие-либо убытки, что неизвестно даже современной правовой системе Ирака, в которой нормоконтрольная практика уже сложилась⁷⁵. Эта деталь представляется тем более любопытной на том фоне, что, например, в Российской Федерации – в государстве с куда более прочными традициями конституционного контроля – возможность применения компенсаторных механизмов в конституционном судопроизводстве была предусмотрена только в конце 2020 года⁷⁶. Кроме того, акцентировать внимание на наличие механизмов

⁷⁵ См. об этом в параграфе 2 главы 2 настоящего диссертационного исследования.

⁷⁶ См.: Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"», подпункт «е» пункта 56 статьи 1 // СПС «КонсультантПлюс».

конституционного контроля необходимо для того, чтобы подчеркнуть некоторую самобытность конституционного развития Ирака на данной стадии. Действительно, рассматриваемая конституция, будучи введённой в действие в период действия британского мандата, была разработана под ощутимым влиянием английских юристов. Однако, несмотря на это, в системе государственной власти Ирака всё же нашлось место конституционному контролю, который в традиционном его понимании неизвестен Великобритании. Как следствие, иракский парламент, в отличие от парламента Великобритании, не наделён т. н. парламентским суверенитетом, то есть парламент Ирака в куда большей степени связан конституционными предписаниями;

5) по форме государственного устройства Ирак определялся как унитарное государство, однако с правом регионального самоуправления на уровне религиозных общин (статья 112). Стоит отметить, что по состоянию на 1920-е годы, по оценкам некоторых исследователей, Великобритания в действительности не намеревалась сохранить единство иракской государственности, обещая, в том числе, политическую автономию курдам и ассирийцам⁷⁷. Скорее всего, этим и объясняется решение построить монархический Ирак в виде унитарного государства с ограниченными возможностями самоуправления, несмотря на то что буквально кричащая многонациональность иракского народа, по сути, предполагает в том числе территориальную децентрализацию государства, в том числе посредством реализации федеративной модели в Ираке;

6) конституция предусмотрела механизм самозащиты в виде усложнённого порядка её изменения (статья 119).

Наконец, обращают на себя внимание и юридико-технические достижения Конституции 1925 года. Так, в практику иракской юридической техники стала входить генеральная конституционная оговорка. Она была реализована при закреплении права иракских граждан на уважение собственности, указывая, что это право может быть ограничено только ради общественной пользы, на основании

⁷⁷ Щевелев С.С. Британский мандат и восстание 1920 года в Ираке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 140–153, 142.

закона и при условии справедливого вознаграждения (статья 10). Вместе с тем Конституция 1925 года так и не получила теста на пропорциональность ограничения прав либо теста на балансировку конкурирующих прав и ценностей, которые к тому времени уже были известны некоторым западным конституционным правовым порядкам.

На основе данного анализа представляется возможным присоединиться к позитивным оценкам Конституции 1925 года, высказываемым в литературе. Среди прочего, отмечается, что эта конституция одна из первых на Ближнем Востоке обозначила курс на построение современного правового государства⁷⁸, а также, несмотря на всю специфику исторического контекста, в котором она принималась, стала одной из наиболее прогрессивных на ближневосточном пространстве⁷⁹. Неслучайно в ходе разрешения конституционного кризиса 2003-2005 годов при обсуждении вопроса о новой иракской конституции выдвигались предложения об использовании Конституции 1925 года в качестве основы, с дисквалификацией, однако, всех упоминаний о монархической форме правления⁸⁰. Такие оценки оправданны также по той причине, что Конституция 1925 года составляла правовую основу иракской государственности не только в период британского владычества, но и в **период независимости иракского королевства** (с 1932 года – снятия британского мандата по 1958 год). Наконец, стоит признать, что принятие конституции Ирака 1925 года имеет ключевое доктринальное значение, поскольку данный исторический факт является орудием борьбы со стереотипами, согласно которым демократические институты на иракской почве не приживутся.

Практика реализации отдельных конституционных положений также демонстрирует определённые успехи. На их основе в Ираке начала зарождаться

⁷⁸ Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 2. С. 139–152, 139.

⁷⁹ Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). С. 110.

⁸⁰ Democratic Principles and Procedures Working Group. The Future of Iraq Project. Final Report on the Transition to Democracy in Iraq. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB198/FOI%20Democratic%20Principles.pdf> (дата обращения: 01.06.2022). Р. 8–10.

политически организованная и легальная оппозиция в лице оппозиционных политических партий, несмотря на то что каждая из этих партий просуществовала сравнительно недолго. Тем не менее, в целях предупреждения использования этого исторического факта в дискуссиях о несостоятельности монархического конституционализма в Ираке стоит заметить, что прекращение их существования обусловлено не политическими репрессиями, а особенностями устройства самих партий, которые объединялись, как правило, вокруг единичных политических лидеров и теряли опору одновременно с падением персональной популярности своих лидеров⁸¹. Кроме того, именно политические партии как организованная сила, последовательно выступавшая за укрепление независимости Ирака от британской экономики, выводе с его территории контингента иностранных войск и политический нейтралитет страны, сыграли свою важную историческую роль в событиях 1950-х годов, которые привели к падению монархического строя в 1958 году и становлению иракской республики⁸².

Другим примером практических успехов реализации Конституции 1925 года можно назвать повышение уровня свободы печати в Ираке. Согласно данным исторической статистики, в период с 1919 по 1933 годы в Ираке на постоянной основе печаталась 61 газета, причём многие из этих изданий являлись оппозиционными (как правило, антибританскими) и оказывали реальное влияние на самосознание иракских граждан, несмотря на то, что большинство оппозиционных изданий, равно как и партий, в среднем существовали не более двух лет⁸³.

Разумеется, реализация положений Конституции 1925 года не могла не столкнуться с трудностями, проистекающими из исторических и социальных особенностей иракского государства, даже несмотря на то, что она вполне укладывалась в общеисторические тенденции развития конституционализма на

⁸¹ Dawisha A. *Democratic Attitudes and Practices in Iraq, 1921–1958*. P. 16–17.

⁸² Romero J. Arab Nationalist Constitutions of 1958 in the Context of the Cold War: the cases of the Egyptian-Syrian United Arab Republic, the Iraqi-Jordanian Arab Union, and the Republic of Iraq // *Middle Eastern Studies*. 2020. P. 585–606, 595.

⁸³ Dawisha A. *Democratic Attitudes and Practices in Iraq, 1921–1958*. P. 27.

иракских землях. Например, конституционные положения так и не смогли сформировать прочную парламентскую культуру в Ираке, поскольку дуалистическая монархическая модель не только смещала центр власти в сторону короля, но и позволяла себе проводить нечестные, непрозрачные и временами даже репрессивные избирательные кампании, которые даже перерастали в вооружённые столкновения избирателей и правоохранительными органами⁸⁴.

Другой проблемный вопрос реализации положений Конституции 1925 года связан с деятельностью института конституционного контроля. Несмотря на то, что данный институт получил свою необычайно подробную регламентацию непосредственно на уровне конституции, достоверных свидетельств практического его применения в рассматриваемый исторический период обнаружить не удаётся. Любопытны позиции исследователей – современников монархического Ирака: одни утверждают, что конституционный контроль в монархическом Ираке не практиковался вовсе⁸⁵; другие, выдвигая такой же тезис, оправдывают это тем, что в тот период времени у государственных институтов и граждан не было объективной и сколько-либо насущной потребности в конституционном контроле⁸⁶ (что вызывает как минимум одно резонное возражение: зачем, в таком случае, данный институт следовало закреплять в конституционном тексте?). В действительности же на практике Верховный суд Ирака задействовал свои конституционно-контрольные полномочия в соответствии со статьёй 83 Конституции лишь однажды – в 1939 году, когда Суд признал неконституционными и дисквалифицировал положения закона № 20 от 1938 года о предотвращении вредной пропаганды⁸⁷. Соответственно, стоит согласиться с

⁸⁴ Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). С. 31.

⁸⁵ Deener D. Judicial Review in Modern Constitutional Systems // The American Political Science Review. 1952. Vol. 46. No. 4. P. 1079–1099, 1089.

⁸⁶ Davidson N.G. The Constitution of Iraq // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1925. Vol. 7. No. 1. P. 41–52, 51.

⁸⁷ Аль-Хафаджи С.М. Судебный контроль за конституционностью законов согласно конституциям Ирака // Журнал «Ахль аль-Байт». 2009. № 8. С. 315–345, 322–323.

утверждениями о том, что в монархическом (как подмандатном, так и независимом) Ираке практика конституционного контроля не сложилась.

Таким образом, Конституция 1925 года ознаменовала присоединение Ирака к глобальному конституционному движению и принятием им универсальных тенденций мирового конституционализма. Следует отметить, что такой результат в наименьшей степени является заслугой иностранного вмешательства в виде периода британского владычества: анализ, проведённый в настоящем параграфе, наглядно демонстрирует, что те историко-правовые тенденции, которые существовали на землях Ирака в период с древнейших государств (Вавилон, Ассирии) до крушения Османской империи, сущностно практически всецело совпадают с тенденциями развития глобального конституционализма.

В этом смысле дискуссионным может являться разве что вопрос об осложнении иракской правовой системы и иракского конституционализма религиозным — исламским элементом, поскольку большинство современных конституционных государств характеризуется светским характером правового регулирования. Вместе с тем нетрудно заметить, что нормы шариата в периоды арабского и османского владычества в принципе выполняли ровно ту же роль, какую выполняют конституции в светских секуляризированных государствах: роль *ограничения власти*, склоняющейся к деспотии, роль своеобразного *критерия «правильности», справедливости правовых норм*, которые ни в коем случае не могут противоречить шариату или конституции. С другой стороны, и шариат, и конституции располагают достаточным инструментарием для *самозащиты от произвольных изменений*: если священное писание ислама вовсе непогрешимо и не поддаётся сомнению, то конституция во всяком случае не может быть изменена по прихоти правителя.

В этом смысле с точки зрения историко-правового анализа отличий между мусульманским и конституционным правопониманием не так уж и много, и они могут скрываться лишь в нюансах, например, в вопросах признания или гарантии тех или иных прав человека или в вопросах построения органов государственной власти. В этом смысле, кстати, шариат и конституционализм вновь находят точки

соприкосновения: и та, и другая системы видят рациональность управления в разделении властей и функций должностных лиц, а также оба этих правовых комплекса настаивают на обеспечении автономии личности и уважения её прав.

Нет оснований полагать обратное и на том фоне, что роль ислама как источника права снижается в связи с укреплением конституционных традиций и расширением предмета конституционно-правового регулирования. Действительно, апелляции к Корану и сунне стали носить менее ортодоксальный и бескомпромиссный характер, а их регулятивное значение несколько ослабело. Вместе с тем это не означает, что фундаментальные идеи, заложенные в них, уступили принципам конституционализма: напротив, столь ранний успех иракского конституционализма обязан *органичному взаимопроникновению* самобытных тенденций правового развития Ирака и его исторических предшественников, и глобальных тенденций мирового конституционализма на «западный» манер.

Исключительное историческое значение Конституции 1925 года также состоит в том, что она, несмотря на нарастающие социальные противоречия внутри страны, всё же смогла на довольно длительное время – 33 года (1925-1958 гг.) обеспечить политико-правовую стабильность государства Ирак. Даже некоторые законодательные акты, принятые в период её действия, с учётом поправок к ним сохраняют свою силу и по сей день, в числе которых один из ключевых для любого правопорядка документов – Гражданский кодекс Ирака 1951 года. Последующая же эпоха – **период республиканского**, а затем и **социалистического Ирака** (1958-2003 гг.) – будет характеризоваться лишь временным и крайне скудным конституционно-правовым регулированием. Даже Конституция Ирака 1970 года, фактически действовавшая до событий 2003 года (то есть ровно столько же, сколько и Конституция Ирака 1925 года – на протяжении 33 лет), являлась в объективном смысле временным документом.

Причиной слома монархического строя считается утрата Великобританией геополитических позиций на Ближнем Востоке и ослабление её политического и

правового влияния на страны региона⁸⁸, в том числе и на Ирак, в котором ещё до установления британского мандата назревали антибританские настроения. Данное обстоятельство осложнялось развернувшейся к тому времени Холодной войной, а также общим идеологическим движением за независимость на арабском пространстве, однако имевшем также и националистические оттенки (по этой причине представления о едином арабском мире, господствовавшие в странах Ближнего Востока (главным образом в Египте и Ираке), заметно отличались друг от друга). Кульминацией стали события 14 июля 1958 года (т. н. «первая июльская революция»), по результатам которых монархический строй был сломлен, а его место заняла республиканская форма правления. Несомненно, данные события не могли не отразиться на состоянии конституционализма в Ираке.

События 1958 года открывают длительный период временных конституций, который порождает целый ряд конституционно-правовых проблем и, впоследствии, обусловит ряд особенностей иракского конституционализма. Примечательно, например, что Ирак был одним из немногих государств с республиканской формой правления, в котором функции главы государства выполнялись коллегиальным органом, а не должностным лицом, до февраля 1963 года. В обращении к народу генерала А.К. Касема от 14 июля 1958 года, то есть в день революции, было сказано: «[И]дя навстречу пожеланиям народа, мы временно назначаем главой Иракской Республики Государственный совет, который будет пользоваться властью до тех пор, пока народ не изберет президента».

Первая из временных конституций Ирака – Конституция 1958 года оценивается учёными как весьма пробельная и лаконичная, учитывая, например, что она даже не содержала в себе положений о гарантируемых правах человека и гражданина⁸⁹. С другой стороны, сторонники телеологического толкования Конституции 1958 года не усматривают в скудности её содержания большой

⁸⁸ Мехмет У. Политика Великобритании в отношении региональных и этноконфессиональных элит в современном Ираке: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Мехмет Урпер. СПб, 2018. С. 45.

⁸⁹ Дубессан Д.Р.Х. Реформа государственно-территориального устройства Республики Ирак в XXI веке: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Дубессан Рафед Х. Дубессан. М., 2014. С. 7–8.

проблемы, поскольку, по их мнению, её целью являлось не установление нового конституционного порядка и улучшение качества жизни граждан как таковое, а фиксация результатов, достигнутых революционным антимонархическим движением; иными словами, значение конституционного текста было низведено до его понимания как инструмента достижения конкретных политических целей⁹⁰. С такой позицией, вероятно, имеет смысл согласиться. Более того, представляется возможным с известной долей условности экстраполировать этот вывод на последующие временные конституции Ирака, которые были призваны закрепить результаты очередных переворотов – конституции 1964 и 1968 годов⁹¹.

Следует обратить внимание на ряд коренных изменений в конституционно-правовой основе Ирака, помимо смены формы правления:

1) конституционный строй, воцарившийся в 1958 году, предусматривал сращение военного и государственного аппаратов, на основании чего политический режим соответствующего исторического периода нередко характеризуется как военная диктатура. Власть военных предсказуемо запретила деятельность политических партий в Ираке, нанеся тем самым удар по демократическим институтам и гражданскому обществу. В последующем политические партии будут легализованы в 1960 году, однако возвращению реальной многопартийности это не поспособствует⁹²;

2) 1958 год ознаменовался также тем, что впервые на конституционном уровне арабы и курды были приравнены в своих правах и притязаниях⁹³. Это отнюдь не означает, что до этого момента принцип равенства не был известен иракскому праву; названное положение имеет принципиальное политическое, программное, декларативное значение. Тем не менее, значение этой декларации будет нивелировано посредством принятия конституций 1964 и 1968 годов,

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Jawad N.S. The Iraqi Constitution: Structural Flaws and Political Implications. P. 6–7.

⁹² Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). С. 47.

⁹³ Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, Ин-т востоковедения РАН, 1999. 200 с.

которые, напротив, создадут предпосылки к ущемлению прав курдов и небывалому обострению национального вопроса в Ираке⁹⁴. Это, однако, впоследствии усугубит сепаратистские тенденции, которых иракская государственность не сможет преодолеть и к началу третьего десятилетия XXI века.

В целом Конституция Ирака 1958 года действительно не являлась «конституцией» в том подлинном значении этого слова, которое в него вкладывал Б. Констан, говоря о конституции как о документе, защищающем личность от политического произвола и государственного деспотизма⁹⁵. Этот документ лишь отражал волю политических элит, захвативших власть в Ираке силой, которая была принята и работала в их интересах. Тем не менее, историческую роль данной конституции трудно переоценить, поскольку она стала первой конституцией республиканского Ирака.

Во всяком случае, каждая из временных конституций в период с 1958 по 1968 годы не способна была существенно повлиять на сложившиеся тысячелетиями тенденции правового развития иракской государственности (просто в силу того, что данные конституции не претендовали на роль постоянных и фактически таковыми не являлись, хотя и олицетворяют собой заметный конституционно-правовой регресс). Тем не менее, положение статьи 1 Конституции 1964 года – одной из следующих временных конституций революционно-социалистического Ирака – вызывает особый интерес, поскольку она предопределила вектор развития иракского конституционализма вплоть до начала XXI века. Указанным положением Ирак провозглашался в качестве социалистического государства. Любопытно, что Конституция Ирака 1964 года содержала 106 статей, что крайне нетипично для временных конституций, которые, как правило, регулируют наиболее общие положения государственного устройства до принятия постоянной конституции.

⁹⁴ Kelly M.J. The Kurdish Regional Constitution within the Framework of the Iraqi Federal Constitution: A Struggle for Sovereignty, Oil, Ethnic Identity, and the Prospects for a Reverse Supremacy Clause // Dickinson Law Review. 2010. Vol. 114. No. 3. P. 707–808, 772.

⁹⁵ Sajó A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. P. 15.

Подобные нормы, сигнализирующие о социалистической ориентации Ирака, имеются и в Конституции 1968 года (статья 1), и, что самое важное для целей настоящего исследования, в Конституции 1970 года (статья 12), которая фактически станет постоянной для Ирака на протяжении более чем тридцати лет.

Вопрос сосуществования социалистического права и конституционного правопонимания является предметом особенно острых дебатов в российской правовой науке последних десятилетий. До сего момента настоящим исследованием отстаивался тезис о том, что тенденции развития правовых представлений о должном и справедливом, в частности, конституционного права на территории современного Ирака испокон веков сущностно пересекались с тенденциями развития универсального (глобального) конституционализма по образцу западных государств. Между тем социалистическое правопонимание, напротив, становится в оппозицию правопониманию «буржуазному», в плоскости которого и протекали глобальные конституционно-правовые тенденции. Известный представитель социалистической международно-правовой школы Г.И. Тункин наглядно показывает это противопоставление, отмечая, что «не существует нормативных принципов, которые были бы общими для двух противоположных систем права: социалистического и буржуазного. Принципы этих правовых систем... в корне отличны по своей классовой природе, роли в обществе и целям»⁹⁶.

Непримиримый антагонизм социалистического и буржуазного обнаруживает себя в конституционно-правовом дискурсе, например, в той части, что социалистическая система отказывается воспринимать целый ряд значимых для конституционализма как такового правовых конструктов, наподобие разделения властей или идеи правового государства⁹⁷. В результате они либо вовсе отвергались социалистическим строем, либо заменялись на правовые суррогаты (коим, например, является концепция социалистической законности). Нужно заметить, что это обстоятельство увеличило количество противников социалистического

⁹⁶ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2006. С. 176.

⁹⁷ См. подробнее: Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934.

правового уклада в последние годы и сформировало у них довольно нетерпимые позиции по рассматриваемому вопросу. К этому выводу можно прийти, наблюдая, например, за дискуссией А.В. Должикова и судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондаря о том, существовало ли в Советском Союзе понятие конституционализма (как в теории, так и на практике)⁹⁸. Действительно, данный вопрос является весьма болезненным для всех государств с социалистическим прошлым, включая Ирак, и пылкость научных дебатов подчёркивает эту болезненность.

На этой почве можно прийти к парадоксальному выводу: если принять во внимание тот факт, что позиция мусульманского правопонимания (в частности, на территории Ирака) по целому ряду ключевых для конституционализма вопросов совпадает с позицией «буржуазного» правопонимания, что было показано в исследовании, то социалистическое правопонимание ставит себя в оппозицию и мусульманской правовой парадигме. Анализ положений социалистической Конституции Ирака 1970 года может подтвердить, что уже с буквальной точки зрения многие тенденции конституционно-правовые развития Ирака и завоевания иракского конституционализма были обращены вспять.

Например, тенденция децентрализации власти, а также наметившаяся с начала века тенденция осуществления государственной власти народом Ирака посредством формирования представительных органов (парламента) сменились централизацией власти и её сосредоточением вокруг высшего коллегиального органа – Совета революционного командования (его учреждение предусматривалось также Конституцией 1964 года). Конституция прямо провозглашала этот орган высшим органом власти (статья 37), члены которого пользовались неприкосновенностью и иммунитетами (статья 40). Среди членов

⁹⁸ См.: Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав). С. 57; Отзыв члена диссертационного совета Н.С. Бондаря на указанную диссертацию А.В. Должикова: «Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав)». С. 6–7. URL: https://disser.spbu.ru/files/2022/otzyv_bondar_dolzhikov.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

СРК также выделялись Президент и Вице-президент. Несмотря на то, что конституция предусматривала учреждение парламента – Национального совета (статья 47), организация парламентаризма в период социалистического Ирака сопоставима с таковой в период монархического Ирака, а именно характеризуется дуализмом власти парламента и СРК (который, условно говоря, начинал выполнять функции «коллегиального монарха» Ирака). Более того, поскольку СРК и Национальный совет фактически являлись единым органом законодательной власти в Ираке, этот дуализм представляется куда более радикальным, чем монархический дуализм по Конституции 1925 года. Это проявляется, в частности, в том, что СРК не только обладал правом законодательной инициативы, но и наделялся полномочиями по отклонению любых законов, принимаемых Национальным советом. Кроме того, только СРК единолично имел право осуществлять нормотворчество в сферах безопасности государства, войны и мира, а также финансово-бюджетных вопросов (статья 53).

Другой отличительной особенностью иракского государственно-правового устройства рассматриваемого периода, также резонирующей со сложившимися тенденциями развития иракского конституционализма, является сращивание партийного аппарата (аппарата Партии арабского социалистического возрождения – БААС) и аппарата государственного, что является характерной чертой социалистического государственного устройства в принципе⁹⁹. К такому выводу можно прийти, например, обратившись к анализу персонального состава правительства социалистического Ирака – Совета министров, который всегда как минимум на треть состоял из функционеров БААС.

Иное проявление вмешательства партии в нормативное регулирование конституционных общественных отношений наблюдается в избирательной сфере. Так, по инициативе БААС была учреждена специализированная комиссия, которая имела право отказывать в регистрации тем кандидатам, которые «не верят в

⁹⁹ Усков В.А. Трансформация партийно-государственной системы управления в СССР 1920-х – 1950-х гг.: из опыта органов партийного контроля // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2014. № 2. С. 168–173, 169–170.

руководящую роль [БААС], принципы и цели июльской революции»¹⁰⁰, что, разумеется, представляет собой не что иное как избирательный политический ценз, обеспечивший лояльность национального совета по отношению к БААС и составу СРК.

Столь серьёзное и явное партийное вмешательство в механизм правового регулирования в Ираке и других социалистических странах привёл к тому, что акты главенствующей политической партии начали обладать если и не полноценной юридической силой (имея в виду, что социалистические конституции, как правило, не называют партийные акты в качестве источников права), то во всяком случае определённым нормативным эффектом. Эта черта также не явилась уникальной для социалистического Ирака: её можно встретить практически в любой социалистической правовой модели. Например, советский учёный-цивилист О.А. Красавчиков даже применительно к отрасли права, не имеющей непосредственного отношения к осуществлению государственной власти – советскому гражданскому праву отмечал, что постановления ЦК КПСС «занимают особое место среди источников гражданского права... обладают двоякого рода силой – и политического (идеологического), и юридического порядка»¹⁰¹.

Наконец, говоря о роли ислама в социалистическом Ираке, стоит отметить, что она, напротив, следует тенденции, наметившейся ещё с рубежа XIX – XX вв., согласно которой нормативно-правовое значение религиозных первоисточников и результатов их толкования снижается, что, разумеется, неприменимо к значению идеологическому. В этом смысле Конституция Ирака 1970 года стала последним шагом к тому, чтобы в последующей – ныне действующей конституции роль ислама и норм шариата описывалась достаточно сдержанно¹⁰². Это же относится и к юридической практике, в которой пробелы правового регулирования стали заполняться не столько толкованием норм шариата, сколько соображениями т. н.

¹⁰⁰ Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). С. 62.

¹⁰¹ Советское гражданское право. Т. 1. / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1985. С. 51–53.

¹⁰² Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама. С. 142.

«социалистического правосознания». Крайне любопытно, что подобный источник права, характерный, как правило, революционному и ближайшему постреволюционному периодам, сохранился даже в позднем СССР (см., например, статью 37 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года), когда идеи марксизма-ленинизма выкристаллизовались и перестали развиваться с былой интенсивностью.

Завершая исследование феномена социалистического Ирака, нельзя обойти вниманием проект очередной временной конституции страны 1990 года, которая могла бы вступить в силу, однако не была принята в связи с вторжением Ирака в Кувейт в том же 1990 году и вытекающими отсюда политическими последствиями.

Помимо того, что конституционный проект одним из последних в мире подтверждал социалистический политико-правовой курс Ирака (статья 1), устанавливал командную экономику (статья 12) и налагал существенные ограничения на приватизацию некоторых видов имущества (статья 13), при этом не допуская возникновение права собственности иностранных субъектов на иракские земли (статья 18), он был призван, судя по всему, укрепить позиции СРК, вновь провозгласив его высшим органом государственной власти (статья 37), наделив его исключительными нормотворческими прерогативами, преобладающими над законодательной функцией нижестоящего по отношению к СРК парламента (статья 42), а также сокрыв процедуру принятия решений в СРК, предусмотрев, что орган может работать только в закрытом режиме (статья 41). Примечательными особенностями данного проекта стали дуализм права на труд и обязанности трудиться (статья 32), а также включение в достаточно скромный билль о правах позитивной обязанности государства по предоставлению «народным массам возможность[и] пользоваться достижениями модернизации и [распространению] прогрессивны[х] достижений современной цивилизации для всех граждан»¹⁰³.

¹⁰³ Kurrild-Klitgaard P. Blood, Baath and Beyond: The Constitutional Dilemma of Iraq // Public Choice, Springer. 2004. Vol. 119. No. 1. P. 13–30, 22.

Строго говоря, сам факт принятия либо непринятия проекта иракской конституции 1990 года в абсолютном смысле не играет сколько-либо существенной роли в истории социалистического Ирака и, тем более, в историко-правовом развитии иракского конституционализма, имея в виду, что с окончанием Холодной войны и к началу XXI века подобные радикальные разновидности социалистического движения практически повсеместно потерпели поражение, вновь либо впервые восприняв глобальные (универсальные) тенденции развития мирового конституционализма. Вместе с тем с сугубо методологических позиций было бы в корне ошибочным столь нигилистически относиться к периоду социалистического Ирака, поскольку, например, тенденция снижения роли исламских религиозных источников для целей правового регулирования практически никаких изменений не претерпела.

Социалистический опыт иракского государства впоследствии послужил плодотворной почвой для рефлексии над историей иракского конституционализма в целом, поскольку к началу XXI века в иракском правовом дискурсе практически единодушно высказывались скептические оценки относительно конституционного будущего страны. Утвердиться в этих оценках позволило вторжение Коалиции согласных во главе с США в Ирак в 2003 году, на фоне которого юридические процедуры транзита власти – буквально сакральный аспект современного конституционализма – были существенно попорчены, и даже появились основания полагать, что конституционализм и вовсе оставил иракские земли¹⁰⁴.

Для целей анализа периода **современного иракского конституционализма** в контексте настоящего параграфа, не вторгаясь в решение исследовательских задач, поставленных в других главах настоящей работы, представляется целесообразным сосредоточиться на рассмотрении отдельных положений Переходного административного закона 2004 года (*далее здесь* – Закон), которым на переходный период до принятия постоянной конституции независимого иракского государства (таковой станет Конституция Ирака 2005 года)

¹⁰⁴ Morrow J. Weak Viability. The Iraqi Federal State and the Constitutional Amendment Process. Special Report No. 168. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 2006. P. 3.

гарантировались конституционные права лиц, проживающих на территории Ирака, определялась система отправления верховной власти в период государственного вакуума, а также которым были весьма точно обозначены контуры будущей Конституции 2005 года¹⁰⁵.

Прежде всего, статья 4 Закона впервые в истории конституционного развития Ирака определила иракское государство как федерацию, что ознаменовало новый виток децентрализации власти на иракских землях и тем самым возобновило общую историко-правовую иракскую тенденцию, прервавшуюся в период социалистической государственности, по рассредоточению власти. Более того, положения Закона о децентрализации приобретают новое звучание в контексте его статьи 54(B), которая позволяла Национальной ассамблее Курдистана собственными законодательными актами вносить изменения в механизм действия и применения любого федерального закона, кроме тех, предмет которых относится к исключительному ведению центрального правительства. Стоит отметить, что на этом же тенденция по дальнейшему рассредоточению власти по федеративной модели завершается, поскольку будущая Конституция Ирака 2005 года такой прерогативы региональным законодательным органам не предоставит, а в последующем и вовсе послужит плацдармом для централизации иракской федерации.

Далее, Закон, насколько известно, впервые в правовой истории Ирака сконструировал билль о правах по модели *numerus apertus* (открытого перечня) прав и свобод человека и гражданина. Систематическое толкование статей 10 и 23 Закона позволяют сделать вывод о том, что иракцы вправе пользоваться и другими правами, не закреплёнными напрямую в Законе. Сам же текст Закона делал акцент прежде всего на личных, гражданских и политических правах. Так, под очевидным влиянием американской юриспруденции одним из первых признаваемых и

¹⁰⁵ Вероятно, такая точность обуславливается тем, что Переходный административный закон в некоторых своих положениях прямо указывал, что должно содержаться в будущей постоянной конституции независимого Ирака. Например, в своей статье 59 Закон требовал, чтобы будущая конституция закрепила положение, согласно которому Вооружённые силы Ирака более никогда не будут использоваться для террора или угнетения иракского народа.

защищаемых прав Закон называет право на свободу выражения мнений, мирных собраний и свободу слова (статья 13). Кроме того, Закон, судя по всему, намеренно и сознательно сделал реверанс в сторону ушедшей социалистической эпохи, закрепив право иракцев на социально-экономическое благополучие и курс на обеспечение «процветания» иракского народа (статья 14). Наконец, в Законе встречаются и довольно нестандартные формулировки, среди которых гарантия права граждан Ирака на институты гражданского общества (статья 21), а также реакционные положения, например, о праве иракцев, лишённых предыдущим режимом гражданства по политическим либо дискриминационным мотивам, на репатриацию (статья 4(B, D)). Кроме того, Закон, предпринимая попытку сохранить самобытность иракской государственности и его правовой традиции, устанавливает ислам в качестве официальной религии государства, а также в качестве комплекса норм, которым не может противоречить ни один закон, изданный в переходный период (статья 7).

Как видно из содержания Закона, несмотря на его неприкрытую инородность и его введение в действие посредством иностранного военного вмешательства, ему удалось попасть в лоно тех историко-правовых тенденций иракского государства и права, которые были выявлены в настоящем параграфе (децентрализация власти, сохранение идеи ислама как меры справедливости и «правильности» издаваемых в Ираке законов, укрепление правового статуса личности и т. д.). Обозначенный факт «навязанности» Закона извне в известной степени будет компенсирован принятием Конституции Ирака 2005 года, которая, как отмечается, является едва ли не единственным актом конституционного характера за всю историю иракской государственности, принятым на основании реального общественного договора, даже несмотря на бойкотирование процедур его принятия со стороны суннитских движений¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Bogaards M. Iraq's Constitution of 2005: The Case Against Consociationalism «Light» // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 20. No. 2. P. 186–202, 187–188.

Параграф 2. Тенденции развития современной Конституции Ирака 2005 года

Как было установлено в предыдущем параграфе, изменение нормативного содержания конституционных либо приравненных к ним текстов может происходить как за счёт буквального изменения содержания конституционных положений, так и за счёт их толкования тем или иным образом. Элементарно, источником познания содержания положений исламских священных документов является не их буква, а фикх – результаты толкования этой буквы.

Имея в виду, что с теоретико-правовой точки зрения толкование может осуществляться в том числе исходя из конкретных исторических реалий, в которых существует и действует интерпретируемая норма (историческое толкование), вполне предсказуемо, что конституционно-правовые смыслы Конституции Ирака 2005 года на протяжении неполных двух десятков лет её действия со временем могли в определённой степени трансформироваться. Такая позиция, однако, может столкнуться с резонными возражениями. Например, в 2019 году в науке высказывалась точка зрения, согласно которой со времени вступления в силу Конституции Ирака 2005 года прошло недостаточно времени, тем более что социокультурный контекст её принятия с 2005 года существенно не изменился; на этом основании предлагается сосредоточить исследовательские усилия не на конституционно-правовой динамике современного иракского государства, а на статике – положениях самой Конституции¹⁰⁷. В дополнение к этому следует отметить, что по состоянию на день проведения настоящего исследования Конституция Ирака 2005 года не претерпела буквальных изменений как таковых, несмотря на работу Комитета по конституционным поправкам, учреждённого в соответствии с частью 1 статьи 142 Конституции, и существование множества предложений по поправкам к ней.

Между тем представляется, что именно такими соображениями и обуславливается актуальность задачи по анализу тенденций развития современной Конституции Ирака 2005 года как нормативной основы современного иракского

¹⁰⁷ Vahid N.P. Comparative Constitutionalism: Challenges of Constitutional Sovereignty in Iran and Iraq // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 123–141, 125.

конституционализма. Действительно, сравнительно небольшой промежуток времени, прошедшего с момента её вступления в силу, значительно сужает круг потенциально обнаруживаемых тенденций, однако это вовсе не отменяет насущность поставленной задачи.

Для целей выполнения поставленной задачи предлагается группировать искомые тенденции на две группы: *первая группа* включает в себя такие тенденции развития Конституции, которые обуславливаются буквальным её содержанием; ко *второй группе* предлагается относить конституционно-правовые тенденции, связанные с толкованием буквы Конституции.

Рассмотрение первой группы тенденций развития современной Конституции Ирака 2005 года целесообразно начать с тезиса о том, что Конституция изобилует нереализованными положениями, в развитие которых не приняты необходимые законодательные либо административные меры, в результате чего они не обладают реальным нормативно-правовым эффектом, который от них ожидается. В этом смысле представляется возможным выделить тенденцию, в рамках которой целый ряд положений Конституции Ирака 2005 года фактически не функционируют и пребывать в «спячке». Эта тенденция затрагивает не только сугубо технические положения, нереализованность которых не имеет негативного эффекта, которым нельзя было бы пренебречь (к их числу относятся положения статьи 92, в соответствии с которыми предполагается принятие нового закона о Федеральном Верховном суде Ирака с принятием Конституции 2005 года¹⁰⁸; вплоть до последнего времени эти положения не были реализованы, и Суд действовал на основании Закона 2005 года в неизменной редакции, пока в 2021 году в него не были внесены соответствующие поправки).

Данная тенденция затрагивает и более фундаментальные конституционные нормы, например, регулирующие формирование иракского парламента. Поскольку сегодня Ирак является федеративным государством, статьей 48 Конституции предусмотрена двухпалатная структура парламента: нижней палатой выступает

¹⁰⁸ Mofidi S. Social contract and democratic validity of constitution (with a focus on Iran and Iraq) // Int. J. Human Rights and Constitutional Studies. 2019. Vol. 6. No. 3. P. 239–248, 246.

Совет представителей, а верхней – Совет Федерации. Между тем фактически в настоящее время в Ираке действует только нижняя палата – Совет представителей, поскольку закон о Совете Федерации в соответствии со статьёй 65 Конституции до сих пор не принят, в результате чего в Ираке утвердился конституционно-правовой обычай функционирования однопалатного парламента¹⁰⁹.

Другая тенденция развития и функционирования современной Конституции Ирака 2005 года вытекает из её пробельности. Соответственно, современному этапу развития иракского конституционализма присущ поиск механизмов восполнения значимых пробелов в конституционном тексте без непосредственного (инвазивного) вмешательства в него, поскольку любая процедура изменения Конституции Ирака 2005 года в текущих социокультурных реалиях будет затруднена ввиду недостижимости общественного компромисса по конституционно-правовым вопросам.

Уместно заметить, что констатированная пробельность Конституции Ирака 2005 года не затрагивает тех её положений, которые гарантируют права и свободы человека и гражданина. В этом контексте можно согласиться с одним из авторов Конституции Н. Фельдманом, который охарактеризовал её как «исчерпывающий билль о правах человека»¹¹⁰. Однако это не устраняет претензий учёных-конституционалистов о недостаточности регламентации ключевых конституционно-правовых институтов в Конституции 2005 года.

Среди прочего, отмечается, что Конституция не содержит достаточных положений об избирательном процессе. Так, положение статьи 5, закрепляющее, что источником власти и её легитимности являются люди (народ), не подкреплено достаточными конституционными нормами об активном избирательном праве, кроме его абстрактной гарантии (статья 20) и рамочных норм о выборах в Совет представителей (статья 49). Действующая конституция практически полностью

¹⁰⁹ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. P. 121–122.

¹¹⁰ Конституционализм в мусульманском мире. Беседа с Ноа Фельдманом // Вопросы демократии. Конституционализм и формирующиеся демократии. 2004. Т. 9. № 1. С. 34–40, 38.

умалчивает, как должны быть организованы выборы, что на практике привело к тому, что парламент Ирака самостоятельно определил правила избирательного процесса¹¹¹.

В качестве иного примера пробельности действующей Конституции 2005 года в литературе приводится её умолчание о каких-либо процедурах и механизмах, которые позволяли бы широкой общественности (гражданам Ирака как носителям государственной власти) принимать участие в действенном и эффективном контроле за деятельностью органов государственной власти, что, в частности, выражается в отсутствии ссылок на возможность инициирования гражданами страны процедур дисквалификации либо изменения законодательных актов¹¹² (имея в виду, тем более, недостаточную развитость института конституционного контроля на текущем этапе конституционно-правового развития Ирака).

В рамках анализируемой тенденции необходимо заметить, что в настоящее время задачу по поиску механизмов восполнения подобных пробелов, в том числе названных выше, иракская юриспруденция в полной мере не выполнила. Между тем любопытно отметить, что существует механизм, имеющийся в распоряжении Федерального Верховного суда Ирака, в рамках которого он полномочен давать Комитету по конституционным поправкам юридически значимые поручения по разработке того или иного конституционно-правового вопроса; результаты выполнения такого судебного поручения должны найти своё отражение в обновлённом конституционном тексте. Именно таким способом Федеральный Верховный суд Ирака предписал Комитету по конституционным поправкам восполнить упущение авторов Конституции 2005 года и при разработке

¹¹¹ Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. Amman: Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq, 2020. P. 76.

¹¹² Vahid N.P. Comparative Constitutionalism: Challenges of Constitutional Sovereignty in Iran and Iraq. P. 133.

конституционных поправок предусмотреть нормы о порядке замещения досрочно освободившегося (вакантного) места депутата Совета представителей¹¹³.

Переходя ко второй группе тенденций развития современной иракской Конституции, предлагается сосредоточить исследовательские усилия на трёх основных тенденциях: эволюции понимания федерализма с учётом иракской национальной специфики, эволюции концепции разделения законодательной и исполнительной ветвей власти и эволюции значения ислама и норм шариата в современной иракской правовой системе. Стоит отметить, что все перечисленные тенденции объединены во вторую группу неслучайно, поскольку изменение смысла и содержания названных правовых конструктов имело место при неизменности (статичности) положений Конституции 2005 года, которые их упоминают; эти изменения протекали лишь под влиянием юридической практики в соответствующих областях.

Вопросы иракского федерализма, несмотря на крайне позднее появление феномена федерализма в иракском конституционно-правовом дискурсе как такового (не ранее 2004 года – года принятия Переходного административного закона), имеют крайне важное значение, поскольку Ирак является многонациональным государством, общество которого характеризуется острыми национальными и религиозными противоречиями. Для разрешения этих противоречий и были предприняты попытки дальнейшей децентрализации государства, которые вылились в установление федеративной формы государственного устройства.

Основой для такой децентрализации выступает в том числе статья 125 Конституции Ирака 2005 года, гарантирующая политические, культурные и образовательные права всем национальностям. Вместе с тем, как показала историко-политическая практика современного Ирака, это положение может использоваться в качестве фактора, усугубляющего раздробленность Ирака и его народа. Так, именно под влиянием положений статьи 125 Конституции

¹¹³ Alchalabi H. The Role of the Iraqi constitution in the growing unconstitutional practices // The College of Law and Political Science Journal. 2021. Vol. 1. No. 9. P. 1–16, 15.

центральная власть в Багдаде, Региональное правительство Курдистана и ассирийцы вместе с другими национальными меньшинствами одновременно объявили о своих притязаниях на территории равнин Ниневии¹¹⁴.

В ещё большей степени проблемы федерализма обнажили себя в ходе нового витка обострения курдского вопроса, а именно по результатам референдума 2017 года о независимости Курдистана от государства Ирак. Для пресечения интенсифицировавшихся центробежных процессов потребовалось вмешательство Федерального Верховного суда Ирака, который своим решением от 6 ноября 2017 года с привлечением статей 1, 47 и 116 Конституции Ирака 2005 года недвусмысленно истолковал конституционный принцип федерализма как не допускающий разделение (сецессию) каких-либо территориальных единиц государства и предполагающий примат безопасности, независимости, суверенитета и демократической федеральной системы Ирака¹¹⁵. Это предопределило и неконституционность результатов референдума, на котором было принято решение о независимости и политической самостоятельности Курдистана, а также ознаменовало эволюцию понятия иракского федерализма, которое было введено в иракскую правовую систему для децентрализации государства и обеспечения защиты прав всех национальностей, а впоследствии стало инструментом централизации государства.

Со вступлением в силу Конституции Ирака 2005 года наблюдается тенденция к эволюции понимания разделения властей. Как известно, одним из квалифицирующих признаков той или иной формы правления является характер

¹¹⁴ Hanoosh Y. *The Chaldeans. Politics and Identity in Iraq and the American Diaspora*. London: I.B. Tauris Bloomsbury Publishing Plc, 2019. P. 179.

¹¹⁵ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 6 November 2017. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarat/feden/122_fed_2017en.pdf (дата обращения: 05.06.2022). Стоит отметить, что Федеральный Верховный суд Ирака далеко не одинок в своей позиции. Против сецессии как формы реализации права нации на самоопределение (права нации самостоятельно определять свою судьбу) и в пользу понимания федерализма как гарантии единства и территориальной целостности государства высказывались Верховный суд Канады (см.: The Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec. Judgement of 20 August 1998. 2 SCR 217. URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (дата обращения: 20.11.2024)), а также Конституционный Суд Российской Федерации (см. постановления от 13 марта 1992 года № П-РЗ-І и от 31 июля 1995 года № 10-П // СПС «КонсультантПлюс»).

взаимоотношений законодательной и исполнительной власти. В этом смысле в Ираке сложилась поистине уникальная ситуация. Дело в том, что Федеральный Верховный суд Ирака, осуществляя конституционный контроль, истолковал статью 60 Конституции Ирака 2005 года *contra legem*. Суд постановил, что по смыслу названной нормы парламент не вправе голосовать по какому-либо законопроекту, если он предварительно не был одобрен Кабинетом министров; более того, парламент не может вносить какие-либо существенные изменения в законопроект после того, как он был одобрен Кабинетом министров. Учёные-конституционалисты считают, что такое толкование свело на нет значение парламента как законодательного органа и дискуссионной площадки и предоставило исполнительной власти полный контроль над законодательным процессом¹¹⁶. Тем не менее, иракская законотворческая практика пошла по другому пути, согласно которой Совет представителей в отсутствие инициативы со стороны Кабинета министров проявляет в вопросах, не терпящих отлагательства, должный активизм.

Наконец, стоит вернуться к рассмотрению динамики понимания роли ислама в современном конституционном праве Ирака. Важной точкой приложения практических усилий по ограниченному применению исламского права является практика Федерального Верховного суда Ирака, которая знает случаи признания закона неконституционным по мотивам противоречия его буквальным формулировкам Корана. Между тем такие прецеденты являются, скорее, исключениями, нежели правилом, памятуя о патологическом следовании Судом принципу судебного сдерживания (*judicial restraint*) в силу скудности правовой базы его деятельности. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что современная конституционно-правовая модель иракского государства придерживается куда более консервативного подхода к приданию нормам ислама

¹¹⁶ Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. P. 85.

юридической силы, нежели правовые модели, которые реализовывались на иракских землях ранее, либо, например, современные Египет и Иран¹¹⁷.

Невзирая на крайне противоречивые оценки, даваемые современному состоянию иракского конституционализма и тенденциям его развития, нетрудно заметить, что Конституция Ирака 2005 года как по своей букве, так и исходя из практики своего применения следует тем же генеральным тенденциям конституционно-правового развития иракского государства, которые возникли с древнейших времён и продолжают протекать в настоящее время, что подтверждают приведённые в настоящем параграфе примеры. Незначительные повороты в развитии этих тенденций (например, в части смены децентрализации централизацией в рамках федеративного государственного устройства современного Ирака) не способны существенным образом изменить курс, давно избранный иракской цивилизацией и которому она продолжает следовать и по сей день.

¹¹⁷ Hansen F. The Iraqi Constitution: Upholding Principles of Democracy While Struggling to Curtail the Dangers of an Islamic Theocracy // Roger Williams University Law Review. 2006. Vol. 12. No. 1. P. 256–290, 278.

Глава 2. Общая характеристика организации публичной власти в Ираке

Параграф 1. Органы государственной власти в системе разделения властей

Ирака: общая характеристика

1.1. Парламент Ирака: законодательная и контрольная функции

Парламент Ирака, будучи центральным представительным органом законодательной власти государства, играет исключительно важную роль в деле государственного строительства и конструировании системы правового регулирования. Несмотря на это, проблемы парламентского строительства в Ираке зачастую получают недостаточное освещение в юридической науке и публицистике. Оно, как правило, ограничивается лишь реферативным описанием конституционных и законодательных положений, в том числе, что особенно удивительно, со стороны иракских исследователей¹¹⁸. Это обуславливает актуальность рассматриваемой проблематики.

Любопытной национальной особенностью Ирака является однопалатная структура Парламента. С одной стороны, поскольку Ирак является федеративным государством, статьёй 48 Конституции *de jure* предусмотрена двухпалатная структура парламента: нижней палатой выступает Совет Представителей, а верхней – Совет Федерации. Между тем фактически в настоящее время в Ираке действует только нижняя палата – Совет Представителей, поскольку закон о Совете Федерации в соответствии со статьями 65 и 137 Конституции до сих пор не принят¹¹⁹. В результате в Ираке утвердился конституционно-правовой обычай функционирования однопалатного парламента¹²⁰. Это тем более парадоксально на том фоне, что представительные органы Ирака в соответствии с ранее

¹¹⁸ См., например: Аль-Фатлави А.А.Н. Судебные и законодательные органы власти в соответствии с конституцией Ирака // Журнал Юридического факультета Университета Куфы. С. 81–110. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/1a65f39713c9867d> (дата обращения: 20.06.2023).

¹¹⁹ Статья 137 Конституции Ирака предусматривает, что Совет представителей должен был принять решение о принятии федерального закона о Совете Федерации большинством в две трети голосов от общего числа депутатов. Однако данное конституционно-правовое предписание не исполнено по сей день.

¹²⁰ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. P. 121–122.

действовавшими конституциями (в периоды османского и британского владычества, а также в период независимого досоциалистического Ирака) являлись непременно двухпалатными. При этом имеются основания утверждать, что данный обычай в ближайшее время пересмотрен не будет.

Стоит отметить, что исследователи в целом не усматривают в отсутствии верхней палаты Парламента серьёзной проблемы. Так, весьма характерно, что среди многочисленных поправок к Конституции, предлагаемых исследователями, практически не встречаются поправки, которые гарантировали бы созыв Совета Федерации¹²¹. Однако высказываются и обратные точки зрения, где в отсутствии Совета Федерации усматривают угрозу правам и конституционным интересам регионов Ирака, а также гарантиям избирательных прав¹²². В целом можно заключить, что сам по себе факт существования однопалатного парламента в федеративном государстве является дискуссионным с точки зрения обеспечения прав регионов, это не является «конституционно-правовым нонсенсом»¹²³ и не говорит о безусловных проблемах в конституционном строительстве. Например, в таких федеративных государствах, как Федеративные Штаты Микронезии и Объединённые Арабские Эмираты действует однопалатный парламент. Также однопалатный парламент функционирует в ряде унитарных государств с ярко выраженной асимметрией в правовых статусах административно-территориальных единиц (Китайская Народная Республика и её автономные районы, Новая Зеландия и свободно ассоциированные с ней территории).

С другой стороны, неспособность законодательной власти Ирака сформировать Совет Федерации обнажает наличие системных политических проблем в Ираке и «политическую реактивность» власти. Весьма характерно, что

¹²¹ См., например: Кадхим З. Законодательная роль исполнительной власти в соответствии с конституцией Ирака 2005 г. // Журнал Колледжа исламских наук Багдадского университета. 2019. № 53. С. 460–501.

¹²² Chomani K. Iraq's Missing Federation Council // The Tahrir Institute for Middle East Policy. November 8, 2018. URL: <https://timep.org/2018/11/08/iraqs-missing-federation-council/> (дата обращения: 16.05.2023).

¹²³ Абзац 3 пункта 7 мотив. части Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // СПС «КонсультантПлюс».

политические противоречия, явившиеся следствием межпартийной борьбы, препятствовали нормальному функционированию даже единственно существующей палаты Парламента – Совета Представителей. Эта ситуация стала предметом рассмотрения Федерального Верховного суда Ирака, который признал противоречащим Конституции длительное непроведение заседаний Палаты Представителей в правомочном составе (то есть при наличии кворума)¹²⁴.

Среди причин неисполнения предписаний статей 65 и 137 Конституции Ирака называются неспособность иракского государства и его власти установить как общие принципы федеративного устройства, так и детальное нормативное регулирование распределения компетенции между Советом Представителей и Советом Федерации¹²⁵. Кроме того, исследователи обращают внимание на пробельность самой действующей Конституции Ирака, которая как будто квалифицированно (намеренно) умалчивает о статусе Совета Федерации, упоминая лишь о самой необходимости его формирования. При этом любопытно, что Конституция Ирака действительно не наделяет Совет Федерации какими-либо осязаемыми полномочиями. Более того, в тексте Конституции Совет Федерации упоминается крайне ограниченное число раз: в статьях 48 и 65, а также в части 3 статьи 135 и статье 137. В этом контексте Конституция Ирака, когда обязывает Совет Представителей принять закон о верхней палате Парламента, предоставляет Совету Представителей nepoзвoлительную широту дискреции (*carte blanche*) в вопросе определения компетенции Совета Федерации, что может быть использовано депутатами не в интересах обеспечения прав и свобод иракских граждан, а в интересах непрекращающейся политической борьбы.

Переходя непосредственно к особенностям деятельности Парламента Ирака, стоит обратиться к исходным конституционным принципам его работы. Одним из основных дискуссионных вопросов является вопрос о существовании в Ираке традиции парламентского суверенитета (*parliamentary sovereignty*). Этот вопрос

¹²⁴ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 24 October 2010 № 55. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/55_fed_2010.pdf (дата обращения: 21.05.2023).

¹²⁵ Jensen E.G. Introduction to the Laws of Kurdistan, Iraq Working Paper Series. Constitutional Law of Iraq. Stanford: Stanford Law School, 2013. P. 31.

целесообразно поставить по той причине, что современный иракский конституционализм в своих основных чертах обязан иностранному, главным образом – британскому и американскому вмешательству. В то же время, как известно, принцип парламентского суверенитета известен главным образом странам общего права¹²⁶, в особенности – Великобритании.

Как известно, законодательные (представительные) органы являются основными правотворческими субъектами в системе органов государственной власти любых стран. При этом правотворческие полномочия парламентов, как правило, обеспечиваются за счёт их широты. В континентальных (главным образом, европейских) правовых порядках широта дискреции парламента обеспечивается за счёт принципа свободы усмотрения законодателя (*margin of appreciation*), в странах общего права – за счёт функционально аналогичного (в данном контексте) принципа парламентского суверенитета¹²⁷.

Имеются основания заключить, что в Ираке, несмотря на генетическую связь его современного конституционного строя с англосаксонскими правовыми традициями, отсутствует принцип парламентского суверенитета. Прежде всего, данный принцип вовсе не находит своего отражения в конституционно-контрольной практике, а именно практике Федерального Верховного суда Ирака. В одном из дел Суд рассматривал вопрос конституционности регулирования, которое позволяло отказывать в выдаче пролонгированного паспорта лицам, совершившим отдельные преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Суд дисквалифицировал это регулирование по причине его противоречия статье 24 Конституции Ирака, гарантирующей свободу передвижения, однако в качестве *obiter dictum* указал, что Парламент Ирака обладает широкими дискреционными полномочиями в вопросах установления мер

¹²⁶ Исключением из этого правила является Франция, где по-прежнему сохраняется традиция «старого конституционализма», которой характерен парламентский суверенитет. См.: Sweet S. The politics of constitutional review in France and Europe // International Journal of Constitutional Law. 2007. No. 1. P. 69–92, 74.

¹²⁷ Чирнинов А.М. Разрешение политических вопросов средствами конституционного правосудия: исходные пункты аргументации в сравнительно-правовой перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 55–79.

юридической ответственности за правонарушения, которые ему предоставлены Конституцией для целей защиты общественного блага¹²⁸. Таким образом, правовой системе Ирака, судя по всему, известна доктрина свободы усмотрения законодателя, в то время как идеи парламентского суверенитета в Ираке не развиваются.

В пользу того, что праву Ирака неизвестен принцип парламентского суверенитета, говорит также существование института конституционного контроля, который обладает широкими полномочиями по проверке конституционности актов Парламента, а также отдельных видов его действий или бездействия (например, непроведение заседаний в легитимном составе). Сама по себе идея конституционного контроля хотя буквально не противоречит принципу парламентского суверенитета¹²⁹, однако подрывает, по выражению А. Дайси, «законодательную независимость» представительного органа¹³⁰. С другой стороны, конституционный контроль в Ираке остаётся крайне редуцированным, поскольку признание тех или иных норм не соответствующими Конституции не сопровождается конкретными указаниями в адрес Парламента на меры, которые ему необходимо принять для устранения выявленного конституционно-правового дефекта. Иными словами, Парламент Ирака обладает свободой усмотрения не только при организации правотворчества, но и при исполнении решений Федерального Верховного суда¹³¹. Сказанное, безусловно, не подвергает сомнению

¹²⁸ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 22 February 2023 № 14. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/14_fed_2023.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

¹²⁹ Ярким примером такого синкретического сочетания является Франция, однако даже там длительное время конституционный контроль оставался редуцированным, то есть ограничивался лишь абстрактным нормоконтролем. См.: Dyeve A. The French Constitutional Council // *Comparative Constitutional Reasoning*. Ed. by A. Jakab, A. Dyeve, and G. Itzcovich. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 323–355, 328.

¹³⁰ Walters M.D. The Law of Parliamentary Sovereignty // A.V. Dicey and the Common Law Constitutional Tradition. A Legal Turn of Mind. Ed. by Walters M.D. Cambridge University Press, 2020. P. 162–225, 214. См. также: Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Indianapolis: Liberty Classics, 1982. P. 3–36.

¹³¹ См. подробнее параграф 2 главы 2 настоящего диссертационного исследования.

обязательность его решений, однако в любом случае не вполне характерно для традиционного понимания доктрины свободы усмотрения.

Таким образом, можно прийти к выводу, согласно которому широта дискреции Парламента Ирака основывается на стандартной для большинства континентальных правовых порядков доктрине свободы усмотрения. Это роднит иракский конституционализм с западными конституционно-правовыми традициями.

В то же время национальной особенностью иракского парламентаризма является специфика регулирования порядка формирования парламента. Данный вопрос вызвал широкие научные дебаты, поскольку Конституция не регулирует порядок формирования представительного органа с должной детализацией. Так, положение статьи 5 Конституции, закрепляющее, что источником власти и её легитимности является иракский народ, не подкреплено достаточными конституционными нормами об активном избирательном праве, кроме его абстрактной гарантии (статья 20) и рамочных норм о выборах в Совет представителей и требованиях к его депутатам (статьи 47, 49-50). Действующая Конституция практически полностью умалчивает о том, как именно должны быть организованы выборы, в частности, о применяемой избирательной системе, о сроках проведения выборов, порядке регистрации и выдвижения кандидатов. На практике это привело к тому, что Совет Представителей самостоятельно определил правила избирательного процесса¹³².

Такое положение дел заставило некоторых исследователей в очередной раз констатировать пробельность конституционно-правового регулирования. Однако с такой точкой зрения согласиться нельзя, поскольку конституционно значимый пробел в виде отсутствия порядка выборов в Парламент восполняется отраслевым избирательным законодательством. Оно обеспечивает реализацию активного избирательного права широкого круга граждан и отражение их волеизъявления. Так, в 2009 году в избирательное законодательство Ирака была введена система

¹³² Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. P. 76.

голосования по открытым спискам, которая позволяет оказывать больше влияния на определение состава парламентариев непосредственно избирателям, а не политическим партиям: избиратели вправе проголосовать либо за отдельных кандидатов в депутаты, либо за целый партийный список¹³³.

В этом контексте уместно проанализировать эффективность Парламента Ирака как прежде всего представительного органа, то есть органа, представляющего интересы различных категорий населения страны. Необходимость такой оценки особенно актуальна по той причине, что Парламент Ирака является фактически единственным органом в стране, который формируется на основании прямого всенародного волеизъявления. Тот же глава государства – Президент Ирака избирается не гражданами Ирака, а Парламентом (часть 1 статьи 70 Конституции).

Фиксированное число депутатов Совета Представителей не установлено. Конституция лишь указывает, что от ста тысяч граждан Ирака избирается один представитель, притом что в Совете должны получить представительство «все слои населения» (статья 49 Конституции). Очевидно, что в этом аспекте конституционный законодатель стремился придать представительному органу большей легитимности. Вместе с тем на практике не существует никаких механизмов, которые позволили бы гарантированно обеспечить представительство всех слоёв населения в парламенте Ирака после каждой избирательной кампании¹³⁴. Во многом это обусловлено спецификой применяемой избирательной системы, которая является не куриальной¹³⁵, а территориальной (что, впрочем, трудно ставить в упрёк конституционному законодателю).

¹³³ Jensen E.G. Introduction to the Laws of Kurdistan, Iraq Working Paper Series. Constitutional Law of Iraq. P. 31.

¹³⁴ См. подробнее: Касим С. Препятствия для работы иракского парламента после 2003 г. // Журнал Искусств Аль-Фарахи. 2019. № 3. С. 323–344.

¹³⁵ Здесь стоит особо отметить, что куриальные избирательные системы повсеместно признаны пережитком прошлого и практически не применяются в современной мировой конституционной практике.

Изложенное привело к тому, что в Парламенте Ирака так и не сформировалось репрезентативного представительского корпуса по защите интересов всех слоёв многонационального и многоконфессионального иракского народа. Примечательно, например, что в настоящее время депутаты христианского вероисповедания занимают всего 5 мест из 329¹³⁶. Они безуспешно пытаются выступить с рядом законодательных инициатив, используя при этом все доступные правовые механизмы, в том числе подачу исков в Федеральный Верховный суд Ирака.

С другой стороны, применение пропорциональной избирательной системы, по оценкам иракских исследователей, положительно сказалось на состоянии развития парламентского плюрализма. В первую очередь, исследователи отмечают высокую роль партийного законодательства, а именно Закона о регулировании политических партий № 36 от 2015 года, который установил гарантии представительства всех политических партий и политических сил в Совете Представителей¹³⁷. Культивирование партийного плюрализма оказывает, несомненно, благотворное влияние на разделение властей, поскольку если какая-либо партия не получит парламентского большинства, она прибегнет к формированию оппозиционного коалиционного правительства, которое будет выступать должным противовесом законодательной власти.

Гарантией партийного плюрализма выступает и Регламент Совета Представителей, который в соответствии со статьёй 51 Конституции определяет порядок работы палаты и регулирует парламентскую дисциплину. Так, статья 3 Регламента содержит важное положение, согласно которому каждому депутату гарантируется свобода выражения общественного мнения, собственного мнения и мысли вне зависимости от их политических убеждений, партийной принадлежности или аффилированности, но в тех пределах, которые установлены

¹³⁶ Аль-Саиди И., Аль-Судани Б., Аль-Анбаки Х. Стратегический отчет Ирака за 2010-2011 гг. Багдад: Центр исследований и стратегических исследований им. Хаммурапи, 2011. С. 72.

¹³⁷ Касим С. Препятствия для работы иракского парламента после 2003 г. С. 324.

Конституцией¹³⁸. Как и сказано в данной статье, она направлена на обеспечение формирования «объективной оппозиции» и «конструктивной критики» в стенах парламента. Вместе с тем исследователи отмечают слабость оппозиции и крайнюю ограниченность их правовых возможностей, причём виной этому, по их мнению, являются даже в большей степени неправовые факторы, такие как слаборазвитость институтов гражданского общества, цензура средств массовой информации и др.¹³⁹ Таким образом, эффективность Парламента Ирака как представительного органа, призванного выражать и учитывать интересы различных слоёв населения, остаётся на сравнительно невысоком уровне, несмотря на наличие к тому правовых предпосылок.

Что же касается круга полномочий Совета Представителей, он является классическим для любого законодательного органа. Именно он наделяет полномочиями высших должностных лиц Ирака, в том числе судебных и воинских; контролирует деятельность исполнительной власти в лице Президента и Кабинета Министров, в том числе посредством требования представления внеочередных докладов о реализуемой ими политике, объявления недоверия министрам и импичмента при наличии к тому оснований (статья 61 Конституции). Строгость контроля парламента за исполнительной властью, в частности за Премьер-министром, обуславливается также таким нетипичным для большинства конституционных государств правилом, согласно которому Премьер-министр не вправе освобождать министров от должности без согласия Совета Представителей (статья 78 Конституции). На этом основании исследователями небезосновательно отмечается, что среди всех других исламских государств парламент Ирака наделён наибольшим объёмом полномочий¹⁴⁰, что является особенностью иракского конституционализма.

¹³⁸ Регламент Совета Представителей Ирака 2006 года // Официальный сайт Совета Представителей Республики Ирак. URL: <https://iq.parliament.iq/الداخلي-النظام/> (дата обращения: 05.06.2023).

¹³⁹ См. об этом подробнее в главе 3 настоящего исследования.

¹⁴⁰ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. P. 120–121.

В этом контексте уместно рассмотреть законотворческую активность Парламента Ирака через призму его взаимоотношений с исполнительной ветвью власти. Для этих целей представляет интерес решение Федерального Верховного суда Ирака, который истолковал статью 60 Конституции таким образом, что Парламент не вправе голосовать по какому-либо законопроекту, если он предварительно не был одобрен Кабинетом министров; более того, по мнению Суда, в свете данной конституционной нормы парламент не может вносить какие-либо существенные изменения в законопроект после того, как он был одобрен Кабинетом министров. Учёные-конституционалисты считают, что такое толкование свело на нет значение парламента как законодательного органа и дискуссионной площадки и *de facto* предоставило исполнительной власти полный контроль над законодательным процессом¹⁴¹.

Тем не менее, в некоторых ключевых для государственного строительства вопросах Парламент Ирака, напротив, проявляет нерациональную сдержанность. Так, до сих пор во исполнение Конституции не принят целый ряд федеральных законов, предметом регулирования которых должны стать фундаментальные вопросы конституционного значения. Помимо закона о Совете Федерации это целый ряд законов в области федеративного строительства¹⁴².

Помимо того, что парламент олицетворяет собою законодательную власть, он играет ключевую роль в системе разделения властей, в связи с чем нередко наделяется, помимо законотворческих, бюджетными, кадровыми, квазисудебными (объявление амнистии) или даже подлинно судебными функциями (экстраординарный пересмотр судебных актов). Кроме того, примечательно, что вне зависимости от избранной парламентской модели представительный орган, как правило, обладает и существенными контрольно-надзорными полномочиями, которые могут заключаться в контроле за деятельностью назначаемых ими

¹⁴¹ Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. P. 85.

¹⁴² См. обзор таких законов: Hanoosh Y. The Chaldeans. Politics and Identity in Iraq and the American Diaspora.

должностных лиц посредством их опросов или выдвижения против них обвинений, обусловленных ненадлежащим исполнением их обязанностей. Соответственно, анализ современного состояния механизмов парламентского контроля (*oversight function*) в Ираке является необходимым для целей настоящего исследования и может стать довольно красноречивым индикатором существующих конституционно-правовых проблем в стране.

Несмотря на то, что парламентская традиция Ирака восходит ещё к периоду османского владычества, исторически первая попытка введения парламентского контроля на иракских землях ознаменовалась принятием монархической Конституции 1925 года¹⁴³. Дело в том, что она впервые в истории Ирака предусмотрела институт парламентского опроса. Статьи 54 и 58 Конституции Ирака 1925 года наделяли каждого парламентария правом задавать вопросы министрам, вызываемых на заседания Национального собрания (парламента). Судя по всему, опрос могла проводить каждая из палат Собрания в соответствии с собственными применимыми процедурными правилами, однако у министров была возможность заранее ознакомиться с кругом вопросов, адресованных им, и подготовить на них ответы. Кроме того, предполагалось, что коллективная ответственность министров перед парламентом будет усиливаться за счёт прямого указания статьи 66 на возможность объявления Палатой депутатов (нижней палатой парламента) вотума недоверия Кабинету министров либо отдельным министрам, после чего те должны были уйти в отставку. Однако к началу периода

¹⁴³ Это отнюдь не означает, что Конституции 1876 года не были известны институты, характерные для современного парламентского контроля. Национальное Собрание – действовавший тогда представительный орган Османской империи – включалось в систему рассмотрения обращений от частных лиц. Как показывает анализ статей 14, 52 и 64 Конституции 1876 года, петиция могла стать предметом рассмотрения верхней палаты парламента – Сената в том случае, если заявителем были исчерпаны возможности по подаче петиции ответственным должностным лицам либо государственным органам. При этом парламент не являлся последней инстанцией в процедуре рассмотрения петиций: он имел право принять решение о коммуницировании петиции великому визирю (председательствующему в Совете министров), если она, по мнению палаты, заслуживала особого внимания. При этом Сенат не был лишён возможности сопроводить эту петицию собственными замечаниями. Таким образом, Национальное Собрание имело возможность достаточно ограниченно, но реагировать на отдельные факты нарушения правопорядка. Кроме того, Конституция 1876 года отводила парламенту функцию санкционирования чрезвычайных полномочий министра *a posteriori*.

республиканского Ирака (с 1958 года) традиции парламентского контроля так и не упрочились, даже несмотря на то, что нормативные предпосылки к его развитию и эффективному функционированию являлись вполне солидными.

Если исходить из предпосылки, согласно которой в период социалистического Ирака институт парламентского контроля был предан забвению, первые удачные попытки его построения были предприняты в рамках Переходного административного закона 2004 года. Его положения в этом контексте принципиально важно проанализировать, поскольку ныне действующая Конституция Ирака разрабатывалась с опорой на указанный Закон и во многом воспроизводит его положения, касающиеся устройства органов государственной власти.

Статья 33(G) Переходного административного закона прямо упоминает контрольную функцию парламента, включая в неё следующие полномочия Ассамблеи:

а) право делать запросы (*the right of interpellation*) подконтрольным должностным лицам, перечень которых, судя по всему, являлся открытым, однако более-менее однозначно включал в себя широкий спектр должностных лиц исполнительной власти, в том числе членов Президентского совета, Совета министров вместе с Премьер-министром. Посредством такого механизма парламент имел право запрашивать у должностных лиц исполнительной власти любую информацию;

б) право проводить парламентские расследования, что также стало новеллой в конституционном праве Ирака;

в) право на проведение парламентского опроса, которое, очевидно, было перенято у положений Конституции 1925 года, а в Законе нашло своё отражение в формулировке о том, что Национальная Ассамблея не лишена возможности выдавать повестки тем должностным лицам, которые должны предстать перед нею.

Исследователями справедливо отмечается достаточно бескомпромиссная строгость системы разделения властей, построение которой предполагал Закон¹⁴⁴, что усиливает роль парламентского контроля и не могло не сказаться на его состоянии в современный период. В современном Ираке именно Совету Представителей отводится основная контрольная функция, при этом то, как она описывается в Конституции, обнаруживает явную генетическую связь Конституции с Переходным административным законом 2004 года.

Во-первых, парламент Ирака по своему контрольному потенциалу ничуть не уступает Национальной Ассамблее, предусмотренной Переходным законом. Так, Совет Представителей наделяет полномочиями высших должностных лиц исполнительной власти Ирака; контролирует деятельность исполнительной власти в лице Президента и Кабинета Министров, в том числе посредством требования представления внеочередных докладов о реализуемой ими политике, объявления недоверия министрам и импичмента при наличии к тому оснований (статья 61).

При этом контрольные процедуры Совета получают детальную регламентацию не в Регламенте Совета, а напрямую в конституционном тексте. Так, Конституция определяет такие процедурные детали, как количество депутатов, необходимое для инициирования обращения к Кабинету министров либо к отдельным министрам с запросом информации об их деятельности (часть 7(В) статьи 61), сроки, в которые объявляется вотум недоверия отдельным премьер-министрам или Кабинету министров в целом (часть 8(В) статьи 61), детали порядка обращения депутатов с вопросами к опрашиваемому министру (часть 7(А) статьи 61) и т. д.

Во-вторых, современная Конституция Ирака предусмотрела дополнительные контрольные полномочия парламента, которые доселе правовой системе государства известны не были. К таковым относится возможность допроса Президента по подозрению его в любом нарушении Конституции (часть 6(В) статьи 61), законодательный надзор в отношении Иракской национальной

¹⁴⁴ Feisal A.I. Reviving Constitutionalism in Iraq: Key Provisions of the Transitional Administrative Law // New York Law School Law Review. 2005. Vol. 50. No. 6. P. 269–302, 297–298.

разведывательной службы (часть 1(D) статьи 9), назначение дипломатических агентов (часть 5(B) статьи 61), военных должностных лиц (часть 5(C) статьи 61), и т. д. К слову, последнее полномочие иракского парламента вызывает критику исследователей, поскольку, по их мнению, способствует чрезмерной политизации кадровой политики в вооружённых силах страны и приводит к тому, что главным критерием назначения военных должностных лиц становится не их эффективность и профессионализм, а политический консенсус¹⁴⁵. Кроме того, представительному органу Ирака, судя по всему, неизвестна такая форма парламентского контроля, как правовой (парламентский) мониторинг, который считается эффективным контрольным инструментом современных парламентов¹⁴⁶.

Нетрудно заметить, что эволюция парламентского контроля в Ираке, венцом которой в настоящее время является ныне действующий Совет Представителей, существенно сместила баланс власти в сторону парламента. В частности, любопытно, что средства воздействия на парламента как минимум редуцированы: по смыслу части 1 статьи 64 Конституции Ирака 2005 года вопрос о роспуске парламента вправе поставить лишь сам Парламент либо абсолютным большинством голосов, либо при содействии Премьер-министра и Президента, в результате чего Парламент Ирака в большинстве случаев оказывается «судьёй в собственном деле». В свою очередь, доминирование парламента в любой системе государственной власти чревато излишней политизацией конституционно-правовых институтов, с чем столкнулась, к примеру, и Российская Федерация на заре своего становления в 1990-х годах.

Смежным с парламентским контролем институтом, призванным обеспечить эффективную деятельность Парламента Ирака, является институт парламентских

¹⁴⁵ Alzuhairy T.H. Iraqi constitutional system: concentrated parliamentarianism or separation of powers? Р. 8–9 // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/340953823_Iraqi_constitutional_system_concentrated_parliamentarianism_or_separation_of_powers/link/5ea7688045851553fab5dbb2/download (дата обращения: 06.05.2023). Р. 8–9.

¹⁴⁶ Кошель А.С. Конституционные стандарты парламентских процедур в Российской Федерации как демократическом правовом государстве: автореф. дис. ... д-ра юр. наук: 5.1.2 / Кошель Алексей Сергеевич. М., 2022. С. 16–17.

комитетов. Порядок их формирования и их деятельность регулируются статьями 86-88 Регламента Совета Представителей, которые фактически призваны организовывать все необходимые подготовительные мероприятия, обеспечивающие законодательный процесс (анализ законопроектов, подготовка на них заключений, оценка нормативного воздействия и социально-экономических последствий принятия тех или иных законов)¹⁴⁷.

Между тем их деятельность нередко подвергается обширной критике со стороны исследователей. Так, отмечается, что порядок комплектования парламентских комитетов, основанный целиком и полностью на результатах выборов и политической воле парламентского большинства, не обеспечивает высокую квалификацию его членов. Это привело, как утверждается, к неспособности этих комитетов выполнять возложенные на них задачи должным образом, что негативно сказалось на работе Парламента Ирака¹⁴⁸.

Стоит признать, что многие проблемы функционирования Парламента Ирака обуславливаются не столько дефектами конституционного или отраслевого регулирования, сколько неправовыми факторами. Следует согласиться с мнением иракских исследователей, которые приходят к выводу о низком уровне парламентской и в целом политической культуры в Ираке. В частности, ими скептически отмечается, что Парламент Ирака «стал ареной для политических конфликтов, а не институтом, принимающим... законы, подлежащие дальнейшему утверждению в соответствии с конституционными механизмами»¹⁴⁹. В этой связи авторы артикулируют необходимость достижения органичной совместимости между сложившейся в обществе политической культурой и господствующей политической системой Ирака, а также укрепления демократических практик, что,

¹⁴⁷ Кроме того, парламентские комитеты ответственны за обеспечение реализации основных направлений государственной политики как таковых и планов экономического развития, надзор за исполнением федерального бюджета, надзор за реализацией государственных программ, обеспечение надлежащей промультации (официального опубликования) законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых Советом Представителей. См. подробнее: Аль-Саиди И., Аль-Судани Б., Аль-Анбаки Х. Стратегический отчет Ирака за 2010-2011 гг. С. 72.

¹⁴⁸ Касим С. Препятствия для работы иракского парламента после 2003 г. С. 340–343.

¹⁴⁹ Там же.

в свою очередь, невозможно без воспитания культуры участия и веры в демократизм.

1.2. Исполнительная власть в Ираке

Буквальное толкование положений Конституции Ирака не позволяет прийти к однозначному выводу о том, какие именно органы государственной власти и должностные лица осуществляют исполнительную власть в стране. Однако исследователи отмечают, что исполнительная ветвь государственной власти Ирака состоит из Президента и Кабинета министров, возглавляемого Премьер-министром¹⁵⁰, что с очевидностью следует из контекстуального толкования конституционного текста.

Особенностью иракского конституционализма является то, что, в отличие от большинства прочих конституционных правопорядков, место главы государства — Президента в системе разделения властей однозначно определено, и оно находится в исполнительной ветви власти. Именно институт главы государства пережил, как представляется, наиболее интересную политико-правовую эволюцию.

Конституционно-правовое развитие Ирака в течение всего XX века характеризовалось усилением роли главы государства. Первая монархическая конституция, несмотря на закреплённую ей парламентскую монархию, предоставляла монарху ряд дискреционных полномочий, таких как роспуск парламента, согласование принятия любых законодательных актов посредством абсолютного вето, издание актов, восполняющих законодательные пробелы в перерывах между сессиями парламента и т. д. Таким образом, несмотря на то, что Конституция 1925 года, казалось бы, устанавливала парламентскую систему, монарх фактически контролировал отправление государственной власти в целом¹⁵¹.

¹⁵⁰ Jensen E.G. Introduction to the Laws of Kurdistan, Iraq Working Paper Series. Constitutional Law of Iraq. P. 17.

¹⁵¹ Ibid. P. 8.

Республиканские, в том числе социалистические временные конституции Ирака второй половины XX века хотя и отвергают монархическое наследие как таковое, однако, как уже отмечалось, следуют той же тенденции по укреплению позиций главы государства. Так, с принятием Конституции 1970 года Президент приобрёл одну из традиционных в теории права монархических характеристик – неограниченность сроков своих полномочий (см. статьи 56-59 Конституции Ирака 1970 года).

В этом смысле неудивительно, что положения новой конституции о главе иракского государства, которая была разработана после свержения персоналистского режима С. Хусейна и в целях предотвращения его возрождения, приобрели несколько реакционный характер. Кроме того, конституционный законодатель современного Ирака справедливо исходил из того, что сам по себе стиль президентского правления в республиканских демократических государствах так или иначе тяготеет к произволу, поскольку, по верному замечанию Х. Линца, президент, будучи главой государства, «должен хотя бы немного возвышаться над партией [и остальными ветвями власти], чтобы быть символом нации и стабильности её правительства»¹⁵². Схожую тенденцию настороженно выделяет М.А. Краснов и называет её «монархизацией президентской власти»¹⁵³, чего, очевидно, ныне действующая Конституция Ирака стремится избежать.

В сравнительно-правовых исследованиях отмечается, что в Ираке, равно как в ряде других мусульманских стран (Иран, Малайзия, Пакистан и Сомали), глава государства является номинальным и фактически не может воспрепятствовать принятию законов¹⁵⁴. Это подтверждается конституционным текстом: статья 70 Конституции Ирака, посвящённая полномочиям Президента, является довольно лаконичной, и все названные ею полномочия являются либо представительскими

¹⁵² Linz J.J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 51–69, 61.

¹⁵³ См. подробнее: Краснов М.А. «Монархизация» президентской власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (108). С. 87–103.

¹⁵⁴ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. P. 126.

по своей природе (например, Президент выступает в качестве главнокомандующего вооружёнными силами Ирака только на церемониях и в торжественной обстановке, в то время как реальное командование сосредоточено в руках Премьер-министра), либо уникальными и не свойственными главам других государств (например, это касается квазисудебных полномочий Президента Ирака по объявлению амнистии и подписанию смертных приговоров), либо обычными для главы практически любого государства (например, право законодательной инициативы по статье 60 Конституции).

Однако представленные оценки не учитывают тот любопытный факт, что Конституция Ирака наделяет Президента статусом конституционного гаранта (статья 67). Отсюда следует, что Президент может обладать так называемыми подразумеваемыми полномочиями (*implied powers*), направленными на поддержание конституционного правопорядка и реагирование на ситуации, угрожающие ему, которыми обладают, например, Президент США¹⁵⁵ или Президент Российской Федерации¹⁵⁶. Чаще всего эти подразумеваемые полномочия заключаются в возможности Президента издавать подзаконные акты, направленные на восполнение конституционно значимых пробелов в правовом регулировании, когда законодательный орган по тем или иным причинам оказывается неспособным выполнять свои правотворческие функции. Нет сомнений в том, что для Ирака эта ситуация является особенно актуальной, поскольку, как уже отмечалось ранее, Совет Представителей не всегда стабильно и последовательно осуществляет правотворчество. В этом контексте точки зрения

¹⁵⁵ Driesen D.M., Banks W. Implied Presidential and Congressional Power // *Cardozo Law Review*. 2019. Vol. 41. No. 4. P. 1301–1365, 1316; Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. М.: «Новая юстиция», 2006. С. 77–78. См. подробнее о доктрине подразумеваемых полномочий в конституционном праве: Комарова В.В. Скрытые полномочия Президента России: вопросы теории и практики // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 6. С. 15–23.

¹⁵⁶ Конституционный Суд России прямо указывал, что Президент Российской Федерации обладает подразумеваемыми полномочиями – полномочиями, прямо не упомянутыми в Конституции или законодательстве. Реализация таковых, однако, не должна противоречить положениям федеральных законов и принципу разделения властей, как он определён Конституцией. Очевидно, тем самым Конституционный Суд России применил американскую доктрину *implied powers*. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 года № 10-П // *Вестник Конституционного Суда Российской Федерации*. 1995. № 5.

иракских исследователей, которые предлагают упразднить подзаконное правотворчество Президента Ирака в угоду доминирования Парламента Ирака в общей правотворческой системе страны¹⁵⁷, представляются как минимум небесспорными.

Одними из главных подразумеваемых полномочий Президента Ирака является его право ветоировать поступивший из Совета Представителей закон или отказать в его одобрении. Схожесть формулировок является крайне обманчивой. Дело в том, что право вето позволяет Президенту страны возразить поступивший ему на подписание и промульгацию закон лишь на определённое время, поскольку Совет Представителей в таком случае сохранит возможность квалифицированным большинством депутатов повторно принять закон в прежней редакции, тем самым преодолев вето Президента (право отлагательного вето). В то же время отказ в одобрении закона означает окончательный отказ Президента в его подписании и официальном опубликовании¹⁵⁸. На первый взгляд, такая юридическая конструкция является гомологичной праву абсолютного вето, однако в действительности не является таковым.

Фигура Президента Ирака является значимой не только в контексте разделения властей, но и играет важную социально-политическую роль. С учётом специфического исторического бэкграунда граждане Ирака в настоящее время крайне настороженно относятся к неограниченным президентским полномочиям. Однако Президент является традиционной для власти Ирака фигурой, и иракцы отнюдь не желают демонтажа института президентской власти. Напротив, как показывают социологические исследования, иракцы представляют себе будущих президентов как доброжелательных фигур, способствующих единству общества и

¹⁵⁷ Касим С. Препятствия для работы иракского парламента после 2003 г. С. 341.

¹⁵⁸ Право президента Республики Ирак возражать против законов в соответствии с действующей Конституцией Ирака от 2005 года. Сравнительное аналитическое исследование // Васитский гуманитарный журнал. 2012. № 11. С. 335–337. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/a29aabec4a9cd591> (дата обращения: 20.07.2023).

культивированию атмосферы доверия в стране¹⁵⁹. Видимо, именно благодаря этому в Ираке устоялась доктрина подразумеваемых полномочий Президента, которые основываются среди прочего на поддержке общественного мнения¹⁶⁰.

С другой стороны, общественное доверие к фигуре Президента налагает на последнего высокую политическую ответственность. Как отмечается в арабоязычной литературе, например, доктором наук Мухаммадом Али Салемом, «ответственность Президента Ирака – это ответственность, которая начинается политически и заканчивается уголовно за некоторые деяния, предусмотренные положениями Конституции»¹⁶¹. В свою очередь, стоит отметить, что уголовное законодательство Ирака не содержит какого-либо положения, устанавливающего уголовную ответственность Президента; напротив, уголовный закон предоставляет ему иммунитет от уголовного преследования в период исполнения им своих обязанностей, а также по окончании их исполнения (индемнитет).

Хотя фактическая исполнительная власть в парламентской системе представлена Советом Министров без главы государства, личность главы государства как арбитра между властями государства и его насыщенными отношениями с правящей политической и социальной элита делает его незаменимой фигурой, и его нельзя игнорировать ни при каких обстоятельствах. Личное присутствие президента республики играет важную роль в политическом процессе, возникшем после перемен, произошедших в Ираке в апреле 2003 года¹⁶².

Иным важным органом исполнительной власти Ирака является Кабинет министров, который представляет собой коллегиальный правительственный орган, создаваемый на классических началах парламентской республики. Иными

¹⁵⁹ Phillips D.L. Power-Sharing in Iraq. New York: Council on Foreign Relations, 2005. CSR. No. 6. P. 18.

¹⁶⁰ Аль-Шафеи М.Х. Политическая ответственность лиц, возглавляющих исполнительную власть (сравнительное исследование) // Ахль аль-Байт. 2015. № 12. С. 186–221. URL: <https://abu.edu.iq/sites/default/files/research/journals/ahl-al-bayt/issues/12/180420-223704.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Аль-Хафаджи А.А.А. Двойная власть в Конституции Ирака 2005 года // Журнал права и политологии Аль-Кадиси. 2017. Т. 8. № 2. С. 229–263, 262–263.

словами, Кабинет министров возглавляет Премьер-министр как руководитель победившей на выборах политической партии, то есть *ex officio*, согласно статье 76 Конституции Ирака, в котором одновременно реализованы индивидуальные и коллективные начала ответственности министров (статья 83 Конституции Ирака). Кабинет министров, как и любое подобное правительство, определяет общие направления политики иракского государства, принимает меры по обеспечению безопасности государства, в том числе посредством силовых ведомств, подотчётных Кабинету, разрабатывает проект федерального бюджета Ирака и издает подзаконные акты, необходимые для осуществления его полномочий.

Характерной особенностью иракского конституционализма является тот факт, что, с одной стороны, полномочия Кабинета министров укладываются в традиционную парламентскую модель организации публичной власти, но, с другой стороны, Президент занимает место Премьер-министра, когда этот пост по какой-либо причине становится вакантным. В этой части, по мнению исследователей, конституционный законодатель должен был более чётко дифференцировать ситуации его увольнения или отставки в ситуации выражения недоверия Кабинету министров, с одной стороны, и случай его смерти, с другой стороны. В первом случае принимается решение о том, что Премьер-министр должен оставаться на своем посту в течение определенного периода до момента формирования нового пула министров¹⁶³.

Другой национальной особенностью иракского конституционализма является то, что Конституцией Ирака определён правовой статус так называемых «смежных»¹⁶⁴ органов, определяемых как *независимые комиссии и коллегии*. К этой

¹⁶³ Рауф А., Карим Х., Абдулкарим Д.С. Основы парламентской системы и её проблемы в Курдистанском регионе // Исследования и науки о шариате и праве. 2014. Т. 4. № 2. С. 1321.

¹⁶⁴ Примечательно, что в конституционно-правовой доктрине дебаты относительно правового статуса «смежных» государственных органов (т. е. органов, которых нельзя однозначно отнести к пулу органов государственной власти) могут завести довольно далеко, если этот вопрос не получил своего прямого разрешения в конституционном акте. Так, характерен пример Банка России и его правового статуса в системе органов власти Российской Федерации. В российской литературе появляются точки зрения, согласно которым статус Банка России как органа государственной власти позволяет говорить о т. н. «денежно-кредитной» или «финансово-банковской» ветви власти, не поименованной в статье 10 Конституции Российской Федерации. В частности, такую позицию разделяет С.А. Авакьян, который, помимо прочего, отмечал, что в

категории относятся органы, осуществляющие функции по надзору за соблюдением прав человека и гражданина (Верховная Комиссия по правам человека), по финансово-валютному и монетарному контролю (Центральный Банк Ирака), по обеспечению прав на самоуправление тем регионам, которые не объединены в области (Общественная комиссия) и т. д. В соответствии со статьёй 105 Конституции Ирака их перечень следует толковать как *numerus apertus* (открытый перечень), то есть новые комиссии и коллегии могут вновь и вновь учреждаться федеральным законом.

Тем не менее, положения Конституции Ирака о том, что те или иные комиссии и коллегии подчинены Парламенту Ирака либо исполнительной власти в лице, главным образом, Кабинета министров, не отвечает на вопрос о том, к какой ветви власти относятся эти независимые комиссии, поскольку их мандат в любом случае наделяет их известной степенью автономии. Представляется, что этот вопрос нуждается в скорейшем конституционно-правовом регулировании в рамках совершенствования конституционного строя Ирака.

Вопрос о взаимоотношениях законодательной и исполнительной ветвей власти в Ираке представляет не только юридический, но и недюжинный социальный интерес. Дело в том, что при построении современной

систему банковской власти включается не только Банк России, но и вся государственная банковская система (см.: Авакьян С.А. О конституционных основах статуса Банка России. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации / Отв. ред. П.Д. Баренбойм. М.: Юридический дом Юстицинформ, 2000. С. 29). Однако стоит отметить, что С.А. Авакьян в рамках своей конституционно-правовой концепции лишь продолжает собственную логику выделения нетрадиционных ветвей власти в российском государстве (см.: Конституционное право России. Учебный курс. В 2 т. Т. 1 / С.А. Авакьян. 5-е издание, перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 379–380), притом что большинство исследователей в области финансового права такой подход не разделяют, памятуя о том, что в российской системе публичной власти уже существует много органов с достаточно неопределённым правовым статусом (Счётная палата, прокуратура Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека Российской Федерации и т. д.). Примечательным исключением являются позиции Г.А. Тосуняна и А.Ю. Викулина, в соответствии с которыми Банк России является органом государственной «денежной» власти. См.: Филянина И.М. Система органов государственной власти : учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. С. 44. На фоне изложенного решение вопроса о статусе независимых коллегий и комиссий путём их прямой классификации в Конституции Ирака 2005 года представляется крайне удачным.

конституционно-правовой модели иракского государства главным образом учитывались два следующих соображения:

во-первых, это соображение балансировки между законодательной и исполнительной ветвями власти на фоне разногласий по поводу федеративного устройства страны. Баланс между исполнительной и законодательной властью является основой парламентской системы, но законодательная власть обладает рядом механизмов, с помощью которых она предоставляет Совету Представителей право выражать недоверие Кабинету министров, что создаёт, по мнению учёных-конституционалистов, дисбаланс в пользу Парламента¹⁶⁵;

во-вторых, это соображения страха перед диктатурой исполнительной власти над законодательной. Подлинная легитимность Совета Представителей выражается в том, что она избирается непосредственно народом. На этом фоне большинство иракцев ощущают верховенство и преобладание именно законодательной власти над исполнительной, а не наоборот, хотя Конституция Ирака 2005 года не даёт оснований так однозначно полагать. Любопытно, что сами граждане Ирака желали бы видеть в Конституции норму о том, что Парламент осуществляет самороспуск по требованию Кабинета министров с одобрения Президента¹⁶⁶.

Механизмы роспуска Совета Представителей по требованию Премьер-министра, которые нашли своё отражение в Конституции Ирака, подвергаются критике со стороны исследователей.

В целом считается, что конституционная парламентская традиция требует от главы государства распускать парламент по просьбе главы правительства, поскольку именно он является единственным лицом, кто подлинно «ценит наличие

¹⁶⁵ Assessment of the consequences of the adoption of the 2005 Constitution of the Republic of Iraq for the State and society. International Institute for Democracy and Electoral Assistance, Bagdad: Al-Rivak, 2023. P. 34. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/assessing-the-iraqi-2005-constitution-impact-on-%20state-and-society-ar.pdf> (дата обращения: 17.06.2023).

¹⁶⁶ Ibid.

надлежащих условий для осуществления своих полномочий»¹⁶⁷. В связи с этим исследователями в критическом духе предлагается наделить Кабинет министров правом «проявлять инициативу» в таких вопросах, но вместе с тем сохранить за Президентом право принимать решение о роспуске правительства. Характерно, например, что Премьер-министр осуществляет другие законодательные полномочия в одностороннем порядке от имени Президента Республики, и эти полномочия представлены в издании решений, постановлений и инструкций с целью реализации закона, а также в подготовке проекта общего закона о бюджете¹⁶⁸.

Наконец, характерно, что в этой части социальная оценка соотношения законодательной и исполнительной ветвей власти в Ираке совпадает с оценками учёных-конституционалистов. Они утверждают, что «превосходство» Совета Представителей над Кабинетом министров является довольно очевидным, Совет обладает полномочиями лишать Правительство доверия и, таким образом, «свергать» его, в дополнение к другим средствам контроля, осуществляемым Советом Представителей над действиями правительства. Это чревато дисбалансом между двумя ветвями власти¹⁶⁹. С другой стороны, на этом фоне нельзя отрицать, что иракский конституционный законодатель создал множество средств сотрудничества и взаимного контроля между законодательной и исполнительной властями.

1.3. Судостроительство и судебная власть в Ираке

Основы судостроительства в Ираке очерчивает статья 89 Конституции. Поскольку создание и деятельность судов, не предусмотренных Конституцией или

¹⁶⁷ Омар Ч.Х., Барам М.Х. Роспуск парламента и его обоснование в конституциях Ирака 1925 и 2005 годов // Журнал правовых и политических исследований. Т. 2. № 15. С. 156–198, 171. URL: <https://www.asjp.cerist.dz/en/downArticle/560/2/15/139538> (дата обращения: 17.06.2023).

¹⁶⁸ См.: Казем А.М. Законодательная роль исполнительной власти согласно Конституции Ирака 2005 года // Журнал Колледжа исламских наук. 2018. № 1 (53). С. 460–501.

¹⁶⁹ Гани З.А.М. Разделение властей в конституциях Ирака (аналитическое исследование) // Научный колледж им. М. Имама Аль-Казима. С. 1–34, 27–28. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/e1a09a08b7f24f8e> (дата обращения: 23.06.2023).

законодательством, то есть чрезвычайных судов в конституционном государстве не допускается, на основании статьи 89 Конституции можно сделать вывод, что судебные функции в Ираке на федеральном уровне осуществляют следующие органы:

- а) Высший судебный совет;
- б) Федеральный Верховный суд;
- в) Федеральный кассационный суд;
- г) Департамент государственной прокуратуры;
- д) Комиссия по надзору за судебной системой;
- е) непоименованные в Конституции федеральные суды, которые учреждаются и отправляют правосудие в соответствии с федеральным законом.

Первый взгляд на судоустройство в Ираке позволяет прийти к парадоксальному выводу о том, что в систему судебных органов входят неюрисдикционные органы, то есть такие органы, которые не рассматривают конкретные дела в установленной юрисдикционной (процессуальной) процедуре, а являются по своей природе административными, если угодно – надзорными. Ярким примером административно-надзорного органа в судебной системе Ирака является Высший судебный совет Ирака, который фактически осуществляет надзор за единообразием судебной практики иракских судов.

Изложенное заставляет пересмотреть применяемую терминологию в настоящем исследовании. Очевидно, было бы некорректно применять к административно-надзорным органам, таким как Высший судебный совет или Комиссия по надзору за судебной системой, термины «суд» или «судебный орган» (даже «квазисудебный орган»). То же самое касается и Департамента государственной прокуратуры, обеспечивающего государственное обвинение в уголовном и административно-деликтном процессах. В связи с этим для описания иракского судоустройства и органов, обеспечивающих деятельность судов либо иным образом участвующим в судопроизводстве, предлагается использовать термин *«система юстиции»*.

Прежде всего необходимо отметить, что, несмотря на принципиальные различия в своём функционале, должностные лица административно-надзорных органов системы юстиции и судьи иракских судов обладают однородным (гомогенным) правовым статусом. Так, статья 98 Конституции Ирака вводит общие запреты для судей и государственных прокуроров, такие как запрет на совмещение судейской должности¹⁷⁰ и должности в органе законодательной либо исполнительной власти, а также запрет на занятие политической деятельностью.

Далее, кроме Конституции Ирака важную роль в организации системы юстиции имеет Закон № 160 от 1979 года о судебной системе¹⁷¹, который очерчивает структуру и систему иракских судов. Особую роль в этой системе играет Федеральный кассационный суд, который считается высшей инстанцией по отношению ко всем ординарным судам Ирака (то есть судам, рассматривающим дела в порядке гражданского и уголовного судопроизводства, а также по отдельным частным категориям дел). Помимо кассационного суда в судебную систему Ирака в настоящее время входят 16 апелляционных судов, которые осуществляют правосудие на уровне регионов государства, а также суды первой инстанции, распространяющие свою юрисдикцию на территории отдельных городов и районов¹⁷².

Отдельного внимания заслуживает Федеральный кассационный суд Ирака. В силу своего доминирующего положения в системе ординарных судов он является высшей судебной инстанцией по гражданским, уголовным и семейным делам. В настоящее время он состоит из председателя, который *ex officio* является также председателем Высшего судебного совета, заместителя председателя, который в

¹⁷⁰ Любопытно, что по буквальному смыслу Конституции Ирака прокуроры считаются замещающими судейские должности.

¹⁷¹ Закон Республики Ирак № 160 от 1979 года «О судебной системе» // Durr Iraq wiki. URL: <http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/12994.html#:~:text=يهدف%20قانون%20التنظيم%20القضائي%20الى%20وبذهنية,الى%20تنفق%20وتنفق%20الاهداف%20مع%20الاشتراكية%20الاهداف%20مع%20> (дата обращения: 17.06.2023).

¹⁷² Статья 12 Закона Республики Ирак № 160 от 1979 года «О судебной системе».

силу занимаемой должности также является заместителем председателя Высшего судебного совета, и 26 судей.

Кассационный суд отправляет правосудие в следующих основных формациях:

а) Общая (Генеральная) коллегия, которая созывается для рассмотрения уголовных дел, где в качестве наказания была назначена смертная казнь, а также для рассмотрения любых иных дел, требующих пересмотра прецедентной практики Кассационного суда (например, в случае возникновения неустранимых коллизий между его правовыми позициями, выраженными в решениях по различным конкретным делам);

б) Расширенная коллегия, которая созывается для рассмотрения дел, в рамках которых возник спор об исполнении двух противоречащих друг другу судебных решений, а также споры о подсудности того или иного дела какому-либо иракскому суду;

в) Гражданская коллегия, которая рассматривает гражданские дела или дела, связанные со статусом личности;

г) Административная коллегия, которая проверяет законность судебных актов административных судов;

д) Уголовная коллегия, которая проверяет законность судебных актов, принятых в порядке уголовного судопроизводства.

Апелляционные суды действуют в соответствии со статьёй 16 Закона о судебной системе. Указанный закон делит территорию Ирака на 16 апелляционных округов, в каждом из которых образуется Совет апелляционного округа. Этот Совет является очередным административно-надзорным органом в системе юстиции Ирака и включает в себя, помимо председателя и его заместителей, судей соответствующего апелляционного суда, действующего в пределах данного апелляционного округа. Работа Совета имеет сессионный характер: его созывы проходят ежемесячно. К компетенции Совета относятся изучение и обобщение правоприменительных трудностей, с которыми сталкиваются суды первой инстанции и апелляционный суд соответствующего округа при разрешении

конкретных дел, формулирование предложений по их решению в адрес федерального Министерства юстиции Ирака, изучение технических потребностей судов и содействие в их удовлетворении, совершенствование методов работы и повышение уровня результативности в судах.

Низшим звеном системы юстиции Ирака выступают суды первой инстанции, деятельность которых регламентируется статьёй 21 Закона о судебной системе. Она определяет, что на каждую провинцию или округ Ирака должен приходиться как минимум один суд первой инстанции. Кроме того, такие суды могут быть сформированы в районах на основании представления Министерства юстиции Ирака, и они могут отправлять правосудие в пределах сразу нескольких административно-территориальных единиц. Особое требование предусмотрено для создания судов, рассматривающих уголовные дела: они непременно должны быть учреждены в каждой провинции Ирака.

Наконец, в Ираке, в отличие от целого ряда других европейских конституционных правопорядков (в том числе Российской Федерации), действует разветвлённая система специализированных судов, которые по своему статусу приравнены к судам первой инстанции. Актуальная статистическая информация говорит о том, что сейчас на территории Ирака действуют суды по административным делам, по личным статусам, по делам о мелких (административных) правонарушениях, по делам несовершеннолетних и по трудовым спорам, а также следственные суды¹⁷³. Кроме того, статья 43 Закона о судебной системе предусматривает возможность отправления дисциплинарного правосудия в отношении судей, совершивших правонарушение или проступок, который порочит судебские честь и достоинство.

Нетрудно заметить, что тем самым судебная система Ирака схожа с судебной системой Франции и, как следствие, восходит к классической модели организации системы юстиции в европейских странах, где как правило насчитывается три

¹⁷³ Bureau of Experts at the Council of Ministers. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/f0eaae46-9f84-40ee-815e-a9a700f268b3/1> (дата обращения: 10.06.2023).

инстанции, притом что кассационная инстанция играет особо важную – исключительную роль в надзоре за законностью судебных актов нижестоящих судов и формировании единообразной судебной практики. Кроме того, суд кассационной инстанции правомочен давать нижестоящим судам разъяснения, направленные на стабильное и предсказуемое применение правовых норм всеми судами страны. Примечательно, что Курдистанский регион обладает отдельной, параллельной судебной системой, которую возглавляет Кассационный суд Курдистана.

Что касается непосредственно процедур судопроизводства, исследователями отмечается близость иракского судебного процесса к классическому континентальному процессу. Например, в отличие от уголовного процесса в США, где сбор доказательств и конструирование фактологической базы кейса зачастую осуществляется без содействия суда и вообще за пределами судебного надзора (состязательный процесс), в Ираке преобладает континентальная инквизиционная традиция уголовного процесса, где суд активно участвует в расследовании, установлении фактов и сборе доказательств. При этом иракское законодательство не признаёт право на предъявление иска *habeas corpus*¹⁷⁴.

Другой примечательной особенностью уголовного судопроизводства в Ираке является особое понимание принципа законности в уголовном праве. Несмотря на то, что в Ираке действует Уголовный кодекс – единый кодифицированный акт, определяющий преступность и наказуемость тех или иных деяний, конкретные виды наказаний могут предусматривать и иные федеральные законы. Например, Закон о борьбе с терроризмом 2005 года предписывает назначать наказание в виде смертной казни тем лицам, которые осуждены за совершение террористических актов или угрозу их совершения, включая тех, кто

¹⁷⁴ Warnock D. The Iraqi Criminal Justice System, an Introduction // Denver Journal of International Law & Policy. 2010. Vol. 39. No. 1. P. 1–66, 35.

подстрекает, планирует, содействует в террористической деятельности или даже финансирует её¹⁷⁵.

Система юстиции Ирака и её правовое регулирование обладают и рядом национальных особенностей.

Во-первых, в Ираке функционирует централизованный Судебный институт – особое образовательное учреждение высшего образования, программы которого должны освоить все кандидаты на должность судей и государственных прокуроров. Обучение в Судебном институте занимает два года¹⁷⁶.

Во-вторых, законодательство закрепляет конкретные оклады судей всех иракских судов вне зависимости от регионов и инстанционности (статья 38 Закона о судебной системе).

В-третьих, что является, пожалуй, главной особенностью иракской системы юстиции – широкая представленность административно-надзорных органов, которые не просто оказывают содействие в деятельности судов, а неразрывно с ними связаны. Так, характерно, что должность судьи и должность в административно-надзорном органе системы юстиции Ирака могут быть совмещены и, более того, регулярно совмещаются в силу закона. С одной стороны, это может представлять собой угрозу независимости судебной системы, поскольку в таком случае правосудие осуществляется не только судьями. С другой стороны, исследователи иракского конституционализма позитивно оценивают эту особенность. В частности, отмечается высокая положительная роль Высшего судебного совета, что мотивируется соображениями необходимости унификации судебного правоприменения во всех судах Ирака, особенно в том, что касается вопросов рассмотрения дел, связанных с привлечением к юридической

¹⁷⁵ Haider H. Formal justice in Iraq // Helpdesk Research Report. 12 December 2014. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a089a6ed915d622c00032d/hdq1175.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁷⁶ См.: Официальный сайт Высшего судебного совета Ирака. URL: <https://www.sjc.iq/institute-index-ar.php> (дата обращения: 29.05.2023).

ответственности различных видов¹⁷⁷. На этом фоне, по мнению исследователей, Высшему судебному совету следовало бы предоставить даже большую административную и финансовую власть над судами¹⁷⁸.

Отдельного внимания заслуживает проблема обеспечения независимости судебной системы в Ираке, которая имеет ярко выраженный конституционно-правовой характер. Дело в том, что современное судебное правоприменение в Ираке часто критикуется представителями иных государственных органов в том числе посредством обращений в Федеральный Верховный Суд Ирака с жалобами о признании неконституционными ряда положений действующего законодательства. Источником конституционно-правовых претензий чаще всего выступает излишнее, по мнению заявителей, участие органов исполнительной власти разных уровней в отправлении правосудия.

Так, например, в решении № 84 от 12 мая 2022 года¹⁷⁹ Федеральный Верховный Суд Ирака рассмотрел жалобу заместителя прокурора Апелляционного комитета, который указал на противоречие статей 35, 37 и 40 Закона 1982 года № 113 «О подоходном налоге» конституционному принципу независимости судебной системы. Согласно оспариваемым нормам, при разрешении апелляционных жалоб в отправлении правосудия участвует судебная коллегия в составе одного судьи и двух представителей Министерства финансов, причем решение по результатам рассмотрения жалобы принимается простым большинством голосов. Как заявляет заместитель прокурора, в такой судебной коллегии решение фактически принимается не судьей, а органами исполнительной власти, которые и формируют требуемое большинство.

Несмотря на кажущуюся обоснованность позиции заявителя, Федеральный Верховный Суд Ирака не согласился с предложенными аргументами. В качестве

¹⁷⁷ Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. P. 67.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 12 May 2022 № 84. Hereinafter – The Federal Supreme Court of Iraq Official Website. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarat/feden/84_fed_2022en.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

контраргументов Суд указал, что присутствие специалистов в области финансов при разрешении налоговых споров обосновано отсутствием соответствующих знаний у судьи. При этом, вопросов конституционности самой нормы Суд практически не касался, опираясь, скорее, на фактическую сторону кейса.

Одновременно с этим, меньшая по степени интрузия исполнительной власти в отправлении правосудия существует и в сфере расследований коррупционной деятельности. В Федеральный Верховный Суд с жалобой о признании неконституционной статьи 14/3 Закона 2011 года № 30 «О комиссиях по неподкупности и незаконном доходе» обратился заместитель прокурора Следственного Суда, где указывал, что постановка возможности судебного производства в зависимости от исключительной и ничем не ограниченной дискреции комиссии фактически лишает суд возможности привлечения виновных к ответственности. Федеральный Верховный Суд так же не согласился с доводами заявителя, при этом отметив, что все решения комиссии в рамках оспариваемой процедуры подлежат судебному контролю, а потому нарушений принципа независимости судебной власти в настоящем случае не имеется. Соглашаясь с доводами Суда в этой части, отметим, однако, что хотя конкретное нарушение действительно не позволяет автономно судить об избыточном влиянии исполнительной власти на судебную, восприятие подобных примеров в широком контексте не может не свидетельствовать, как минимум, о наличии подобной проблемы.

Приведенные рассуждения подтверждают уже артикулированный вывод о том, что созданная сложным и форсированным путем иракская демократия только-только начинает оправляться от общественно-политических и правовых потрясений второй половины XX века. Тем не менее, взяв уверенный курс на демократизацию и слияние с западной правовой культурой, ближневосточная цивилизация обладает всеми шансами на достижение поставленных целей.

Параграф 2. Конституционный контроль в Ираке. Анализ практики Федерального Верховного Суда Ирака

Конституционный контроль в Ираке уже долгое время остаётся *terra incognita* для учёных-конституционалистов. Анализ литературы по исследуемой проблематике показывает, что иракская конституционно-контрольная практика не попадает в поле зрения исследователей. Так, многие современные российские исследователи, даже часто прибегающие к сравнительно-правовому методу, обходят иракскую практику стороной. Например, А.М. Чирнинов, разрабатывающий сегодня универсальную теорию конституционно-судебной аргументации, основанной на усилении нормативности, не касается судебной практики Ирака в своих работах¹⁸⁰. А.В. Должиков, исследующий концепцию соразмерности ограничения конституционных прав, также не уделит внимание практике иракского органа конституционного контроля, хотя и приводил правовую систему Ирака в качестве примера религиозного конституционного правопорядка¹⁸¹. Также симптоматично, что явление конституционного контроля в Ираке не исследуется практически ни в одном российском учебном пособии по конституционному праву зарубежных стран для высших учебных заведений¹⁸², а если Ирак и упоминается в том или ином контексте в качестве примера для сравнения, то приводимые сведения являются устаревшими¹⁸³.

Является куда более удивительным тот факт, что интереса к традициям конституционного контроля в Ираке не проявляют и зарубежные исследователи. Например, немецкий правовед Р. Алекси, исследующий аргументационные

¹⁸⁰ Чирнинов А.М. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 33–61.

¹⁸¹ Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. ... д-ра юр. наук: 5.1.2 / Должиков Алексей Владимирович. СПб., 2022. С. 381.

¹⁸² См., например: Сафонов В.Е. Конституционное право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для бакалавров / В.Е. Сафонов, Е.В. Миряшева. М.: Издательство Юрайт, 2022; Конституционное право зарубежных стран: учебник для студентов вузов / В.О. Лучин [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

¹⁸³ Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Леиба, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. С. 779–780.

закономерности в контексте конституционного права и правосудия, не использует практику судов Ирака в качестве сравнительного материала¹⁸⁴. Крупный и один из наиболее авторитетных сравнительно-правовых обзоров исследователей из десятков различных стран, обобщивший практику конституционно-судебной аргументации в более чем 25 странах, также не затронул практику Ирака¹⁸⁵. Более того, в обзорах, специально посвящённых сравнительно-правовому анализу конституционно-правовых основ государств Ближнего Востока, Ирак упоминается весьма опосредованно и не становится объектом исследования¹⁸⁶. Другое любопытное наблюдение состоит в том, что судебные акты, принимаемые Федеральным Верховным судом Ирака – централизованным органом конституционного контроля Ирака, не входят и не учитываются в крупнейшей интернет-базе решений органов конституционных судов мира Codices¹⁸⁷.

В то же время давние традиции конституционного контроля в Ираке берут своё начало ещё с начала XX века, а именно с принятия Конституции 1925 года, статья 83 которой впервые в истории государства предусмотрела институт конституционного контроля за актами представительного органа. Эти функции был призван осуществлять действовавший тогда Верховный суд Ирака. Примечательно, что в этом смысле Ирак стал одним из немногих на тот момент государств мира, где практиковался конституционный контроль (пусть и с подачи Великобритании, которая на тот момент осуществляла эффективную юрисдикцию над Ираком как подмандатной территорией) – всего пять лет назад в Австрии был учреждён первый в мире специализированный конституционный суд¹⁸⁸,

¹⁸⁴ Alexy R. *A Theory of Constitutional Rights*. New York: Oxford University Press, 2010. 462 p.

¹⁸⁵ Jakab A., Dyevre A., Itzcovich G. *Comparative Constitutional Reasoning*.

¹⁸⁶ *Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity*.

¹⁸⁷ The Codices Database. Infobase on Constitutional Case-Law. URL: <http://www.codices.coe.int/NXT/gateway.dll?f=templates&fn=default.htm> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁸⁸ Langášek T. *Ústavní soud Československé republiky a jeho osudy v letech 1920–1948*. Plzeň: Aleš Čeněk, 2011. P. 331–334.

функционирование которого положило начало формированию европейской централизованной модели конституционного правосудия.

С другой стороны, каких-либо достоверных свидетельств регулярного и, что ещё более важно, эффективного применения этого института на заре его становления в Ираке найти не удаётся. Более того, во второй половине XX века он был значительно деформирован на фоне становления и укрепления социалистического государственного уклада, который хотя и не отвергал концепцию конституционного контроля как буржуазную, но в то же время и не способствовал её развитию¹⁸⁹. Так, известно, что статья 87 Конституции Ирака 1968 года, учреждая Верховный конституционный суд Ирака, наделяла его полномочием по проверке конституционности любых нормативных актов правовой системы Ирака, а также интерпретационными полномочиями, сводящимися к толкованию не только Конституции Ирака, но и финансовых и административных законов¹⁹⁰. Однако данными полномочиями ни высшая судебная инстанция по Конституции 1968 года, ни другие судебные органы по последующим конституциям вплоть до свержения социалистического строя в Ираке не воспользовались, о чём последовательно свидетельствуют иракские исследователи¹⁹¹.

¹⁸⁹ Стоит отметить, что социалистическое государство, судя по всему, не возражает против самого существования конституционно-контрольных институтов. Так, с 1990 года в СССР при Съезде народных депутатов функционировал Комитет конституционного надзора, который осуществлял политический конституционный контроль. Такая же модель конституционного контроля реализована сегодня в КНР. Так, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей уполномочен рассматривать индивидуальные обращения с предложением о пересмотре конституционности законодательных актов КНР. Вместе с тем такой контроль опять же носит политический характер, поскольку фактически осуществляется законодательным органом в порядке самопроверки, а потому он не укладывается в рамки принятого в развитых правовых государствах разделения властей. Кроме того, в науке отмечается крайне низкая продуктивность такого механизма (см.: Hand K. Resolving Constitutional Disputes in Contemporary China // *The University of Pennsylvania Asian Law Review*. 2011. Vol. 7. No. 1. P. 51–159, 54). К сожалению, имеются основания экстраполировать такой вывод на большинство других социалистических правовых систем.

¹⁹⁰ Конституция Республики Ирак 1968 года // *Constitution.Net: Supporting Constitution Builders Globally*. URL: https://constitutionnet.org/sites/default/files/interim_constitution_1968.pdf (дата обращения: 21.01.2023).

¹⁹¹ См., например: Бурхан С.А.Х. Этапы возникновения и развития конституционного контроля в Ираке // *Закон и право*. 2024. № 2. С. 104–110, 107; Аль-Бакри А.А.-Б. Введение в изучение

Более того, исследователи отмечают лишь один случай с 1968 по 2003 годы, когда судья первой инстанции (ординарного районного суда города Багдада) воздержался от применения акта Совета революционного командования как не соответствующего, по его мнению, Конституции Ирака¹⁹². Соответственно, говорить о репрезентативности конституционно-судебной практики социалистического Ирака и, как следствие, о развитии института конституционного контроля как такового в XX веке в целом не приходится. На этом фоне недостаточную изученность иракского конституционного контроля в юридической литературе едва ли можно ставить в вину конституционно-правовой науке – практика осуществления такого контроля недостаточно репрезентативна.

Фактически институт конституционной юстиции в Ираке был реанимирован только в начале XXI века, после чего практика конституционного нормоконтроля в Ираке начала активно складываться. Начало этого периода ознаменовалось иностранным вмешательством в лице Коалиции согласных и принятием Переходного административного закона 2004 года, который очертил контуры будущей структуры и системы органов государственной власти Ирака. Согласно его статье 44(В(2)) Федеральный Верховный суд Ирака должен иметь возможность дисквалифицировать неконституционные нормативные акты, круг которых достаточно широк (акты федеральных и региональных органов власти, в том числе законы, иные нормативные правовые акты, например, постановления и директивы органов исполнительной власти и органов местного самоуправления). При этом Переходный административный закон исходил из того, что проверка конституционности этих актов должна осуществляться в рамках конкретного нормоконтроля, то есть в связи с обращениями заинтересованных граждан и запросами судов по конкретным делам. Неизменным следствием признания акта неконституционным Переходный административный закон называл утрату им

исламского права и шариата. Часть первая // Наджаф: Аль-Адаб Пресс, 1972. С. 349; Аль-Аллуш С.А.-Д. Углублённое исследование конституционных обычаев. 1-е изд. / Амман, 2008. С. 135.

¹⁹² Khaled K.A., Kadhim M.H. The Influence of Constitutional Texts on the Conviction of the Criminal Judge // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 24–38, 33.

своей юридической силы (статья 44(С)), притом что Закон умалчал о темпоральных параметрах такой утраты (то есть, действуют ли постановления суда о неконституционности акта с обратной силой, *ex tunc*, или только на будущее время, *ex nunc*).

Стоит отметить, что ныне действующая Конституция Ирака 2005 года в целом восприняла требования Переходного административного закона. В настоящей главе в первую очередь будут выявлены и исследованы нормативные основания деятельности Федерального Верховного суда Ирака по отправлению конституционного правосудия, после чего при помощи кейс-метода (*case-study*) будет изучена практика Суда на предмет богатства его аргументативного дискурса. Выполнение данной задачи необходимо для разрешения более общего вопроса, поставленного настоящим исследованием: выявления общих черт конституционного строя Ирака и прогрессивных европейских конституционных правопорядков, а также национальных и самобытных особенностей иракского конституционализма.

Конституционно-правовую основу деятельности Федерального Верховного суда Ирака (далее в настоящем параграфе – Суд) составляют части 1 и 2 статьи 93 Конституции Ирака 2005 года, которые закрепляют его конституционно-контрольную и консультативную¹⁹³ компетенции соответственно. При этом довольно примечательно, что Суд не связан отношениями инстанционности с другими судами судебной системы Ирака, будучи специально предназначенным для рассмотрения вопросов о конституционности нормативных актов и споров о компетенции между органами государственной власти. С другой стороны, ни один другой суд Ирака не вправе разрешать вопросы о конституционности нормативных актов, а если у суда и возникнут обоснованные сомнения в конституционности нормы, подлежащей применению, он делает об этом запрос в Федеральный Верховный суд Ирака (статья 4 Правил процедуры Суда).

¹⁹³ Примечательно, что консультативная компетенция Суда делает его единственным органом власти в Ираке, обладающим возможностью толковать конституционные положения.

Изложенное позволяет утверждать, что в Ираке принята общеевропейская модель конституционного контроля, которая предполагает существование единого централизованного судебного органа, отправляющее конституционное правосудие¹⁹⁴. При этом, например, в соседнем Иране можно наблюдать частный случай европейской модели конституционного контроля – французскую модель, поскольку конституционный контроль в Иране так же осуществляет централизованный орган, специально учреждённый для этих целей, однако который по своей природе является несудебным или квазисудебным (Совет стражей конституции)¹⁹⁵.

В этом смысле Ирак, несомненно, следует общеевропейской традиции конституционного контроля, что в некотором роде парадоксально: и Конституция 1925 года, которая впервые предусмотрела возможность осуществления конституционного контроля на иракских землях, и Переходный административный закон 2004 года, «возродивший» этот институт, разрабатывались (если угодно, были «октроированы») английскими и американскими юристами соответственно – представителями англосаксонской правовой семьи, которым нехарактерны европейские черты организации конституционно-контрольной деятельности. Этот факт встречает резонное удивление у некоторых исследователей¹⁹⁶. Например, в Великобритании, как известно, конституционный контроль отсутствует *per se* в силу принятой доктрины парламентского суверенитета (*parliamentary sovereignty*), а в США конституционный контроль является децентрализованным, поскольку полномочием по рассмотрению конституционных исков наделяются, помимо Верховного суда США, и суды нижестоящих инстанций¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Grote R. Models of Institutional Control. The Experience of Islamic Countries / Comparative Constitutional Reasoning. Eds. by A. Jakab, A. Dyevre, and G. Itzcovich. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 221–238, 223.

¹⁹⁵ Shirvani F. A Different Approach to the Control of Constitutionalism: Iran's Guardian Council / Eds. by Rainer Grote and Tilmann J. Röder. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 279–290.

¹⁹⁶ Jensen E.G. Introduction to the Laws of Kurdistan, Iraq Working Paper Series. Constitutional Law of Iraq. P. 22.

¹⁹⁷ Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. С. 916.

Другим важным элементом нормативной базы деятельности Суда является Закон № 30 от 2005 года¹⁹⁸, который вступил в силу ещё до принятия Конституции 2005 года. Подобная «темпоральная коллизия» стала камнем преткновения среди учёных-конституционалистов и дало некоторым из них повод говорить о неконституционности и нелегитимности Суда как институции, особенно на фоне некоторых его резонансных решений¹⁹⁹. Представляется, что такие высказывания не имеют под собой правовых оснований по следующим причинам.

Действительно, Закон № 30 от 2005 года был принят во исполнение Переходного административного закона 2004 года, где юрисдикция Суда описывалась иначе, чем она была закреплена в статье 93 Конституции 2005 года. Так, первоначально диспозиция статьи 4 Закона № 30 от 2005 года являлась более широкой по сравнению с положениями частей 1 и 2 статьи 93 Конституции 2005 года. Среди прочего она предусматривала компетенцию Суда по проверке конституционности (в том контексте – по проверке на предмет соответствия Переходному административному закону) «законов, решений, положений, инструкций и распоряжений», принятых любым уполномоченным на то органом, а правом на инициирование конституционного судопроизводства наделялись любые государственные органы или прокурор. Однако в связи с этим после вступления в силу Конституции 2005 года в Закон № 30 от 2005 года были внесены изменения, с тем чтобы обеспечить буквальное соответствие его норм конституционным предписаниям²⁰⁰, и теперь статья 4 названного Закона закрепляет своеобразное «триединство» компетенции Суда, а именно компетенцию по рассмотрению исков и запросов о конституционности нормативных правовых актов, по толкованию

¹⁹⁸ Закон Республики Ирак № 30 от 2005 года «О Федеральном Верховном Суде» // Durr Iraq wiki. URL: <http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/17156.html> (дата обращения: 21.01.2023).

¹⁹⁹ Alnasir S. Iraq Urgently Needs a Real Constitution // IACL-AIDC Blog. 7 July 2022. URL: <https://blog-iacl-aidc.org/new-blog-3/2022/7/7/iraq-urgently-needs-a-real-constitution> (дата обращения: 31.01.2023).

²⁰⁰ Закон Республики Ирак от 25 декабря 2014 года «О внесении изменений в Закон Республики Ирак № 30 от 2005 года «О Федеральном Верховном Суде» // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Ирак. URL: <https://moj.gov.iq/upload/pdf/4635.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).

Конституции и по разрешению споров о компетенции между органами государственной власти Ирака. Круг субъектов, обладающих правом на обращение в Суд, сообразно расширился, включая сегодня в себя граждан, органы государственной власти и ординарные (гражданские и уголовные) суды.

Сам же Закон № 30 от 2005 года не был заменён равнозначным нормативным правовым актом по тому же предмету и продолжает применяться по сей день. Иными словами, Закон № 30 от 2005 года в его нынешней редакции не вступает в противоречие с Конституцией 2005 года и тем самым не подрывает принцип правового государства, а если бы даже имело место буквальное несоответствие между этими актами, такая коллизия сама по себе не говорила бы о нелегитимности Суда – достаточно было бы применить правило *in dubio pro libertate* и применять такое регулирование, которое предоставляло бы больше гарантий судебной защиты гражданам Ирака²⁰¹.

Далее, следует исходить из общепринятой презумпции действительности и сохранения юридической силы тех нормативных правовых актов, которые были приняты до вступления в силу Конституции 2005 года и которые ей прямо не противоречат. Такая презумпция, как отмечают исследователи, применима и к Закону № 30 от 2005 года²⁰². Более того, не секрет, что парламентский процесс в Ираке уже длительное время характеризуется кризисом, что проявляется, в частности, в том, что парламентарии не могли прийти к консенсусу относительно федерального закона о Суде на протяжении порядка шести лет²⁰³. Разумеется, в условиях нестабильности нормотворческой работы законодательного (представительного) органа его квалифицированное умолчание о продолжении

²⁰¹ Данный принцип в тех или иных формулировках находит своё отражение в различных правовых системах современности, а также в литературе. См., например: особое мнение Судьи Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотова к Постановлению Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 38-П // СПС «КонсультантПлюс»; Шустров Д.Г. Принципы конституционного толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1 (134). С. 107–132, 119–120.

²⁰² Hussein A.P., Al-Naeli J. Judicial Interpretation the Federal Supreme court in Iraq // Journal for legal and political science. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 461–476, 463.

²⁰³ Hamoud H.A. Ornamental Repugnancy: Identitarian Islam and The Iraqi Constitution // University of St. Thomas Law Journal. 2010. Vol. 7. No. 3. P. 692–713, 700.

действия Закона № 30 от 2005 года представляется разумным решением, которое обеспечивает существование нормативной основы деятельности столь важного Суда.

Наконец, к настоящему времени в Ираке уже сложился устойчивый конституционно-правовой режим стабильного функционирования Суда. Так, согласно данным официального сайта Суда, конституционное правосудие в Ираке остаётся востребованным средством правовой защиты. Нагрузка на Суд является достаточно стабильной – Суд действительно стремится демонстрировать свою эффективность. Например, в 2018 году в рамках конституционного судопроизводства было вынесено рекордное количество судебных актов по различным вопросам – 134. Другой пик эффективности Суда наблюдается в 2019 году, за который он принял 101 судебный акт в том же процессуальном порядке. В остальном с 2012 года количество рассматриваемых Судом дел варьируется в пределах от 50 до 90²⁰⁴. При этом необходимо учитывать, что поскольку к подаче конституционного иска предъявляются определённые требования, большая часть итоговых актов, принимаемых Судом, содержит резолюцию о неприемлемости иска либо о конституционности оспариваемого правового регулирования.

Поскольку, как было установлено, представляется возможным констатировать наличие в Ираке укоренившегося конституционно-правового обычая стабильного функционирования Суда, представляются недостаточно обоснованными суждения ряда исследователей (например, доктора правовых наук Мэйсун Таха Хуссейна) о том, что правовой статус Суда, детали его структуры и полномочий должны найти своё отражение непосредственно в конституционном тексте²⁰⁵ – такой подход представляется излишним.

²⁰⁴ Статистические данные агрегированы на основании сведений, предоставленных официальным сайтом Федерального Верховного суда Ирака. См.: Официальный сайт Федерального Верховного суда Ирака. URL: <https://www.iraqfsc.iq/ethadai.php> (дата обращения: 10.02.2023).

²⁰⁵ Конституционная ошибка в организации деятельности Федерального Верховного суда: пробел или умолчание? // Мэйсун Таха Хуссейн. Колледж Имама Казима-Вавилон. 2 мая 2019 года. Официальный сайт Федерального Верховного суда Ирака. URL: <https://iraqfsc.iq/news.4337/> (дата обращения: 10.08.2023). Между тем представляется любопытным обоснование данного тезиса его сторонниками: оно апеллирует, в частности, к необходимости укрепления иракского

Далее, нельзя не отметить исключительно важную роль такой составляющей нормативной основы деятельности Суда, как Правила процедуры²⁰⁶. Положения данных правил, а именно его статьи 3-6 проливают свет на то, что является необходимыми предпосылками для инициирования конституционного судопроизводства. Так, согласно Правилам процедуры такими поводами могут являться запрос ординарного суда, направленный по его собственной инициативе (статья 3) либо по инициативе одной из сторон в конкретном деле (статья 4), спор между органами государственной власти о компетенции либо о толковании нормативного правового акта (статья 5), а также, что самое главное и достойно внимания, иски граждан об оспаривании конституционности (статья 6).

Анализ Правил процедуры Суда показывает, что конституционное судопроизводство в Ираке может осуществляться только в рамках конкретного нормоконтроля, то есть в связи с конкретным делом, в рамках которого поднимаются спорные вопросы применения Конституции либо иных нормативных правовых актов в свете конституционных предписаний. Институт же абстрактного нормоконтроля, то есть проверки конституционности нормативных актов по инициативе органов власти, но вне связи с конкретными разногласиями в применении Конституции (с конкретным кейсом), правовой системе Ирака неизвестен, несмотря на то что он воспринят в нескольких европейских правовых порядках, относящихся к той же конституционно-контрольной традиции, что и Ирак²⁰⁷.

Вместе с тем особый исследовательский интерес представляет то, какие требования допустимости законодательство Ирака предъявляет к обращениям

федерализма, который предполагает «легитимность» и «верховенство судебной власти», а также существование системы «тщательно продуманного» определения предметов совместного ведения федерации и её субъектов, а также предметов ведения федерации и её субъектов в отдельности.

²⁰⁶ Правила процедуры Федерального Верховного суда Ирака 2005 года // Durr Iraq wiki. URL: <http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/17163.html> (дата обращения: 12.02.2023).

²⁰⁷ Речь идёт о таких государствах, как, например, Российская Федерация, Республика Беларусь и Итальянская Республика, где органы государственной власти вправе направлять запросы в орган конституционного правосудия о проверке конституционности тех или иных норм в порядке абстрактного нормоконтроля.

граждан с конституционным иском. Стоит при этом отметить, что термин «конституционный иск» в настоящем исследовании используется с известной долей условности, поскольку правовая система Ирака не знает процедуры ампаро, характерной для латиноамериканских юрисдикций и для Мексики²⁰⁸, а значит, Суд, осуществляя конституционное судопроизводство, не призван разрешать конкретное дело обращающегося к нему гражданина. По нашему мнению, исследование именно этого вопроса позволяет сделать выводы о реальности либо фиктивности действия Конституции 2005 года, поскольку они определяют уровень доступности конституционного правосудия в Ираке.

Так, статья 6 Правил процедуры настаивает на том, чтобы конституционный иск гражданина отвечал следующим требованиям, которые являются кумулятивными:

1) истец должен обладать явным и прямым интересом в защите своих прав либо в защите своего финансового или социального статуса;

2) истец должен доказать, что ему был причинён реальный ущерб, который к тому же находится в необходимой причинно-следственной связи с применением неконституционного, с его точки зрения, законоположения;

3) указанный ущерб должен быть прямым и непосредственным, и он может быть устранён либо компенсирован в случае, если Суд признает оспариваемое регулирование неконституционным (можно характеризовать как клаузулу о надлежащем способе правовой защиты);

4) ущерб должен быть реальным, то есть он не должен быть будущим, теоретическим, неопределённым;

5) нормы, оспариваемые истцом на предмет их конституционности, были применены к истцу или должны были быть применимы к нему.

При этом, насколько следует из анализа конкретных решений, при прочих равных перечисленные критерии допустимости не обладают идентичным весом. Так, чаще всего Суд акцентирует внимание лишь на двух требованиях к

²⁰⁸ См. о процедуре ампаро подробнее: Hofmann R. Grundzüge des Amparo-Verfahrens in Mexiko // Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart. 1993. No. 53. P. 271–292.

конституционным искам: на применённости оспариваемого законоположения к конкретному заявителю и на несение им неблагоприятных последствий в результате его применения к его конкретной ситуации (решение Суда № 14 от 2023 года)²⁰⁹.

Интересное наблюдение заключается в том, что Правила процедуры либо иные акты, составляющие нормативную основу деятельности Суда, не предъявляют такого требования, как исчерпание всех средств судебной защиты, которое столь знакомо подавляющему большинству национальных правовых порядков, а в международном праве является состоявшимся международным обычаем²¹⁰. Судя по всему, Суд не позиционирует себя в качестве подлинно экстраординарного средства судебной защиты, что, очевидно, должно положительно сказаться на доступе граждан Ирака к конституционному правосудию.

Между тем практика Суда показывает, что названные критерии допустимости конституционного иска недопустимо толковать чрезмерно расширительно. Так, Суд в своём решении № 146 от 2022 года указал, что он однозначно исходит из недопустимости рассмотрения обращений *actio popularis*, то есть поданных в интересах неопределённого круга лиц. Суд при этом подчеркнул, что конституционный иск должен касаться вопросов о нарушении личных прав гражданина, а не абстрактных вопросов конституционности публичного законодательства²¹¹.

В заключении описания нормативной базы деятельности Суда стоит обратить внимание на статьи 18 и 19 Правил процедуры. Из них следует, что к производству в Суде применяется также ординарное процессуальное законодательство Ирака, а именно Закон о судебных сборах № 114 от 1981 года, Закон о судебных доказательствах № 107 от 1979 года, а также Закон о

²⁰⁹ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 22 February 2023 № 14. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/14_fed_2023.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

²¹⁰ International Court of Justice. Interhandel Case (Switzerland v. United States) from 21 March 1959 // ICJ Reports, 1959. P. 27.

²¹¹ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 27 July 2022 № 146. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/146_fed_2022.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

гражданском судопроизводстве № 83 от 1969 года. К слову, примечательно, что указанные нормативные акты применяются субсидиарным образом в ходе отправления не только конституционного, но и административного судопроизводства. По мнению ряда исследователей, это «приводит к активизации административного судебного контроля как воплощения законности»²¹².

Во всяком случае, применительно к конституционному судопроизводству такой шаг является вполне предсказуемым и логичным на том фоне, что сами Правила процедуры, а также Закон № 30 от 2005 года являются крайне лаконичными и не регулируют целый пласт правоотношений, возникающих в ходе конституционного судопроизводства. Так, Закон № 30 от 2005 года в большей своей части определяет организационную структуру Суда. В то же время Суд, опираясь лишь на Закон № 30 от 2005 года или Правила процедуры, лишился бы возможности разрешать вопросы о возмещении судебных расходов по итогам рассмотрения конституционных исков. В этом смысле применение ординарного гражданского процессуального законодательства к производству в Суде по аналогии является логичным и правильным. Так, практика Суда показывает, что некоторые требования к допустимости конституционных исков и судебных запросов могут предъявляться не только Правилами процедуры, но и Законом о гражданском судопроизводстве (например, в части указания в процессуальном документе надлежащего ответчика по иску, что было подчёркнуто в решении Суда № 14 от 2023 года²¹³).

Анализ нормативного регулирования, определяющего базовые параметры функционирования Суда, показывает, что конституционное судопроизводство в Ираке является в целом доступным способом правовой защиты для граждан. Стоит отметить, что не все развитые правовые порядки предполагают возможность граждан напрямую обращаться в орган конституционного правосудия по конкретному делу.

²¹² Sadiq M.A. The Jurisdiction in Litigation Before the Courts of Administrative Judge (Comparative Study) // Journal of University of Babylon for Humanities. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 1–21, 18.

²¹³ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 22 February 2023 № 14. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/14_fed_2023.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

Например, такая возможность отсутствует у граждан Италии, а граждане Франции были наделены правом передавать свои конкретные дела в Конституционный совет лишь сравнительно недавно, а именно в 2008 году²¹⁴ – ещё позднее, чем такая возможность появилась в Ираке. Данный вывод могут подтверждать ещё два любопытных наблюдения, связанных с предметом конституционно-судебной проверки, а также с кругом лиц, имеющих право на обращение.

Что касается предмета конституционно-судебной проверки, то есть круга нормативных актов, которые могут быть рассмотрены Судом на предмет их соответствия Конституции, то он является необычайно широким. Помимо федеральных законов – нормативных актов высшей юридической силы (не считая самой Конституции), к нему относятся региональные законы, в том числе законы и иные нормативные акты Курдистана, входящего в состав Ирака на правах федерального региона, а также акты органов исполнительной власти, такие как директивы и инструкции. Важность широты предмета проверки сознаётся самим государством и подчёркивается председателем Суда (по состоянию на 2023 год) Джасимом Мохаммедом Аббудом, который указывает: «[В]сё, что издаётся законодательными и исполнительными органами, подлежит контролю со стороны [Суда]... демократия окажется просто бесполезным атрибутом, если права и свободы народа... остаются пустыми конституционными текстами»²¹⁵.

Эти слова *prima facie* сигнализируют об осознании иракским государством важности конституционного контроля как эффективного и действенного средства правовой охраны Конституции, даже несмотря на то, что в рядовой практике Суда чаще всего предметом проверки выступают федеральные законы. Вместе с тем стоит отметить, что предметом проверки Суда могут являться не только

²¹⁴ В результате реформы 2008 года Конституционный совет Франции впервые в истории страны получил право осуществлять последующий конкретный контроль законов по обращениям граждан. См., например: Dyevre A. The French Constitutional Council // *Comparative Constitutional Reasoning*. Eds. by A. Jakab, A. Dyevre, and G. Itzcovich. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 323–355, 328.

²¹⁵ Независимость конституционной судебной власти является необходимым условием существования государственных институтов // Председатель Федерального Верховного Суда Ирака Джассим Мохаммед Аббуд. 7 ноября 2022 года. Официальный сайт Федерального Верховного суда Ирака. URL: <https://www.iraqfsc.iq/news.4886/> (дата обращения: 10.03.2023).

нормативные акты, но и распорядительные акты распорядительного характера. Именно такой акт стал предметом проверки в решении о конституционности референдума Курдистана по вопросу его государственной независимости, поскольку Суд проверял приказ о назначении и проведении референдума (решение от 20 ноября 2017 года)²¹⁶. В этом смысле доводы некоторых учёных-конституционалистов о том, что Суд лишён каких-либо инструментальных возможностей для проверки регионального законодательства Ирака, а именно нормативных правовых актов регионов и мухафаз²¹⁷, представляются безосновательными, имея тем более в виду, что одним из поводов конституционно-судебной проверки в силу статьи 5 Правил процедуры Суда могут стать споры о компетенции между федеральными и региональными органами государственной власти.

Здесь же следует оговориться о том, что предмет проверки Суда всё же не безграничен. Так, например, в круг актов, подлежащих проверке на предмет конституционности, не входят международные договоры Ирака, причём как до их ратификации, так и после. Однако это едва ли можно охарактеризовать как патологию конституционно-контрольной системы Ирака, поскольку сама по себе проверка конституционности международных договоров среди исламских правовых систем встречается только там, где практикуется французская модель конституционного контроля (например, в Сенегале). В любом случае сказанное применимо только к предварительному конституционному контролю международных договоров, в то время как их апостериорный контроль в принципе является ортодоксальным исключением из правила и посягает на основополагающий принцип международного права *pacta sunt servanda* (такое исключение можно встретить, например, в практике ныне реорганизованного Конституционного совета Казахстана, который однажды дисквалифицировал

²¹⁶ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 22 November 2017 № 89. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/89_fed_2017.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

²¹⁷ HabibZadeh T., Mansourian M. Duties and Powers of The Federal Supreme Court of The Republic of Iraq // Quarterly Journal of Public Law Knowledge. 2014. Vol. 2. No. 6. P. 79–100, 85.

ратифицированный международный договор по мотивам его частичной неконституционности²¹⁸).

Другим фактором, заметно повышающим доступность конституционного правосудия в Ираке и обогащающим инструментарий поддержания конституционной законности в стране, является право ординарных судов при рассмотрении конкретных гражданских, административных или уголовных дел направлять запросы в Суд о проверке конституционности законоположений, подлежащих применению в конкретном деле. Этот запрос может быть направлен как по инициативе самого суда, усомнившегося в конституционности нормы (статья 3 Правил процедуры Суда), так и по ходатайству тяжущихся сторон (статья 4 Правил процедуры Суда).

В этом контексте напрашивается сравнение правовых систем Ирака и России: обоим правовым порядкам известен институт судебного запроса о конституционности нормы, однако при этом в России стороны лишены процессуальной возможности, прямо предусмотренной законодательством, ходатайствовать о совершении этого запроса. Иными словами, вопрос о направлении запроса в орган конституционной юстиции всецело находится в дискреции российских судов, что вызывает существенные проблемы в судебной практике²¹⁹. Между тем иракские суды, по-видимому, связаны ходатайствами сторон о направлении таких запросов и обязаны реагировать на них в процессуальной форме, выслушивая аргументы за или против совершения запроса в состязательном процессе.

Анализ правового регулирования деятельности Суда позволяет также сделать выводы о юридических свойствах его решений. Исходным положением в этом вопросе является статья 94 Конституции Ирака 2005 года, согласно которой все решения Суда (видимо, вне зависимости от содержания резолютивной части) являются обязательными для всех органов власти (*binding for all authorities*), а

²¹⁸ Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 7 мая 2001 года № 6/2 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

²¹⁹ См., например, решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 27 января 2021 года по делу № А10-5499/2020 // СПС «Гарант».

также не подлежат обжалованию либо иному пересмотру. В уже упоминавшемся решении № 146 от 2022 года Суд пошёл дальше, конкретизировав это положение и указав на общеобязательность решений Суда, то есть обязательность их не только для органов государственной власти, но и для правоприменителей и граждан.

На практике это означает, среди прочего, что решения Суда действуют непосредственно, не нуждаются в подтверждении со стороны других органов власти, а также могут препятствовать рассмотрению идентичных (тождественных) исков. Указанное юридическое свойство его решений нередко подчёркивается и самим Судом. Так, в решении № 3 от 2023 года Суд указал, что его решения можно следует характеризовать как «устойчивые судебные прецеденты», которым необходимо следовать и которые могут являться юридическим аргументом в спорах²²⁰. Кроме того, в решении № 6 от 2023 года Суд отказал в удовлетворении конституционного иска на основании его сущностной тождественности одному из ранее подававшихся исков о проверке конституционности Закона о Центральном банке Ирака. Суд мотивировал своё решение тем, что «решение Суда распространяется не только на [стороны конкретного спора], но и на всех тех, к кому [оспариваемый] закон применяется... Следовательно, нет никакого правового интереса для тех, кто подаёт [иск] повторно, поскольку такие обращения будут объявляться неприемлемыми»²²¹.

Уже приведённых правовых позиций вполне достаточно для того, чтобы уверенно констатировать, что решения Суда являются полноправным источником права (*source of law*) в правовой системе Ирака. Однако решения Суда способны, помимо прочего, непосредственно влиять на содержание диспозиции законоположений.

С одной стороны, Суд практически никогда не формулирует обязательных предписаний законодателю об изменении правового регулирования согласно

²²⁰ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 1 March 2023 № 3. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/3_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

²²¹ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 14 February 2023 № 6. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/6_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

требованиям Конституции. То есть, даже если Суд по результатам рассмотрения конституционного иска или запроса придёт к выводу о неконституционности того или иного законоположения, Суд никогда не адресует законодателю требование об устранении выявленного конституционно-правового дефекта (например, не обязывает законодателя привести оспоренное правовое регулирование в соответствие с конституционными требованиями). Анализ нормоконтрольной практики показывает, что Суд может ограничиться лишь рекомендациями, адресованными законодателю, о принятии того или иного «желательного» правового регулирования. Так, в своём решении № 103 от 2012 года Суд, вынужденный отказать заявителю в требовании о присуждении денежной компенсации за применение к нему закона, признанного Судом в данном процессе неконституционным, одновременно рекомендовал законодателю Ирака предусмотреть в законодательстве о конституционном контроле или гражданском законодательстве выплату компенсаций гражданам, пострадавшим от действия неконституционных нормативных актов²²².

С учётом изложенного правовое регулирование конституционно-контрольной деятельности в Ираке можно и нужно упрекать, поскольку отсутствие у Суда возможности формулировать конкретные нормативные предписания законодателю, допустившему существование в правовой системе неконституционного акта, очевидно ставит под сомнение эффективность исполнения конституционно-судебных велений.

С другой стороны, изложенное компенсируется непосредственным действием решений Суда, за счёт которого они могут буквально расширять либо сужать диспозицию норм, сформулированных законодателем. Например, именно так Суд сузил круг субъектов, которые имеют право запрашивать у него толкование Конституции, исключив из него председателя Палаты представителей и его заместителей, несмотря на то что Конституция 2005 года *expressis verbis* наделяет Палату представителей как таковую запрашивать толкование Конституции. Это

²²² The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 4 June 2012 № 103. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/103_fed_2011.pdf (дата обращения: 08.04.2024).

дало ряду исследователей небезосновательно полагать, что решения Суда по своей правовой природе и юридической силе способны оказывать преобразующее нормативное воздействие не только на положения отраслевого законодательства, но и на сам конституционный текст²²³.

Для анализа практики Суда целесообразно остановиться на нескольких ключевых правовых позициях (*landmark decisions*), высказанных Судом за последнее время. При этом мы полагаем, что результаты исследования будут наиболее репрезентативными, если будут рассматриваться прежде всего дела, не осложнённые острым дискуссионным политическим элементом, поскольку именно такие дела отражают устоявшуюся практику судебного органа.

Прежде всего, стоит отметить, что Суду, по-видимому, известны базовые доктринальные конституционно-правовые концепции, которые прямо или косвенно фигурируют в конституционно-судебном дискурсе развитых континентальных правопорядков, а также нашли своё отражение в тексте Конституции Ирака 2005 года. Например, Суд последовательно раскрывает принцип равенства всех перед законом и судом, к тому же придавая ему социальный оттенок, указывая, что принцип равенства означает не что иное как равенство возможностей для всех иракцев, в частности, возможностей по приобретению социальных благ (жилья, иного имущества, см. решение Суда № 8 от 2023 года²²⁴).

При этом в то же время усматривается значительное доктринальное и общеправовое упущение в толковании Судом принципа равенства. Так, в решении № 14 от 2023 года Суд отказал иностранным гражданам в правовых притязаниях на социальное обеспечение, вытекающих из принципа равенства. При этом Суд сделал это в крайне непопулярной форме. По его мнению, «принцип равенства... не имеет никакого отношения к иностранцам, которые не должны быть равны

²²³ Al-Bawi S.J. Federal Supreme Court Judgements Supplementing the Constitution // Turkish Journal of Computer and Mathematics Education. 2021. Vol. 12. No. 6. P. 3933–3960, 3947.

²²⁴ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 28 February 2023 № 8. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/8_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

гражданам... Конституционные права принадлежат гражданам того государства, которому принадлежит эта Конституция, включая принцип равенства»²²⁵. В свете конституционно-правовых стандартов других государств, где реализуется европейская модель конституционного контроля, такой подход Суда к принципу равенства не выдерживает никакой критики. Кроме того, данный тезис Суд позиционирует в качестве довода к здравому смыслу (*common sense*) и чему-то самоочевидному, что значительно снижает легитимность его позиции и открывает дорогу к известным злоупотреблениям.

Более того, Суд, высказывая такую позицию, не дифференцировал конституционные права по их правовой природе (например, на права, которые вытекают из сущности природы человека, и которые вытекают из гражданства как устойчивой политико-правовой связи лица с государством²²⁶). В этом контексте Суд прибегает к так называемой «сакрализации гражданства», понимая под ним, ни много ни мало, «юридические отношения, основанные на связи [с государством Ирак] и фактической солидарности в жизни, интересах и чувствах [с иракской нацией]»²²⁷.

Другое решение Суда – решение № 3 от 2023 года касалось проверки конституционности регулирования, которое позволяло отказывать гражданам Ирака в выдаче паспортов в качестве меры юридической ответственности²²⁸. Описательная и мотивировочная части решения показывают, что иракскому

²²⁵ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 22 February 2023 № 14. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/14_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

²²⁶ Именно такую дифференциацию прав предлагает Конституционный Суд Российской Федерации, когда мотивирует, что личные права (например, право на свободу и личную неприкосновенность) не могут быть поставлены в зависимость от гражданской принадлежности лица (Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 года № 6-П // СПС «КонсультантПлюс»), в то время как политические права иностранных граждан могут и должны ограничиваться (см., например, Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 года № 797-О-О // СПС «КонсультантПлюс»). В европейской системе защиты прав также считается, что политические права иностранцев могут быть ограничены (статья 16 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года), хотя и этот тезис сегодня уже не является бесспорным.

²²⁷ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 22 February 2023 № 14. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/14_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

²²⁸ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 1 March 2023 № 3. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/3_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

юридическому дискурсу известны и другие распространённые в правовых государствах доктрины, такие как, например, доктрина дискреции законодателя (*margin of appreciation*). Так, агент Палаты представителей, отстаивая перед Судом позицию законодателя по поставленному в конституционном иске вопросу, указал на то, что законодатель обладает широкой дискрецией в вопросах конструирования механизмов юридической ответственности, которая ему необходима для защиты общественного блага. Не секрет, что такая доктрина находит своё отражение практически во всех конституционных правовых порядках современного мира. К слову, Суд признал оспариваемое регулирование неконституционным, поскольку отказ в выдаче паспорта, по его мнению, нарушил право каждого на свободу передвижения (статья 24 Конституции Ирака 2005 года), которое в конкретных социально-исторических условиях приобрело особую, исключительную важность (имея в виду, что это право претерпело множество посягательств от антиправовых акций социалистических режимов в прошлом).

Указанное решение примечательно тем, что оно позволяет оценить аргументационный арсенал Суда. Сама по себе конституционно-судебная аргументация крайне редко становится предметом правовых исследований, однако нет сомнений в том, что качество аргументации усиливает нормативность (правовой эффект) решения и его убедительность²²⁹. В этом смысле Суд в названном решении продемонстрировал, что он как минимум не игнорирует содержание международных правовых актов, юридически обязательных или по крайней мере релевантных для правовой системы Ирака. Суд ссылаясь на непоименованные международные правовые акты, которые, по-видимому, оказывают, с его точки зрения, субстантивное влияние на содержание конституционного права на свободу передвижения, как оно гарантировано статьёй 24 Конституции Ирака 2005 года. Более того, в обоснование своей позиции Суд сослался на конституционно-правовой опыт защиты права на свободу

²²⁹ Об убедительности как главном свойстве и главной цели аргументации рассуждал Х. Перельман. См.: Perelman C. The Idea of Justice and the Problem of Argument. New York: Humanities Press, 1963. P. 5 ff.

передвижения и в других государствах, разумея, судя по всему, бланкетную ссылку на конституции других государств. Однако эти ссылки не сопровождаются упоминанием конкретных правовых актов, что свидетельствует о том, что культура сравнительно-правовой аргументации в практике Суда находится в зачаточном состоянии.

Далее, поскольку одним из ключевых показателей эффективности конституционного контроля является интерпретационный инструментарий, стоит обратить внимание на приёмы толкования Конституции и законодательства, которые применяет Суд. Помимо уже рассмотренного расширительного толкования Суду, по всей видимости, известен такой интерпретационный приём, как гармонизирующее толкование, что в англосаксонской и отчасти европейской конституционно-контрольной практике известно как *rule of interpretation*²³⁰. Сущность гармонизирующего толкования сводится к тому, чтобы исключить потенциальное противоречие законодательства конституционным стандартам не за счёт дисквалификации спорного правового регулирования, а за счёт толкования законоположения таким образом, чтобы оно соответствовало Конституции, что может потребовать даже толкования *contra legem*.

Так, решением № 33 от 1 июня 2022 года Суд посчитал себя полномочным придавать конституционно-правовое истолкование проверяемым нормативным актам, с тем чтобы избежать необходимости признания их неконституционными. Суд прямо указал, что «конституционная судебная власть... должна исследовать, возможно ли интерпретировать оспариваемый текст таким образом, чтобы избежать вынесения постановления о [его] неконституционности»²³¹. Данный интерпретационный приём имеет под собой разумное основание и является довольно насущным, поскольку позволяет избежать потенциальных негативных

²³⁰ ACA Europe. Denmark Supreme Court (ACA Europe seminar of 18 December, 2013). Notes on the hierarchy of norms. P. 3. URL: <https://www.aca-europe.eu/seminars/Paris2013bis/Danemark.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

²³¹ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 1 June 2022 № 33. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/33_fed_2022.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

последствий изъятия неконституционной нормы из правовой системы, в частности, минимизирует риски возникновения конституционно значимого пробела.

Резюмируя итоги изучения и обобщения материалов конституционно-судебной практики Ирака, следует заключить, что решения Суда по своей структуре достаточно однотипны: во всех случаях структура судебных актов неизменно следует стандартному делению на вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части. При этом заслуживает внимания то обстоятельство, что такая структура позволяет Суду описывать в решении не только доводы конституционного истца, но и доводы ответчика, которым в случае оспаривания федерального закона всегда является агент Палаты представителей. Это добавляет конституционно-правовой практике Ирака необходимой дискурсивности.

Резолютивная часть судебных актов обычно ограничивается констатацией конституционности либо неконституционности проверяемых норм, при этом, как уже было отмечено, нормативные предписания законодателю не формулируются. Вместе с тем наряду с резолюцией о конституционности Суд всегда разрешает вопрос о судебных расходах, применяя при этом по аналогии положения Закона о судебных сборах № 114 от 1981 года. Большинство органов конституционной юстиции мира, напротив, либо не рассматривает этот вопрос вообще, либо откладывает его рассмотрение на более позднюю стадию судопроизводства, как это имеет место, например, в современной российской конституционно-судебной практике²³².

Проблемы деятельности Суда. Среди таковых в первую очередь следует отметить **достаточно низкий аргументативный потенциал Суда** и, как следствие, недостаточную убедительность его решений. Это вполне объяснимо: несмотря на то, что конституционный контроль известен Ираку ещё с принятием Конституции 1925 года, он был задействован на практике лишь единожды – в 1939

²³² Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2022 года № 3269-О-Р // СПС «КонсультантПлюс».

году²³³, в связи с чем к моменту его возрождения – к 2003–2005 годам иракская правовая система представляла собой практически *tabula rasa* в контексте опыта конституционно-контрольной деятельности. Именно в этом кроется причина скудности аргументативного потенциала ныне действующего органа конституционного контроля – Федерального Верховного суда Ирака, которая граничит с критической нехваткой юридического инструментария в его деятельности. Например, Суду, равно как и правовой системе Ирака в целом, неизвестна доктрина политического вопроса (*the political question doctrine*), в результате чего конституционный контроль нередко втягивается в политические конфликты, независимость данного судебного органа подвергается деструктивному влиянию, вследствие чего деятельность Суда подвергается справедливой критике со стороны иракцев²³⁴.

Между тем нельзя отрицать того факта, что Суду известно большинство конституционно-правовых доктрин, которыми оперируют конституционные суды в других государствах, и даже такие редкие, как, например, доктрина квалифицированного умолчания законодателя. Кроме того, комментаторы решений Суда отмечают, что Суд способен реагировать и на конституционно значимые пробелы²³⁵. В этом смысле представляется, что чрезмерно радикальные оценки, согласно которым Суд даже при рассмотрении ординарных дел испытывает нехватку базового конституционно-контрольного инструментария, что трансформировало его в «символический институт» для разрешения политических дел²³⁶, являются необоснованными.

Другой проблемой конституционного правосудия в Ираке является его **политизированность и подверженность стороннему неюрисдикционному**

²³³ См. об этом параграф 1 главы 1 настоящего диссертационного исследования.

²³⁴ Силин Ойсал объясняет политизацию решений Федерального Верховного Суда в Ираке // 4 декабря 2023 года. Вашингтонский институт ближневосточной политики. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/pdf/view/18514/ar> (дата обращения: 04.04.2024).

²³⁵ Raid J.A.-S. Regime Change and the Restoration of the Rule of Law in Iraq // International Law Studies. U.S. Naval Law College. 2010. Vol. 86. P. 3–15.

²³⁶ Vahid N.P. Comparative Constitutionalism: Challenges of Constitutional Sovereignty in Iran and Iraq. P. 139.

(политическому) влиянию. При этом политизированность конституционного контроля в Ираке напрямую влияет на состояние развития правового государства в стране. Так, любопытно, какие способы повышения эффективности деятельности Федерального Верховного суда Ирака предлагают рассматривать иракские исследователи конституционного права. Среди этих способов нет практически ни одного способа, основанного на Конституции или действующем законодательстве (например, расширение полномочий Федерального Верховного суда Ирака). Данные способы сводятся к необходимости, по их мнению, воздействовать на Суд через средства массовой информации, а также – что поистине удивительно – через политические партии. Так, иракские исследователи Ясир Атейви Аббуд Аз-Зубайди и Саджа Фалех Хусейн признают, что «политические партии оказывают большое влияние на функционирование Федерального Верховного суда [Ирака]», оправдывая это тем, что «система конституционной юстиции не может работать изолированно»²³⁷. Очевидно, что такое понимание разделения властей, а именно соотношения законодательной и судебной власти в западноевропейских конституционных правопорядках было бы неприемлемым, поскольку воздействие политических сил на суд в целях принятия им того или иного решения рассматривалось бы как посягательство на независимость правосудия.

Таким образом, Суд нередко берёт на себя роль «политического арбитра» и субстантивно разрешает вопросы политического процесса, в результате чего включается в политическую борьбу и становится объектом шквальной критики за чрезмерный судебный активизм (*judicial activism*). Так, Суд был объектом многочисленных упреков за своё решение № 55 от 24 октября 2010 года признать неконституционным бездействие членов Палаты представителей, которое выразилось в непроведении заседания представительного органа, поскольку тем самым Суд усугубил уже созревший парламентский кризис, который препятствовал проведению сессии парламента ввиду отсутствия конституционного

²³⁷ Al-Zubaidi Y.A.A., Hussein S.F. Guarantees for implementing decisions of the Iraqi Federal Supreme Court: A comparative study // The journal of Tigris University College. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 253–263, 258–259.

кворума²³⁸. Такое положение дел, а именно разрешение инструментами конституционного правосудия чрезмерно политизированных вопросов подрывает принцип разделения властей²³⁹ и, как следствие, доверие к правовому государству.

Сказанное, однако, не отменяет того факта, что органы конституционного контроля в правовых государствах могут и даже в известной степени должны оказывать влияние на политические процессы в стране. Так, Федеральный Верховный суд Ирака в своём решении № 15 за 2006 год признал неконституционным ряд положений Закона Ирака о выборах № 16 от 2005 года, которые не обеспечивали необходимый норматив народного представительства депутатов в Парламенте Ирака согласно требованиям статьи 49 Конституции Ирака (один депутат на сто тысяч граждан Ирака)²⁴⁰. Разрешая подобные дела, органы конституционного контроля играют важнейшую роль в реализации конституционных положений и занимают более прочное место в системе разделения властей, что можно наблюдать и в Ираке.

Взаимодействие Федерального Верховного суда Ирака с законодателем.

Представляется, что именно Федеральный Верховный суд Ирака должен играть решающую роль в построении правового государства в Ираке. Однако серьёзным препятствием на пути к этому является низкая эффективность исполнения решений Суда о признании неконституционными нормативных правовых актов. Это обусловливается, главным образом, тем, что в законодательстве Ирака *expressis verbis* не закреплена обязанность законодателя приводить правовое регулирование в соответствие с решениями Суда, а также в законодательстве Ирака отсутствует

²³⁸ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 24 October 2010 № 55. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/55_fed_2010.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

²³⁹ См. подробнее: Чирнинов А.М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование // Право и политика. 2020. № 9. С. 33–44.

²⁴⁰ Омран С.А. Обязательная сила решений Федерального Верховного Суда Ирака и их влияние на предстоящие парламентские выборы в Ираке // Письма о праве. 2014. № 18. URL: <https://law.uokerbala.edu.iq/wp/blog/2014/11/18/mandatory-force-to-the-decisions-of-the-federal-supreme-court-and-its-impact-on-the-upcoming-parliamentary-elections-in-iraq/> (дата обращения: 06.04.2024).

полномочие Суда по вынесению обязательных для законодателя предписаний об изменении законодательства.

Как показывает сравнительно-правовой анализ, возможность формулирования таких предписаний далеко не всегда предусматривается в законодательствах правовых государств. Конституция Франции, например, ограничивается лишь указанием на обязательность решений Конституционного совета для органов публичной власти²⁴¹; Органический закон о Конституционном совете²⁴² также не содержит и такого положения.

Кодекс США (*United States Code*) не позволяет американским судам формулировать обязательные для законодателя предписания, даже если они приходят к выводу о противоречии акта конституционному праву. Применительно к актам федеральных агентств (*agency rules*) Кодекс ограничивается лишь указанием на полномочия судов признать акт недействительным и применить более релевантный акт, принятый во исполнение того законодательного положения, которому противоречил дисквалифицированный акт (см. § 3902-3903 раздела 28)²⁴³.

В свою очередь, правовое регулирование Германии и Испании, напротив, прямо говорит о полномочиях органов конституционного контроля определять, кто именно будет ответственен за исполнение их велений и каков порядок их исполнения, в том числе перечислять конкретные меры по их надлежащему

²⁴¹ Конституция Франции 1958 года. Часть 3 статьи 62 // Официальный сайт Конституционного совета Франции. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

²⁴² Ордонанс № 58-1067 от 7 ноября 1958 года «Об Органическом законе «О Конституционном совете Франции» // Официальный сайт Конституционного совета Франции. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/fondements-textuels/ordonnance-n-58-1067-du-7-novembre-1958-portant-loi-organique-sur-le-conseil-constitutionnel> (дата обращения: 01.04.2024).

²⁴³ The United States Code // Corner Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/3902> (дата обращения: 14.04.2023). Важно заметить, что приведённые нормы в любом случае не применяются при проверке конституционности актов Конгресса (§ 701 раздела 5 Кодекса США).

исполнению (§ 35 Закона о Федеральном Конституционном суде Германии²⁴⁴, статья 93 Органического закона о Конституционном суде Испании²⁴⁵). В этом смысле наиболее детальное правовое регулирование принято в России, которое обязывает органы государственной власти приступить к корректировке дисквалифицированного нормативного акта, даже если Конституционный Суд не сформулировал нормативного предписания (часть 4 статьи 79, статья 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»²⁴⁶). Столь рачительный подход российского законодателя к регулированию данного вопроса неудивителен на том фоне, что в России вопрос об эффективности исполнения решений органа конституционной юстиции стоит особенно остро. С другой стороны, совершенно неясно, по какой причине такое регулирование отсутствует в Ираке, поскольку для иракского правового государства данная проблема стоит особенно остро.

Конституционный контроль в Ираке и нормы шариата. Поскольку иракское государство причисляет себя к исламской правовой системе (часть 1 статьи 2 Конституции Ирака 2005 года), вопрос о роли шариата в конституционно-контрольной практике Ирака является особенно актуальным. Несмотря на то, что судьи приносят присягу религиозного характера («[К]лянусь Всемогущим Аллахом, что я буду выполнять свою работу честно и непорочно...», статья 7 Закона № 30 от 2005 года), исламский элемент в конституционной юстиции Ирака практически отсутствует. Практика Суда является, по большей части, секуляризированной и либерализированной. Коран и сунны, священные писания ислама обычно не приводятся Судом в качестве конституционных стандартов,

²⁴⁴ Закон о Федеральном Конституционном суде Германии (Bundesverfassungsgerichtsgesetz - BVerfGG) // Официальный сайт Федерального министерства юстиции ФРГ. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html> (дата обращения: 11.04.2024).

²⁴⁵ Органический закон Испании «О Конституционном Суде Испании» от 25 октября 1979 года // Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1979-23709> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁴⁶ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

равнозначных положениям Конституции, в связи с чем аргументативный дискурс Суда практически лишён исламского элемента. Так, характерно, что до 2010 года Суд не выносил ни одного решения, в котором применялась бы исламская юриспруденция. В целом позиция Суда по данному вопросу сводится к тому, что законодательный орган является более компетентным для толкования исламского права²⁴⁷. Однако изложенное, разумеется, не отменяет исключений из правила, и исследователи даже отмечают единичные кейсы, где секулярная юридическая аргументация всецело замещалась соображениями толкования исламского права²⁴⁸.

В качестве примера такого кейса предлагается рассмотреть одно из последних дел в практике Суда, а именно дело о проверке конституционности Закона о муниципальных доходах 2023 года. Суд признал конституционной поправку к названному закону, согласно которой было запрещено импортировать и продавать алкогольные напитки всех видов. Любой, кто нарушает приведённый запрет, подлежит наказанию в виде штрафа в размере от 10 млн до 25 млн иракских динаров. Такой запрет конституционно оправдывался в том числе соображениями шариата. Такие законодательные правки вызвали бурную реакцию иракского народа и организаций гражданского общества, причём как мусульман, так и религиозно нейтральных лиц²⁴⁹.

Как можно заметить, Суд нередко оказывается объектом критики. Парадоксальная ситуация складывается в другом государстве со столь же непродолжительными и пока только начинающимися формироваться традициями конкретного конституционного нормоконтроля – Франции, Конституционный совет которой практически не подвергается критике²⁵⁰. Любопытно, что на

²⁴⁷ Pimentel D., Anderson B. Judicial Independence in Postconflict Iraq: Establishing the Rule of Law in an Islamic Constitutional Democracy. P. 43.

²⁴⁸ Oday M. The Basis for Judicial Review in The Federal Supreme Court in Iraq: Mediating Between Democracy and Human Rights Through Islam's Settled Rulings: doctoral dissertation. University of Pittsburgh. 2019. P. 111–114.

²⁴⁹ Хамид А. Закон № 1 от 2023 г. «О муниципальных доходах» // Газета Аль-Хивар Аль-Мотамдани. Выпуск № 7550. 2023. 14 марта.

²⁵⁰ Comparing Constitutional Reasoning with Quantitative and Qualitative Methods. P. 325–329.

официальном сайте Суда регулярно размещаются многочисленные статьи, посвящённые анализу практики Суда по различным вопросам²⁵¹. Однако практически все эти статьи имеют не исследовательский, а рецензионный характер, а также полностью лишены критической (скепτικο-оценочной) составляющей, что не позволяет в полной мере оценить мнение исследователей о деятельности Суда.

При этом было бы в корне несправедливо утверждать, что практика Суда рассматривается в науке в сугубо критическом ключе. Отдельные авторы отмечают, что Суд может оказаться естественным способом разрешения споров при наличии воли оппонентов к мирному урегулированию возникших юридических вопросов²⁵², и что он даже может стать гарантом становления и развития Ирака как подлинно правового государства²⁵³.

Параграф 3. Федерализм – новшество Конституции Ирака 2005 года

Федеративная форма государственно-территориального устройства Ирака явилась подлинным новшеством современного этапа конституционно-правового развития страны. Безусловно, разнородность этнического и религиозного состава населения иракских территории не могла не сказаться даже на унитарном государственно-территориальном устройстве социалистического Ирака, в составе которого в 1991 году образовался автономный с административной точки зрения регион Курдистан. Однако с точки зрения теории права на период с 1990 года по 2004 год Ирак следовало бы характеризовать не как федеративное государство, а как регионалистское (унитарное государство с автономным регионом в своём составе)²⁵⁴.

²⁵¹ Официальный сайт Федерального Верховного Суда Ирака (раздел «Статьи»). URL: <https://www.iraqfsc.iq/articles/> (дата обращения: 10.03.2023)

²⁵² Deeks A.S., Burton M.D. Iraq's Constitution: A Drafting History // Cornell International Law Journal. 2007. Vol. 40. No. 1. P. 1–87, 53.

²⁵³ Raid J.A.-S. Regime Change and the Restoration of the Rule of Law in Iraq.

²⁵⁴ Григонис Э.П. Конституционное право зарубежных стран / Э.П. Григонис, В.П. Григонис. СПб., 2006. С. 67.

Впервые иракское государство было провозглашено в качестве федеративного только в 2004 году, а именно в статье 4 Переходного административного закона. При этом Закон тут же сделал оговорку, согласно которой иракская федерация концептуально должна организовываться по административно-территориальному принципу, а не по национальному либо религиозному признакам. Не вызывает сомнений тот факт, что такое требование (как и, собственно, конституционно-правовое регулирование иракского конституционализма в целом) является реакционным, то есть направленным на общую превенцию деструктивного и травмирующего опыта государственного управления социалистического режима. Это подтверждает и сам Переходный административный закон, который позиционировал в качестве одной из своих целей «предотвратить концентрацию власти в федеральном правительстве, которая попустительствовал тирании и угнетению при предыдущем режиме» (статья 52). В этом контексте Закон поразительно точно подтверждает высказывание А. Шайо о том, что «конституции рождаются в страхе перед былым деспотизмом»²⁵⁵.

Реакционность взглядов создателей иракского федерализма подтверждается и статьёй 58 Переходного административного закона, которая закрепила меры по позитивной дискриминации тех лиц, которые подверглись неправомерным депортациям в результате деяний предыдущих режимов (*affirmative action*). Стоит отметить, что установление и применение позитивно-дискриминационных мер к определённым территориям государства и проживающему на них населению являются неотъемлемой чертой регулирования федерализма в Ираке, что является особой, самобытной чертой иракского конституционализма как такового. Так, концепцию позитивной дискриминации в федеративных отношениях восприняла и ныне действующая Конституция 2005 года, которая в своей статье 112 (часть 1) закрепило обязанность федеральной власти осуществлять управление нефтегазовыми месторождениями таким образом, чтобы доходы от соответствующих полезных ископаемых распределялись на основе принципа

²⁵⁵ Шайо А. Самоограничение власти (Краткий курс конституционализма) / Пер. с венг. М.: Юристъ, 2001. С. 15.

справедливости, а также с учётом потребностей «пострадавших регионов», которые были несправедливо лишены таких выгод прежним режимом.

С историко-культурной точки зрения иракский федерализм в своём генезисе столкнулся с проблемой курдской автономии, но в то же время и обязан ей. Дело в том, что, как верно отмечается исследователями, сам факт существования курдской автономии к моменту слома государственного строя Ирака в 2003 году и определении новых конституционно-правовых параметров государства в 2004 году в значительной степени способствовал консенсусу о федеративной форме государственно-территориального устройства нового Ирака²⁵⁶. На этой почве Переходный административный закон 2004 года, учредив курдскую автономию и её региональные государственные органы в своих статьях 53 и 54 (Национальную ассамблею Курдистана, Совет министров Курдистана и непоименованный региональный судебный орган), воспроизвёл американскую модель федерализма, согласно которой предметы ведения и компетенция федерального центра перечисляются исчерпывающим образом (*numerus clausus*), а компетенция субъектов федерации определяется по остаточному принципу²⁵⁷. При этом стандартная американская модель построения федеративных отношений была модернизирована с учётом необходимости приумножения и укрепления правовых гарантий для Курдистана, в связи с чем курдистанскому представительному органу было дозволено даже вносить изменения в федеральные законы, подлежащие применению на их территории (правда, лишь в той мере, в какой это не затрагивает исключительной компетенции федерального центра), и сохранить известную степень дискреции в вопросах регионального налогообложения. Логичным развитием этой нормы стали положения части 2 статьи 121 Конституции Ирака 2005 года, где такое право получили все регионы без исключения.

Впрочем, немаловажным будет заметить, что учреждать региональные системы органов государственной власти, подобные курдистанским, получили и

²⁵⁶ Kane S., Joost R.H., Alkadiri R. Iraq's Federalism Quandary // The National Interest. 2012. No. 118. P. 20–30, 21.

²⁵⁷ Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. С. 1116.

другие регионы Ирака с определённым количеством мухафаз, за исключением столичного Багдада и города Киркук (статья 53(С) Переходного административного закона).

Анализ правового регулирования федеративных отношений в Ираке переходного периода, предлагаемого Переходным административным законом 2004 года, позволяет прийти к выводу о его утопичности. Это выражается, в частности, в том, что Закон весьма строго очерчивает пределы применения института федерального вмешательства, традиционного для любых федеративных государств. Закон в своей статье 55(А) закрепил правило об иммунитете членов региональных органов исполнительной власти, глав регионов и даже членов представительных органов муниципалитетов – иными словами, всех должностных лиц, предусмотренных секциями 2-6 Приказа коалиционной администрации № 71 от 2004 года для целей децентрализации власти по территориальному признаку²⁵⁸. Однако, невзирая на столь резкую оценку нормативного регулирования, стоит признать, что такая федеративная модель реализовывалась на практике по крайней мере до принятия Конституции Ирака 2005 года, то есть была принципиально жизнеспособной²⁵⁹ и не была лишена права на существование.

Конституция Ирака 2005 года, в свою очередь, привнесла существенные изменения в федеративное устройство Ирака. Конституция уделяет аспекту государственно-территориального устройства страны особое внимание, в связи с этим видится целесообразным остановиться на нормативном анализе положений конституционного текста. Этот анализ позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, Конституция Ирака 2005 года не стала транслировать американскую модель федерализма, заменив её немецкой моделью, которая

²⁵⁸ Данный приказ предусматривал следующую вертикальную структуру организации власти на территориях Ирака: Совет провинции – губернатор, подотчётный Совету провинции – представительные органы мухафаз (в том числе местные советы) – мэры, подотчётные представительным органам мухафаз. См.: Coalition Provisional Authority. Order Number 71 from 2004 «Local Governmental Powers». URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20040406_CPAORD_71_Local_Governmental_Powers_.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

²⁵⁹ Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. P. 22.

предполагает исчерпывающее указание на исключительную компетенцию центра, а также указание на конкурирующую (совместную) компетенцию федерального центра и регионов (статья 114). Остальные вопросы по остаточному принципу относятся к компетенции региональных органов государственной власти.

Во-вторых, каждый регион государства получил право на введение дополнительного к общенациональному арабскому государственного языка, применяемого в официальных нормативных правовых актах региона (часть 5 статьи 4).

В-третьих, Конституция предусмотрела универсальное коллизийное правило, устанавливающее в качестве общего правила верховенство федерального права (часть 2 статьи 13). Однако одновременно с этим Конституция предусмотрела подназначенную (кумулятивную) коллизийную норму, которая допускает приоритетное применение регионального законодательства перед федеральным, если это законодательство принято по предмету ведения региона (то есть, по признаку предмета регулирования нормативного правового акта).

В-четвёртых, Конституция Ирака 2005 года сообразно федеративной форме государственного устройства страны предусматривает двухпалатный парламент. Нижней его палатой выступает Палата Представителей, а верхней – Совет Федерации. Между тем фактически в настоящее время в Ираке действует только нижняя палата – Палата Представителей, поскольку закон о Совете Федерации в соответствии со статьями 65 и 137 Конституции до сих пор не принят, в результате чего в Ираке утвердился конституционно-правовой обычай функционирования однопалатного парламента²⁶⁰.

В-пятых, Конституция учредила особые неюрисдикционные органы – общественные комиссии (статья 105), которые призваны гарантировать права регионов и мухафаз на справедливое участие в управлении государством в целом (включая участие в управлении федеральными учреждениями, конференциями). Названные комиссии формируются и функционируют на паритетных началах и

²⁶⁰ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. P. 121–122.

призваны осуществлять надзор за «справедливостью распределения доходов государства». При этом в данном случае Конституция предусматривает детальное регулирование, установив критерии такого справедливого распределения в части 3 статьи 121.

В-шестых, Конституция в полной мере восприняла аффирмативный (позитивно-дискриминационный) подход к федеративной организации государства, который предложил Переходный административный закон 2004 года. Согласно части 1 статьи 112 Конституции федеральное правительство обязуется осуществлять такое управление месторождениями нефти и природного газа, чтобы доходы от их добычи и реализации распределялись на началах справедливости, но при этом учётом потребностей «пострадавших регионов» в результате противоправных деяний предыдущего режима, с «пережитками» которого конституционный законодатель, судя по всему, намерен бороться ещё длительное время.

В-седьмых, часть 2 статьи 122 Конституции очерчивает общие контуры административно-территориального деления страны. Так, территорию государства Ирак образуют регионы (наряду с особой автономной территорией – федеральным регионом Курдистан), которые, в свою очередь, состояются из мухафаз. Кроме того, территорию Ирака составляют мухафазы, которые не входят в какие-либо регионы. При этом как регионам, так и мухафазам, не состоящим в регионах, должны предоставляться широкие административные и финансовые полномочия, позволяющие им управлять своими делами «в соответствии с принципом децентрализованного управления».

Нормативный анализ релевантных положений Конституции Ирака 2005 года, регулирующих особенности федеративного устройства Ирака, позволяет сделать вывод о том, что к настоящему времени в Ираке сложился **асимметричный этническо-территориальный федерализм**. В науке также отмечается, что современный Ирак приобрёл ортодоксальные черты этнофедерации в сочетании с

сильной децентрализацией полномочий²⁶¹. При этом если в асимметрии федерации наука конституционного права не усматривает серьёзной угрозы территориальной целостности²⁶² (имея в виду, что практически ни одно федеративное государство мира не может характеризоваться как безоговорочно симметричная федерация)²⁶³, то в этническом контексте угрозы становятся куда более явными. Конституционно-правовая проблема и угроза конституционным ценностям здесь заключается в том, что это, по оценке учёных, приведет к сепаратистским тенденциям. Такой вывод является без преувеличения парадоксальным, поскольку целью создания федеративной системы в Ираке, как было установлено выше, провозглашалось явно противоположное, а именно создание федерации, лишённой любого этнического или религиозного дезорганизующего компонента (кроме исторически сложившейся автономии Курдистана).

Неудивительно, что дискуссии в иракском обществе о совершенствовании конституционного строя вращаются главным образом вокруг вопроса о государственно-территориальном устройстве страны. Выдвигаются предложения о поправках к Конституции Ирака 2005 года в том числе с учётом российского опыта федеративного строительства 1990-х годов, в частности, озвучиваются инициативы по прямому перечислению всех регионов и мухафаз в конституционном тексте, а также по введению в иракскую правовую систему региональных конституций²⁶⁴.

Дискуссии эти разгораются особенно остро на фоне общественных инициатив, оказывающих центробежный (деструктивный) эффект. Так,

²⁶¹ Danilovich A. *Iraqi federalism and the Kurds: Learning to live together*. Farnham: Ashgate, 2014. P. 3.

²⁶² В то же время есть и обратные примеры, когда исследователи прямо высказывают свою озабоченность состоянием асимметрии иракской федерации. Фактически Конституция Ирака 2005 года проводит весьма чёткое различие между мухафазами и регионами, притом что предоставляет последним значительно большую автономию. Часть 2 статьи 121, например, разрешает ограничивать действие федерального законодательства только региону. См.: Hamoudi H.A. *Notes in Defense of the Iraq Constitution* // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2011. No. 32. No. 5. P. 101–124, 113–114.

²⁶³ Stepan A. *Arguing comparative politics*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 327.

²⁶⁴ Akram W.T., Hussein N.K. *Constitutional and legal status of a federal subject in the Republic of Iraq and in the Russian Federation: a comparative legal study* // *RUDN Conference on Legal Theory, Methodology and Regulatory Practice (RUDN LTMRP Conference 2021)*. 2021. Vol. 118. P. 1–7, 6.

общеизвестно, что 25 сентября 2017 года глава автономного региона Курдистан организовал референдум по вопросу о государственной (правосубъектной) независимости региона. Более 90% участников референдума с территории Северного Ирака сделали волеизъявление в пользу независимости, поддержав инициаторов референдума. Подобные события, как отмечают исследователи, прогнозировались на основании одного лишь нормативного анализа положений Конституции Ирака 2005 года, в связи с чем события в Курдистане не вызвали удивления в доктрине, что весьма симптоматично²⁶⁵.

Не последнюю роль в вопросах развития иракского федерализма играет Федеральный Верховный суд Ирака, который затрагивает в своей практике вопросы развития федеративных отношений в рамках споров о компетенции между органами государственной власти федерального центра и государственными органами регионов. Однако при этом Суд как будто намеренно проявляет сдержанность в исследовании этих вопросов (*judicial restraint*). Так, исследователи отмечают, что вплоть до 2013 года Суд ни разу не высказался по существу вопросов федеративного строительства²⁶⁶.

Однако даже имеющиеся немногочисленные правовые позиции Федерального Верховного суда Ирака являются значимыми для иракской правовой системы. Так, в решении от 20 ноября 2017 года Суд дисквалифицировал приказ главы региона Курдистан № 9/6/2017 о проведении референдума в Курдистане и других регионах за пределами региона для утверждения их независимости. Суд сформулировал принцип единства и территориальной целостности государства как основополагающее конституционное начало, в связи с чем субъекты иракской федерации ни юридически, ни фактически не имеют права на подобного рода сепессию²⁶⁷.

²⁶⁵ Haccius L. The Making and Breaking of Federalism in Iraq // IFF Working Paper Online. 2018. No. 26. P. 32–33.

²⁶⁶ Jensen E.G. Introduction to the Laws of Kurdistan, Iraq Working Paper Series. Constitutional Law of Iraq. P. 12–13.

²⁶⁷ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 20 November 2017 № 89. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/89_fed_2017.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

На этом фоне звучат вполне обоснованными высокие оценки роли Федерального Верховного суда Ирака в деле федеративного строительства. По мнению ..., взаимосвязь между федерализмом в Ираке и существованием названного Суда «можно чётко проследить путём анализа полномочий [этого] суда, особенно в части контроля за конституционностью законов и толкования Конституции... [Суд] интерпретирует и разъясняет конституционные стандарты федеративной модели, в частности, распределение полномочий между федерацией и её субъектами, а также уточнение структурных особенностей федеративной системы»²⁶⁸. Далее, в решении № 9 от 2007 года Федеральный Верховный суд Ирака артикулировал, что «провинция не обладает никакими законодательными полномочиями, кроме тех, которые национальное правительство решит ей предоставить», что предсказуемо привело к укреплению принципа примата федерального законодательства над региональным²⁶⁹.

При исследовании конституционно-правового феномена иракского федерализма уместно обратиться к общественному мнению. Наибольший интерес представляют результаты мониторинга общественного мнения в самых «проблемных» и вместе с тем самостоятельных с социокультурной точки зрения регионах Ирака: Басра, Ниневия и Сулеймания. Так, не секрет, что, например, именно Сулеймания была апологетом создания автономии курдов в Ираке. Басра, в свою очередь, занимала одну из самых радикальных позиций в переходный период до принятия Конституции Ирака 2005 года о своём членстве в составе нового Ирака, указывая на необходимость предоставления ей как минимум регионалистской автономии. Наконец, Ниневия обладала этой автономией фактически, поскольку с 2014 по 2017 года она находилась под оккупацией и т. н.

²⁶⁸ Конституционная ошибка в организации деятельности Федерального Верховного суда: пробел или умолчание? // Мэйсун Таха Хуссейн. Колледж Имама Казима-Вавилон. 2 мая 2019 года. Официальный сайт Федерального Верховного суда Ирака. URL: <https://iraqfsc.iq/news.4337/> (дата обращения: 10.08.2023).

²⁶⁹ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 2 July 2007 № 9. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/9_fed_2007.pdf (дата обращения: 14.03.2023).

эффективным контролем Исламского государства Ирака и Леванта²⁷⁰. В этих провинциях недовольство политикой федерального центра возрастает буквально экспоненциально²⁷¹.

На этой почве высказываются предположения, что в Ираке сложилась такая система разделения региональных властей, как «консоциационализм», что представляет собой особую форму государственного устройства, характеризующейся крайне серьёзными внутренними тенденциями разделения по этническому, религиозному либо лингвистическому признакам, однако при этом ни один из признаков при этом не является доминирующим, преобладающим (такую же характеристику получал только федерализм Южноафриканской Республики)²⁷². Другие же исследователи описывают иракский федерализм как «*fluid federalism*»²⁷³.

В любом случае следует заключить, что для иракского конституционализма федерализм имеет крайне важное значение, поскольку Ирак является многонациональным государством, общество которого характеризуется острыми национальными и религиозными противоречиями, для разрешения которых и были предприняты попытки децентрализации государства. Основой для такой децентрализации выступает статья 125 Конституции Ирака, гарантирующая политические, культурные и образовательные права всех национальностей. Вместе с тем, как показала историко-политическая практика современного Ирака, это положение может использоваться в качестве фактора, только усугубляющего раздробленность Ирака и его народа. Так, в соответствии со статьёй 125 вновь принятой Конституции центральная власть в Багдаде, Региональное правительство Курдистана и ассирийцы вместе с другими национальными меньшинствами одновременно объявили о своих притязаниях на территории равнин Ниневии²⁷⁴.

²⁷⁰ Kane S., Joost R.H., Alkadiri R. Iraq's Federalism Quandary. P. 25.

²⁷¹ Ibid.

²⁷² Bogaards M. Iraq's Constitution of 2005: The Case Against Consociationalism «Light». P. 187.

²⁷³ Kane S., Joost R.H., Alkadiri R. Iraq's Federalism Quandary. P. 25.

²⁷⁴ Hanoosh Y. The Chaldeans. Politics and Identity in Iraq and the American Diaspora. P. 179.

Подобные факторы донельзя предсказуемо подрывают доверие исследователей к иракскому федерализму. Так, в литературе отмечается, что действующая Конституция на практике не позволяет центральной федеральной власти взимать налоги в регионах, которые выдвинули свои возражения против налоговой политики центра. Кроме того, центр не обладает исключительной компетенцией по распоряжению главным национальным богатством Ирака – нефтью, а также роспуску и запрету деятельности вооружённых формирований, лоббирующих сепаратистские интересы. В этом смысле федеральная власть Ирака, как юридически, так и на практике, возможно, является самой слабой среди центральных властей всех федеративных государств в мире²⁷⁵, а само государственное устройство Ирака даже порой характеризуется даже как конфедеративное²⁷⁶, что с точки зрения теории государства и права представляется не вполне корректным²⁷⁷.

²⁷⁵ Morrow J. Weak Viability. The Iraqi Federal State and the Constitutional Amendment Process. Special Report No. 168. P. 3–4.

²⁷⁶ Ibid.

²⁷⁷ Такое представление некорректно в свете основных теоретических представлений о суверенитете государства. Согласно классическим воззрениям, государство не просто обладает суверенитетом; в пределах одного государства может быть только один источник суверенной власти, и в государстве не может быть иных территорий, обладающих суверенитетом (на это, в частности, указывал Конституционный Суд Российской Федерации, см.: абзацы 3 и 4 пункта 2.1 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 года № 10-П // СПС «КонсультантПлюс»). Конфедеративные же образования, как известно, предполагают сохранение суверенитета за территориальными единицами, входящими в состав конфедерации. Памятуя о том, что суверенитет является имманентным признаком государства, следует заключить, что конфедеративные образования не могут считаться государствами, поскольку в них присутствует более одного источника суверенной власти.

Глава 3. Правовой статус личности в Ираке: на стыке правовых культур

Параграф 1. Права и свободы человека и гражданина в Ираке: конституционно-правовой анализ

Первоначальный анализ главы 2 Конституции Ирака позволяет выявить следующие **юридико-технические особенности** конституционно-правового режима защиты прав человека в Ираке:

1) Конституция закрепляет конкретный перечень прав человека и гражданина, что, на первый взгляд, позволяет говорить о том, что правовой режим защиты прав человека в Ираке тяготеет скорее к западноевропейскому (континентальному) конституционализму. Именно в соответствии с континентальным представлением о верховенстве права, предложенным Г. Еллинеком, права человека должны найти своё отражение в конституционном тексте *expressis verbis*²⁷⁸; для англосаксонского представления о верховенстве права, напротив, текстуальное закрепление исчерпывающего перечня конституционных прав нехарактерно, на что указывал А. Дайси²⁷⁹. Стоит при этом отметить, что перечень прав человека в Ираке, судя по всему, является *numerus clausus*, поскольку Конституция не содержит положений о защите каких-либо иных прав, помимо тех, что указаны в ней. Это подтверждается также и тем, что повышенные требования к допустимости ограничения прав предъявляются исключительно к тем правам, которые прямо закреплены в Конституции (статья 46).

Казалось бы, данная деталь является незначительной, однако она весьма характерна, поскольку Конституция Ирака 2005 года разрабатывалась под существенным влиянием англосаксонских стран, где билля о правах, как правило, не существует (например, он отсутствовал в США до принятия Билля о правах 1791

²⁷⁸ Масферрер А., Тайцлин А. Обреченный союз: конституционное закрепление прав и волевая теория от Руссо до Уолдрона : пер. А. Помазанского. Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / Сборник статей. Отв. ред.: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 178–212, 186–187. См. также позиции российских исследователей по данному вопросу, например: Баглай М.В. Конституционализм и политическая система в современной России. С. 4.

²⁷⁹ Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. P. 116.

года, его по сей день не существует в Австралии). Примечательно также, что положения Переходного административного закона 2004 года также не содержали билля о правах, ввиду чего определённое время на территории современного Ирака наблюдался своеобразный «конституционно-правовой вакуум» с точки зрения гарантирования прав и свобод человека и гражданина;

2) Конституция отдельно гарантирует права человека и его свободы. С точки зрения современной доктрины конституционализма целесообразность данного строгого разделения находится под вопросом, поскольку права и свободы обладают эквивалентным правовым эффектом. Однако если и рассуждать про различие категорий «права» и «свободы», то в качестве критерия отличия может выступить характер участия публичной власти в их удовлетворении. Так, «если «права человека» – это конкретная область деятельности индивида, которая гарантирована государством, и последнее может вмешаться в их реализацию, то «свобода человека» – это сфера или область деятельности человека, в которую государство не должно вмешиваться, здесь человек самостоятельно определяет своё поведение»²⁸⁰. Далее, в этом же контексте, по мнению К.Е. Игнатенковой, «по своей юридической природе и системе гарантий права и свободы практически идентичны»²⁸¹. Однако иракские исследователи отмечают и определённые различия между этими категориями: «в широком смысле право означает узаконенную возможность что-либо делать, осуществлять, а свобода независимость, отсутствие ограничений и стеснений. Свобода по сравнению с правами характеризуется большим «простором» для личного усмотрения индивида»²⁸²;

3) Конституция не содержит отдельного раздела про обязанности граждан и даже напрямую их практически не упоминает, что является символическим

²⁸⁰ Сафаров Д.С. Права человека и глобализация в контексте исламской правовой культуры: история и современность: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Сафаров Дилшод Сафарбекович. Душанбе, 2012. С. 11.

²⁸¹ Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Игнатенкова Ксения Евгеньевна. Саратов, 2006. С. 19.

²⁸² См. подробнее: Akkush H.M. Democracy and freedom. Baghdad: Library of Baghdad, 2013. 267 p.

отступлением от социалистической конституционно-правовой традиции (например, предыдущие конституции Ирака знали такой раздел, как и конституционные акты Союза ССР). Единственными обязанностями иракских граждан Конституция Ирака называет защиту государственного имущества (статья 27), получение начального общего образования (статья 34) и обязанность лиц, замещающих государственные должности, отказаться от иностранного подданства или гражданства (часть 4 статьи 18);

4) наряду с этим Конституция уделяет особое внимание обязанностям государства. С точки зрения банальной теории права в этом нет ничего необычного, поскольку в конституционно-правовых отношениях, общерегулятивных по своей природе, правам каждого человека и гражданина неизменно корреспондирует обязанность государства по их охране и защите. Однако конституционный законодатель Ирака принял решение это артикулировать напрямую в тексте Конституции, называя среди обязанностей государств, в частности, проведение экономической реформы в целях приведения экономики Ирака к современным мировым стандартам (статья 25). В целом, обращаясь к конституционному тексту, нетрудно заметить, что большинство норм содержат оговорку в виде условия или гарантии со стороны государства. Так, в соответствии со статьёй 16: «Всем иракцам гарантировано право равных возможностей, и государство обязано предпринимать необходимые меры для его реализации». Согласно статье 17 «каждый имеет право на частную жизнь, если это не нарушает права других людей или общественную мораль»;

5) помимо прав и свобод, закреплённых в Конституции Ирака, находят своё отражение и принципы защиты прав, среди которых принцип равенства (статьи 14 и 16, притом что статья 16 обладает *prima facie* неопределённым нормативным содержанием, провозглашая «равенство возможностей» для всех) и принцип пропорциональности, устанавливающий тест на допустимость ограничение прав (статья 46). К слову, в этом контексте Ирак снова тяготеет к континентальному – западноевропейскому режиму защиты прав. Как известно, принцип пропорциональности получил своё основное распространение в европейских

странах, в то время как для англосаксонских юрисдикций более характерен принцип балансировки прав и свобод²⁸³.

Изложение билля о правах предваряет закрепление в Конституции принципа равенства иракцев перед законом (статья 14). В связи с этим далее предлагается рассмотреть теоретические и практические проблемы реализации данного конституционного принципа в Ирак, который получил в правовой системе Ирака поистине уникальное прочтение.

Проблемы конституционного принципа равенства всех перед законом. Проблема «сакрализации» института гражданства Ирака. В отличие от конституций большинства классических правовых государств, Конституция Ирака гарантирует равенство не «всех», а лишь «иракцев». С одной стороны, как следует из части 2 статьи 18 Конституции Ирака, «иракцем является любое лицо, которое родилось от иракских отца или матери», в связи с чем совершенно необязательно, чтобы Конституция в этой части гарантировала равенство прав только гражданам Ирака. С другой стороны, правоотношения, вытекающие из гражданства, регулируются законом.

Закон Республики Ирак № 26 от 2006 года «О гражданстве» устанавливает, что мужчинам и женщинам предоставлены равные права по передаче иракского гражданства своим детям. На первый взгляд, данное положение согласуется с нормами Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года и корреспондирует им.

Вместе с тем рамках одного из дел Федеральный Верховный суд Ирака рассматривал вопрос конституционности регулирования, которое позволяло отказывать в выдаче пролонгированного паспорта лицам, совершившим отдельные преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Суд охарактеризовал Конституцию Ирака 2005 года как «социальный, экономический и политический договор между конкретным народом и его правителями», который закрепляет права и обязанности двух сторон. Суд признал, что Конституция

²⁸³ Шлинк Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 56–76, 56–57.

действительно проводит различие между гражданами Ирака и иностранными гражданами, и, как отмечает Суд, «естественно, что большая часть конституционных прав принадлежит гражданам страны, в которой действует данная конституция, в том числе принцип равенства» (выделено мной – Али Джихад А.Р.), поскольку этот принцип не предполагает равенства иностранцев с гражданами – обладателями иракского гражданства, которое можно определить как правоотношение, основанное на первоначальной связи и реальной солидарности в средствах к существованию, интересах и чувствах. Это, отметил суд, относится к Конституции Ирака, в которой нет никаких обязательств государства по отношению к гражданам других стран, в том числе в контексте социальных прав²⁸⁴.

В этом контексте отношения гражданства стали в известном смысле «сакральными» для иракского конституционного строя, в результате чего отсутствие гражданства становится легитимным основанием для ограничения или даже лишения ряда конституционных прав. Более того, с подачи Федерального Верховного суда Ирака неграждане *de facto* выведены из сферы действия одного из фундаментальных конституционных принципов, свойственных любой подлинно конституционной юрисдикции – принципа равенства. С одной стороны, подобный подход Федерального Верховного суда Ирака трудно разумно оправдать.

С другой стороны, не менее очевидно, что в каждой правовой системе существуют концепты и ценности, которым придаётся особая конституционная охрана. При этом значение таких ценностей становится настолько высоким, что с течением времени они начинают приобретать характер духовно-нравственных и, если угодно, сакральных, что проявляется и в конституционно-контрольной практике. В США такой ценностью является, например, свобода слова, которая с лёгкой руки Верховного суда США способна оправдать надругательство над

²⁸⁴ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 1 March 2023 № 3. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/3_fed_2023.pdf (дата обращения: 01.04.2024).

государственными символами страны²⁸⁵ и даже публичные мероприятия неонацистов в еврейских населённых пунктах²⁸⁶. В Эквадоре такой ценностью стала Пачамама – олицетворение одухотворённой природы, в связи с чем Конституция Эквадора гарантирует права не только человеку и гражданину, но и природе как таковой, в частности, закрепляет её право на восстановление (статьи 72 и 73)²⁸⁷.

Одной из такой ценностей традиционно выступает гражданство как устойчивая политико-правовая связь лица с государством. Примечательно, что тенденция на т. н. «сакрализацию» гражданства и придание гражданству совершенно особого юридического значения, которое уже выходит за рамки права и приобретает духовно-нравственные смыслы, присуща не только Ираку, но и Российской Федерации. Так, российская конституционная юстиция последовательно исходит из обоснованности и конституционной оправданности ограничения политических прав иностранцев, руководствуясь стремлением оградить российскую политическую систему от зарубежного влияния. Конституционный Суд России указывает, что волеизъявление иностранных граждан может обуславливаться «требованиями, вытекающими из принадлежности к иностранному государству»²⁸⁸, что создаёт предпосылки для отступления от принципа суверенитета при осуществлении ими политической деятельности.

²⁸⁵ United States Supreme Court. 21 June 1989. Texas v. Johnson. 491 U.S. 397 // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/397/> (дата обращения: 30.03.2023).

²⁸⁶ United States Supreme Court. 14 June 1977. National Socialist Party of America v. Village Skokie. 432 U.S. 43 // Justia U.S. Supreme Court Center. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/432/43/> (дата обращения: 29.03.2023); United States Supreme Court. 22 May 1978. Collin v. Smith. 4-F. Supp. 676 // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/578/1197/448646/> (дата обращения: 29.03.2023).

²⁸⁷ Constitution of the Republic of Ecuador 2008 // Constituteproject.org. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2021?lang=en (дата обращения: 08.01.2024).

²⁸⁸ Абзац 2 пункта 2.2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 года № 797-О-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 52. Ст. 6533.

Вероятно, именно поэтому российский конституционный законодатель, формируя конституционные положения, и Конституционный Суд России, интерпретируя их, в течение многих лет последовательно ограничивает иностранное участие в российской общественно-политической жизни. Так, с целью защиты суверенитета российское конституционное регулирование устанавливает запрет на замещение ключевых государственных должностей лицами, обладающими зарубежным гражданством (часть 3 статьи 77, часть 5 статьи 78, часть 2 статьи 81, часть 4 статьи 110 Конституции РФ), а Конституционный Суд РФ признавал допустимыми ограничения их пассивного избирательного права²⁸⁹, возможности распространения информации²⁹⁰ и участия в деятельности избирательных комиссий²⁹¹.

Логичным развитием данной тенденции стало Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-З, в котором российское гражданство было определено как политико-юридическое выражение ценности связи с Отечеством²⁹², которое символизирует «правовую и эмоциональную (духовно-культурную) связь с Российским государством»²⁹³. С учётом предшествующей крайне репрезентативной практики Конституционного Суда РФ можно утверждать, что в приведённой правовой позиции гражданство окончательно приобрело статус духовно-нравственной ценности в правовой системе России. В свою очередь, гражданство стало неременным условием для влияния на внутреннюю и внешнюю политику в России, поскольку иное, по-видимому, с точки зрения российского органа конституционного контроля создавало бы риск подрыва государственного суверенитета.

²⁸⁹ Абзац 2 пункта 2.2 Определения Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 года № 797-О-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 52. Ст. 6533.

²⁹⁰ Абзац 5 пункта 3 мотив. части Постановления Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 года № 4-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 4. Ст. 359.

²⁹¹ Абзац 2 пункта 2 мотив. части Определения Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 2500-О // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹² Абзац 8 пункта 6.1 мотив. части Заключения Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-З // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

²⁹³ Там же. Абзац 15 пункта 6.1 мотив. части.

Возвращаясь к Ираку, похожее отношение к гражданству наблюдается и здесь, что находит своё отражение, как уже отмечалось, в специфическом толковании принципа равенства Федеральным Верховным судом Ирака. С одной стороны, принцип равенства довольно часто фигурирует в конституционно-контрольном дискурсе Ирака и даже имеет социальное измерение. Так, Суд указывает, что принцип равенства понимается им как равенство возможностей для всех иракцев, в частности, возможностей по приобретению материальных социальных благ, например, достойного жилья²⁹⁴. Примечательно, что Федеральный Верховный суд Ирака при этом не делает оговорку о гражданстве лиц, претендующих на получение таких социальных благ. С другой стороны, в уже упоминавшемся решении от 2 марта 2023 года Суд подошёл к толкованию принципа равенства по признаку гражданства куда более ограничительно. Ещё более примечателен тот факт, что Федеральный Верховный суд Ирака выразил столь радикальную правовую позицию применительно даже не к политическим правам иностранцев, в отношении которых действует объективно пониженный стандарт допустимости ограничений, а применительно к социальным правам, которые обычно таким ограничениям не подвергаются.

В этом смысле наблюдается схожесть российской и иракской правовой систем с точки зрения их отношения к гражданству лиц, находящихся под их юрисдикцией. Если в России данный подход является цементированным, последовательно отстаивается Конституционным Судом Российской Федерации и аргументируется, то в Ираке данный подход, по-видимому, только начинает формироваться как правовая доктрина, которая, однако, остро нуждается в исчерпывающей юридической аргументации.

Вместе с тем нельзя не отметить, что сегодня Ирак принимает решительные меры по предотвращению дискриминации в стране и обеспечению равенства всех перед законом. Также государством предпринимаются попытки в борьбе с гендерной дискриминацией в политической и трудовой сферах. Статья 47

²⁹⁴ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 28 February 2023 № 8. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/8_fed_2023.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

Конституции Ирака закрепляет, что законом о выборах для женщин-депутатов в Совете Представителей устанавливается квота, составляющая не менее четверти общего числа депутатов нижней палаты. В свою очередь, Закон № 45 от 2013 года «О выборах» предусматривает, что одним из первых трех кандидатов в избирательном списке обязательно должна быть женщина. Таким образом, присутствие женщин в политической деятельности в Ираке обеспечено с помощью такого механизма, как квотирование. Эти законодательные усилия, безусловно, заслуживают внимания и достаточно высокой оценки.

Общие положения о правах человека в Ираке. Классификация прав и свобод человека и гражданина закреплена в Конституции Республики Ирак и представлена следующим образом:

- 1) гражданские и политические права (статьи 14-21);
- 2) экономические, социальные и культурные права (статьи 22-34);
- 3) свободы (статьи 35-44).

Перечень гражданских прав, согласно Конституции, включает в себя равенство без дискриминации (статья 14), право на жизнь, безопасность и свободу (статья 15), право на равенство возможностей (статья 16), право на личную тайну и неприкосновенность жилища (статья 17), право на гражданство (статья 18), право на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство (статья 19).

Личные и политические права. Рассматривая содержание конституционного права на судебную защиту, необходимо отметить, что ранее статья 19 Конституции входила в противоречие со статьёй 3 Закона Республики Ирак № 17 от 2005 года «Об устранении правовых ограничений на судебную защиту», которым из области судебного контроля были исключены вопросы об образовании, налогах, пенсиях. Но впоследствии действие статьи 3 Закона № 17 от 2005 года было отменено Законом № 3 от 2015 года, что гарантировало судебную защиту лиц, обращающихся в суды для разрешения споров, возникающих в сфере образования, налогов и пенсий.

Как отмечает в своей работе М. Рады, «любое законодательство, противоречащее текстам конституции, касающееся прав и свобод, должно быть

отменено»²⁹⁵. В этом смысле в настоящее время Ирак стоит на пути к построению правового государства, обязанностью которого является обеспечение реально действующего механизма реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина. Как отмечает У.Х. Рашид, «для этого правительством должны быть приняты меры, чтобы перевести концепцию, закрепленную в конституции в реальность»²⁹⁶.

В периодическом докладе Ирака, представленном в Организации Объединенных Наций в 2011 году отмечено, что «Республика Ирак привержена принципам прав человека, которые закреплены в ее Конституции и на международном уровне. Страна прилагает все необходимые усилия для осуществления правовых и институциональных инициатив, направленных на формирование уважительного отношения к правам человека и нетерпимости ко всем формам дискриминации». Конституция Ирака определяет в своей статье 1, что «Республика Ирак – независимое суверенное государство, системой правления которого является демократическая, федеративная, парламентская республика».

Особенности гарантирования отдельных социально-экономических прав. К социально-экономическим правам, согласно Конституции Ирака, относятся такие права, как: право на труд и право на участие в профсоюзах (ст. 22), право на частную собственность (ст. 23), право на осуществление предпринимательской деятельности (ст. 25), право на минимальную заработную плату (ст. 28), защита материнства, детства и старости, забота о детях и молодежи (ст. 29), право на социальное обеспечение и здравоохранение (ст. ст. 30, 31, 32), право на чистую окружающую среду (ст. 33), право на образование (ст. 34).

Трудовые права. В части реализации трудовых прав мужчины и женщины равны во всех ее сферах. Исходя из норм Трудового кодекса 2015 года, равенство прав обеспечивается в вопросах трудоустройства, оплаты труда,

²⁹⁵ См. подробнее: Rada M. The guarantees of observance of the constitutional bases in Iraq / Rada M. Denmark: Arab Academy, 2005. 435 p.

²⁹⁶ Rashid U.H. Constitutional guarantees of rights and freedoms in the Iraqi Constitution of 2005 // Bulletin of the University of Babylon. 2013. No. 3. P. 647–663.

профессиональной подготовки и продвижения по службе. Однако, в настоящее время, реального механизма защиты прав женщин в Ираке практически не существует, в связи с несовершенством законодательной базы и отсутствием системы органов, обеспечивающих реализацию прав женщинами, проведение политики и осуществление контроля в этой области. В связи с этим, на федеральном уровне необходимо принятие отдельного закона, который бы дал определение термину «дискриминация», закрепил гарантии гендерного равенства в различных областях общественной жизни, определил органы, осуществляющие мониторинг и политику в области обеспечения равных прав женщин и мужчин, и органы, контролирующие исполнение норм, закреплённых в законе.

В соответствии со статьёй 22 Конституции Республики Ирак, «все иракцы имеют право на труд, гарантирующий им достойный уровень жизни». Часть 2 этой же статьи предусматривает, что «трудовые отношения регулируются законом на экономической основе с учетом принципов социальной справедливости». В связи с этим, Конституция Ирака, Закон № 37 от 2015 года (Трудовой кодекс) и Закон № 24 от 1960 года «О государственной гражданской службе» в своих нормах содержат гарантии равных условий и равных возможностей для реализации права на труд каждого трудоспособного гражданина независимо от пола, расы, языка или религии. Кроме того, особо охраняемыми являются трудовые права женщин, статья 85 Закона № 37 от 2015 года (Трудового кодекса) устанавливает запрет на «наем на работу в тяжелых или вредных условиях и в ночное время (за исключением административной работы и работы в сфере здравоохранения и организации досуга). Эта же статья определяет, что беременные женщины не могут привлекаться на сверхурочные работы.

Социальные права. Согласно статье 30 Конституции, «государство гарантирует как отдельным лицам, так и семьям, особенно женщинам и детям, социальное и медицинское страхование, базовые услуги, необходимые для свободной и достойной жизни, в дополнение к адекватному уровню доходов и достойному жилищу». В пункте 2 данной статьи закреплено: «Государство гарантирует иракцам социальное и медицинское обеспечение в случае старости,

болезни, нетрудоспособности, бездомности, сиротства или безработицы. Государство обеспечивает их жилищем и специально разработанными программами реабилитации. Эти права регулируются законом».

Правовое регулирование социального и пенсионного обеспечения в Ираке осуществляется несколькими законами: Законом № 126 от 1980 года «О социальном обеспечении» предусматривающим предоставление социальной защиты для малообеспеченных слоев населения, лиц, не имеющих доходов, инвалидов; Законом № 39 от 1971 года «О пенсиях и социальном обеспечении», устанавливающим социальные гарантии лицам, занятым в частном секторе; Законом № 14 от 2014 года «О пенсиях», в область регулирования которого входят вопросы предоставления пенсионных выплат государственным служащим.

Право на образование. Касаясь рассмотрения права на образование, нельзя не отметить, что оно является одним из важнейших социокультурных прав человека²⁹⁷. Образование является основополагающим фактором в развитии общества и правом, гарантированным государством²⁹⁸. В соответствии со статьей 34 Конституции «иракцы имеют право на бесплатное образование на всех его стадиях».

Отдельное внимание государство уделяет вопросам обеспечения конституционного права на образование лиц с особыми образовательными потребностями (инвалиды, лица с ограниченными возможностями здоровья). В этих целях был принят Закон № 38 от 2013 года «Об уходе за инвалидами и лицами с особыми потребностями», который предусматривает предоставление специальных технических средств, подготовку педагогического персонала, разработку образовательных программ, адаптированных под нужды данной категории обучающихся. Согласно интервью, проведённому с директором

²⁹⁷ См. подробнее: Деманова С.В. Конституционное право на получение бесплатного высшего образования в Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Деманова Светлана Владимировна. Саратов, 2012. 184 с.

²⁹⁸ Дубессан Р.Х., Аль Мухамед Гани Зкаер Атия. Основы конституционного строя Ирака // Конституционные чтения: сб. науч. трудов. Вып. 5: Актуальные проблемы конституционного права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. С. 10–15.

департамента по охране детства в Министерстве труда и социальных вопросов Ирака Абиром Махди Аль-Чалаби, в Багдаде существует 17 образовательных учреждений, рассчитанных на обучение лиц с психическими расстройствами, 11 – в остальных провинциях. Эти учреждения предоставляют образовательные, медицинские, социальные, транспортные услуги лицам с особыми образовательными потребностями бесплатно²⁹⁹.

В целом можно отметить, что социально-экономические права представлены достаточно развернуто и соответствуют стандартам закрепления таких прав в конституционных актах современных государств. Культурные права не получили своего закрепления в тексте Конституции Республики Ирак, хотя они заявлены в структуре части 2 «Экономические, социальные и культурные права» главы 1 раздела 2 Конституции. Несмотря на отсутствие норм, регулирующих данную группу прав в тексте Конституции, Министерством культуры предпринимаются меры, направленные на преодоление и устранение барьеров, препятствующих различным категориям граждан (пожилым людям, инвалидам и сиротам) принимать участие в культурной жизни. Также Министерство культуры способствует вовлечению детей в мероприятия в сфере культуры и искусства посредством распространения различных изданий, в том числе книг и журналов. Для них также организованы занятия в области искусства и культуры, компьютерные классы и экскурсии по различным туристическим и историческим местам.

* * *

Проведя анализ конституционных норм, можно заключить, что права и свободы, содержащиеся в Конституции, принадлежат не только гражданам Ирака, но и лицам, находящимся на его территории³⁰⁰. Конституция Республики Ирак регулирует правовой статус человека и гражданина, применяя при наделении

²⁹⁹ Al-Jaafari I., Al-Rikabi J. Iraq and Democracy: An Interview with Ibrahim Al-Jaafari // St Antony's International Review. 2007. No. 2. P. 103–110.

³⁰⁰ Nader L. Iraq and Democracy // Anthropological Quarterly. 2003. Vol. 76. No. 3. P. 479–483.

правами разных категорий лиц, следующие выражения: «каждый имеет право...», «никто не может быть задержан...» и т.д. Таким образом, в тексте Конституции Республики Ирак установлены социально-экономические, гражданские, политические права, культурные права заявлены, но не получили своего отражения. Анализ норм Конституции и федеральных законов показал, что часть норм, закрепленных в законодательстве, остаются декларативными и в должной степени неурегулированными, в связи с чем, является обоснованным принятие ряда законодательных решений, а также дальнейшее проведение государственной политики, направленной на обеспечение и реализацию прав граждан³⁰¹. В частности, предлагается разработать и принять на федеральном уровне специальный закон, который закрепил бы гарантии равенства мужчин и женщин во всех областях общественной жизни; «внедрить» информационные технологии в судебный процесс, посредством внесения соответствующих норм в действующие законы, регулирующие деятельность судебных органов, обеспечить техническое, организационное и финансовое обеспечение судебной системы в целом; включить во второй раздел первой главы Конституции Ирака нормы, закрепляющие культурные права в целях их обеспечения и реализации гражданами, а также защиты со стороны уполномоченных органов³⁰².

Параграф 2. Влияние норм шариата на правовой статус человека и гражданина в Ираке и правозащитный дискурс

Изучая феномен иракского конституционализма и правовой режим защиты прав человека в Ираке, нельзя абстрагироваться от того, что Ирак традиционно относится к исламским арабским государствам. Такое суждение допустимо не только потому, что Ирак является членом Организации исламского сотрудничества. Конституция Ирака 2005 года, как и конституции большинства стран на этом пространстве, не является светской и в статье 2 закрепляет ислам в

³⁰¹ Al-Jaafari I., Al-Rikabi J. Iraq and Democracy: An Interview with Ibrahim Al-Jaafari. P. 103–110.

³⁰² См. подробнее: Al-Shadeedi H., Van Veen E. Iraq's adolescent democracy: Where to go from here // Hauge: Clingendael Institute, 2020. 50 p.

качестве государственной религии. Это, однако, не отменяет клаузул о свободе вероисповедания и запрете дискриминации по религиозному признаку. В связи с этим в литературе выдвигаются даже мнения, согласно которым с точки зрения Конституции и закона норма о государственной религии не имеет юридической силы, поскольку характеристика государства как исламской страны не порождает конкретных обязанностей или прав³⁰³.

Конечно, было бы неразумно по этой причине отрицать влияние исламского права на нормы ныне действующей Конституции Ирака. Как известно, ислам (как правило, суннитского толка) является неотъемлемой частью социокультурной идентичности народов, населяющих территории современного Ирака (за исключением большинства ассирийцев), и в разработке действующей Конституции принимали участие представители всех религиозных сил страны.

Между тем в тематической конституционно-правовой доктрине единодушно признается, что влияние ислама на текст Конституции Ирака и на современную иракскую правовую систему является не таким значительным, как это имеет место в Иране, Саудовской Аравии, ряде стран Персидского залива или ряде африканских стран с мусульманским населением. Прежде всего, это наглядно иллюстрируют поистине загадочные формулировки статьи 2 Конституции Ирака 2005 года, согласно которым ислам является главным источником законодательства в Ираке. Как отмечается в литературе, толкование данной конституционной нормы позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, в основу законодательства Ирака по смыслу статьи 2 Конституции 2005 года положен не ислам как религия, а исламское право как особая правовая система³⁰⁴. С одной стороны, это является свидетельством существенного ограничения влияния ислама на конституционный текст. Об этом говорят и результаты грамматического толкования статьи 2 Конституции: норма

³⁰³ Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. P. 38.

³⁰⁴ Rabb I.A. "We The Jurists". Islamic Constitutionalism in Iraq // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2008. Vol. 10. No. 3. P. 527–579, 537.

оперирует словосочетанием «источник законодательства», но не «источник права». С другой стороны, такой подход к позиционированию ислама в правовой системе Ирака может быть оправдан тем, что Конституция Ирака закрепляет довольно бескомпромиссную клаузулу о свободе вероисповедания, которая содержится в разделе об основополагающих принципах конституционного строя (статья 2, часть 2), а также предоставляет защиту религиозным сектам и культам (статья 43).

Кроме того, в подтверждение этой точки зрения приводится аргумент о том, что ислам как религия является синкретическим понятием, вбирающим в себя противоречащие течения и учения, и при малейших сложностях в толковании, с которыми рискует столкнуться правоприменитель, принцип правовой определенности может ощутимо пострадать. С этой точки зрения ислам как религия (а не система права) является слишком широким и неопределенным понятием, чтобы служить источником законодательства, и, имея в виду конституционную гарантию свободы вероисповедания, едва ли планировалось позиционировать в качестве источников законодательства основные постулаты религии ислама³⁰⁵.

Во-вторых, Конституция Ирака 2005 года не устанавливает примат шариата, столь привычный для ряда других арабских стран³⁰⁶. Это подтверждает, опять же, грамматическое толкование англоязычного конституционного текста. Так, исследователи полагают, что если термин «*source*» используется с неопределенным артиклем («*a source*»), как в действующей иракской конституции, то положение об исламе как источнике законодательства (или даже права) понимается более широко, то есть как позволяющее принимать законы и иные нормативные акты, которые напрямую не основываются на шариате. Если же указанный термин используется с определенным артиклем («*the source*»), то, напротив, принятие таких актов не допускается³⁰⁷.

³⁰⁵ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. P. 147.

³⁰⁶ Ibid. P. 107–108.

³⁰⁷ Ibid. P. 143–144.

Другие исследователи если и соглашаются с таким подходом к толкованию статьи 2 Конституции Ирака, то тут же обращают внимание на внутреннюю противоречивость конституционных норм. Противоречие это возникает постольку, поскольку в первом разделе ислам приравнивается к другим источникам законодательства, в то время как во втором разделе говорится, что положения ислама не должны нарушаться при принятии законов (что предполагает повышенную юридическую силу положений ислама)³⁰⁸.

С практической точки зрения это, скорее всего, означает, что нормы шариата могут и должны применяться в конкретных юридических делах, однако, имея в виду наличие явного конституционного ограничения на применимость ислама, шариат подлежит применению в отсутствие нормы позитивного права, подлежащей применению. Иными словами, нормы шариата в Ираке могут применяться по аналогии права, то есть в качестве основополагающего принципа, которым надлежит руководствоваться в случае пробела или квалифицированного умолчания Конституции или законодательства. Так, Гражданский кодекс Ирака 1951 года прямо предусматривает такое положение, а глоссаторы добавляют, что если судьи и применяют исламское право, то они должны применять его без привязки к какой-либо конкретной школе развития ислама³⁰⁹.

Вместе с тем уникальное взаимодействие основ исламского права и демократии в иракской конституционно-правовой плоскости вполне ожидаемо привело к некоторым трансформациям в правовом статусе личности в Ираке, которые произошли, главным образом, в контексте конкретных прав и свобод. Что же касается общерегулятивного уровня, то влияние шариата на него оказалось

³⁰⁸ Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. P. 39.

³⁰⁹ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. P. 151. Нельзя не отметить, что подобные нормы создают реальные риски создания ситуаций правовой неопределенности. Так, доктор Йельского университета И. Рабб справедливо замечает, что «Конституция Ирака, придавая юридическую силу исламскому праву, не наделяет юристов и даже исламские суды полномочиями по его толкованию». См.: Rabb I.A. "We The Jurists". Islamic Constitutionalism in Iraq. P. 551.

минимальным, что, впрочем, не отменяет необходимости рассмотрения особенностей, присущих только иракской правовой системе.

Говоря об *общерегулятивном уровне*, стоит отметить наиболее яркие особенности традиции ограничения прав и свобод в Ираке, помимо уже артикулированного отсутствия оснований ограничения прав, вытекающих прямо или косвенно из шариата. Так, исследователи отмечают отсутствие в действующей конституции Ирака генеральной конституционной оговорки об ограничении прав, которая в большинстве конституций мира закрепляет либо тест на пропорциональность ограничения прав (присущ странам с континентальной правовой системой), либо тест на балансировку конкурирующих прав и защищаемых законом ценностей (присущ странам общего права).

Действительно, статья 38 Конституции Ирака прямо предусматривает некоторые легитимные цели ограничения прав, такие как защита общественной нравственности и публичного порядка. Вместе с тем формулировка, закрепленная в данной статье, является спорной, поскольку она предлагает органам власти ограничивать свободу выражения мнений, руководствуясь двумя крайне субъективными ценностями, которые в конституционном тексте не раскрыты³¹⁰.

Не удовлетворяет исследователей и тест, предлагаемый статьей 46 Конституции Ирака, который, кстати, закрепляет хорошо известную российскому праву концепцию недопустимости посягательства на саму сущность ограничиваемого права. В литературе указывается, в частности, что статья 46 настолько несовершенна, что Федеральный Верховный суд Ирака практически никогда не обращался к ней в своей практике, и она *de facto* не оказывает нормативного воздействия на защиту конституционных прав в Ираке³¹¹.

Наконец, бросается в глаза и отсутствие требований к форме нормативного правового акта, которым допускается ограничение конституционных прав граждан Ирака. Из этого следует, что и без того неопределенным конституционным

³¹⁰ Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. P. 50.

³¹¹ Ibid. P. 52.

требованиям будет отвечать ограничение прав, предусмотренное подзаконным актом любого, в том числе низшего уровня. Перечисленные обстоятельства вынуждают констатировать, что культуре ограничения прав и свобод человека и гражданина в Ираке лишь предстоит сформироваться и окрепнуть.

Влияние шариата на конституционный режим защиты прав и свобод более очевидно на *уровне отдельных прав*. Прежде всего, ограниченное Конституцией 2005 года влияние исламского права и расширение положений о статусе личности привели к укреплению правовых гарантий женщин. Например, положение, позволяющее женщине передавать свое иракское гражданство своему ребенку, является необычным в регионе, и, судя по всему, иракские женщины были довольны этим положением³¹². Другой нехарактерной для исламских стран гарантией стало закрепление на конституционном уровне минимально необходимого порога участия женщин в деятельности законодательной власти: как следует из части 4 статьи 49 Конституции Ирака, не менее одной четверти от численности депутатов Совета Представителей должны составлять женщины.

Обратная сторона этой медали заключается в том, что Ирак, как и подавляющее большинство исламских стран, несмотря на собственные конституционные положения, занял довольно ортодоксальные религиозные позиции при ратификации международных договоров в области защиты прав человека. Так, обращает на себя внимание тот факт, что Ирак, присоединяясь к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, допустил оговорки о неприменимости к нему ряда фундаментальных положений Конвенции, которые, в частности, касаются обязательства государств изменить или отменить законы, обычаи и практику, дискриминирующих женщин, в том числе соответствующие уголовные законы (пункты «f» и «g» статьи 2 Конвенции). Примечательно, что оговорки эти мотивированы не были³¹³, что в

³¹² Deeks A., Burton M. Iraq's Constitution: A Drafting History // Cornell International Law Journal. 2007. Vol. 40. No. 1. P. 2–87, 44–45.

³¹³ McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. P. 174–175. Стоит отметить, что, по оценке исследователей, имплементация норм международных договоров Ирака в его правовую систему осуществляется в соответствии с положениями Венской

целом ставит под сомнение их правомерность по международному праву, в соответствии с которым оговорки к международному договору не могут посягать на его объект и цели³¹⁴.

Другим уязвимым элементом правозащитной системы иракского государства традиционно остаётся защита прав национальных и религиозных меньшинств. Текстуальный анализ Конституции Ирака 2005 года показывает, что меньшинства в принципе снабжены базовыми конституционными гарантиями – иного было бы неразумно ожидать от конституции, призванной способствовать восстановлению иракской государственности после иностранной оккупации и объединению иракских народов). С другой стороны, отсутствие специального закона, устанавливающего порядок реализации административных, политических, культурных и образовательных прав меньшинств, поставило их в уязвимое положение внутри страны³¹⁵. Конечно, в этом контексте влияние норм шариата на защиту конституционных прав также прослеживается.

Далее, наиболее глубоко нормы шариата проникают в сферу брачно-семейных отношений, что не могло не сказаться на конституционно-правовом регулировании в Ираке и, в частности, на регламентацию права на вступление в брак, которое хотя прямо и не закреплено в Конституции Ирака (что неслучайно, о чём речь пойдёт далее), имеет конституционный характер. Дело в том, что институт семьи находится под особой охраной иракского государства, о чём говорит, например, хотя бы тот факт, что семья упоминается сразу в двух статьях второй главы Конституции Ирака (статьи 29 и 30). Согласно статье 29 Конституции Ирака семья является основой общества; государство обязано сохранять ее и ее

конвенции о праве международных договоров 1969 года, представляющей собой фактически свод международно-обычных норм. См. подробнее: Deeks A., Burton M. Iraq's Constitution: A Drafting History. P. 34.

³¹⁴ См., например: The European Court of Human Rights. *Belilos v. Switzerland*. Judgment of 29 April 1988. Application no. 10328/83. § 52-59 // HUDOC. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-57434%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57434%22]}) (дата обращения: 18.01.2024).

³¹⁵ Kawa A. Sh., Yassenb A.O., Kokhac A.Y.H. Minorities in Iraqi Constitution: A Critical Analysis of the Legal Discourse // *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education*. 2021. Vol. 12. P. 286–290, 288.

религиозные, нравственные и национальные ценности. Иракское государство обязалось гарантировать защиту материнства, детства и старости, заботиться о детях и молодежи и создавать им надлежащие условия для развития их талантов и способностей. Кроме того, государство гарантировало семьям социальную безопасность и охрану здоровья (статья 30).

Однако источником гарантирования права на семью и вступление в брак на территории Ирака является не только Конституция, но и международные договоры Ирака, такие как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (присоединение Ирака произошло 13 августа 1986 года), Международный пакт о гражданских и политических правах (подписание Ираком произошло 18 февраля 1969 года, а ратификация – 25 января 1971 года)³¹⁶ и ставшие общепризнанными нормами международного права положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года³¹⁷.

Несмотря на явное стремление к соблюдению стандартов прав человека, практика применения Конституции Ирака 2005 года остается объектом внимания международного сообщества и доктринальных дебатов. Согласно отчёту о практиках реализации прав человека в Ираке за 2022 год, в Ираке наблюдаются серьёзные нарушения сразу ряда прав, гарантированных национальной конституцией:

- права на справедливое судебное разбирательство;
- права собственности;
- запрета пыток и бесчеловечного обращения;
- свободы выражения мнений и свободы собраний;
- свободы журналистской деятельности;

³¹⁶ Статус ратификации международных договоров по стране или договору: Ирак // Официальный сайт Базы данных договорных органов Организации Объединенных Наций. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Treaty.aspx?Lang=ru (дата обращения: 16.11.2023).

³¹⁷ Альтернативную точку зрения на то, чем именно в объективном смысле является Всеобщая декларация прав человека 1948 года с позиций международного права, см., например: Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4 (125). С. 100–107.

- свободы религии;
- свободы передвижения и иных прав и свобод человека³¹⁸.

Примечательно, что источники таких нарушений можно проследить вплоть до самой Конституции, которая, даже рассуждая *in abstracto*, не в полной мере предоставляет защиту базовой гуманитарной ценности – праву на вступление в брак (праву создания семьи).

Так, право вступления в брачные отношения в Конституции Ирака 2005 года попросту отсутствует, равно как и в ряде документов, предшествовавших принятию современной Конституции. Единственным субстантивным упоминанием семьи в Конституции является часть 1 статьи 29, в которой указано, что «семья есть основа общества».

В то же время отсутствие самой концепции права вступления в брак как юридической возможности выбирать партнера для брачных отношений, инициировать их по взаимному полному и личному согласию было бы невозможным – она, бесспорно, существует, однако вынесена за пределы конституционного текста в отдельный Закон о статусе лиц 1959 года (*далее в настоящем параграфе* – Закон, Закон о статусе лиц). Нормы Главы 1 Закона регулируют порядок и условия вступления в брак, однако, как отмечают в доктрине, во-первых, сформулированы крайне ограничительно в сопоставлении с международным опытом, а, во-вторых, обращены во многом к мужчине, чем к женщине³¹⁹. Подтверждения доктринальным наблюдениям усматриваются в конкретных нормах цитируемого Закона:

- ч. 1 ст. 3 и ст. 12 Закона, где право вступления в брак ограничено вопросами «допустимости» такого союза;
- ч. 4 ст. 3, допускающая при определенных условиях мужу иметь вторую жену без учета мнения первой и только под условием наличия между женами

³¹⁸ Country Reports on Human Rights Practices: Iraq. Report from 2022 // Официальный сайт Государственного департамента США. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/iraq/> (дата обращения: 09.01.2024).

³¹⁹ См. подробнее: Efrati N. Negotiating Rights in Iraq: Women and the Personal Status // Middle East Journal. 2005. Vol. 59. No. 4. P. 577–595.

«справедливости» (предположительно, в распределении финансового бремени мужа, как следует из оснований допустимости полигамии);

- само юридико-техническое разделение терминов «лицо» (как субъект, то есть главный адресат Закона, под которым понимается мужчина) и «жена» («женщина») (как, скорее, «объект» права), прямо артикулированное в ч. 6 ст. 3 Закона и используемое повсеместно. Последнему юридические правомочия действовать определенным образом если и предоставляются Законом, то в крайне небольшой сфере интересов, несопоставимой с аналогичной мужчины;
- ч. 5 Закона, допускающая заключение брака и его действительность при условии, если оно заключено «от имени стороны» (отсутствие обязанности получения личного и полного согласия женщины на вступление в брак), что в системе с положениями ст. 82 Закона допускает совершение брака «отцом или дедом»;
- ст. 17, которая запрещает женщине-мусульманке выходить за муж за мужчину, не принадлежащей к его религии³²⁰.

Совокупность приведенных юридических компонентов права на вступление брак в законодательстве Ирака обнаруживает колоссальное неравенство мужчины и женщины в таком партнёрстве. Причём, если конституционно-ценностные особенности, религиозный и национальный подтекст могут оправдать, например, допустимость полигамных браков, которые сами по себе не являются нарушением прав конкретных лиц, связанных брачными отношениями, а представляют скорее их иную структуру, то наличие юридических предпосылок для принуждения ко вступлению в брак, связывания создания такого союза с чьей бы то ни было волей, помимо супругов, не находит обоснования в том числе в тексте самой Конституции, которая в ст. 14 декларирует всеобщее гендерное равенство.

³²⁰ Law No. 188 from 1959. Personal Status Law and amendments // Официальный портал Всемирной базы Организации Объединенных Наций по противодействию насилию над женщинами. URL: <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/iraq/1959/personal-status-code-no-188-of-1959> (дата обращения: 16.11.2023).

Несмотря на все высказанные замечания относительно умаления Законом права на вступление в брак, в доктрине арабских стран он рассматривается как «один из самых цивилизованных»³²¹.

При этом, как представляется, право на брак в Конституцию Ирака 2005 года не включено сознательно, и это является квалифицированным умолчанием конституционного законодателя – как в предыдущих Конституциях Ирака, так в нынешней у составителей отсутствовала законодательная воля на придание ему статуса конституционного права, которое *a priori* имеет больший вес, нежели ординарные права, источником которых является законодательство, а не учредительный акт государства. В подтверждение тому нельзя не привести содержание статьи 46 Конституции Ирака, которая прямо устанавливает, что «ограничение конституционных прав и свобод не допускается за исключением случаев, когда такое ограничение установлено законом и не нарушает сущность такого права или свободы». Отсюда, с целью обхода установленного высокого стандарта конституционности содержания законодательства, ограничивающего права, перечисленные в учредительном акте, право на вступление в брак в Ираке искусственно помещено в разряд «законодательных», что не может не влечь негативных последствий его практической реализации.

Такие последствия нами дифференцированы на две группы: юридические и фактические. Последние, как уже отмечалось, по своей природе формируют в социуме стереотипные представления о неравенстве мужчин и женщин³²² в рамках заключения и континуума брачных отношений, что повышает риски принуждения к вступлению в брак³²³. Правительство Ирака в Первом национальном

³²¹ Али Джихад А.Р. Право на вступление в брак в конституционной практике Ирака // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9 (166). С. 167–174, 169.

³²² Abbot P. Attitudes to Gender Equality and the Empowerment of Women in 2013/14 // Gender Equality and Mena Women's Empowerment in the Aftermath of the 2011 Arab Uprisings, Arab Transformations Project. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep14099.10> (дата обращения: 16.11.2023).

³²³ Такая проблема является крайне распространённой в социальной практике Ирака. См.: Brown L., Romano D. Women in Post-Saddam Iraq: One Step Forward or Two Steps Back? // The National Women's Studies Association Journal. 2006. Vol. 18. No. 3. P. 51–70.

инициативном обзоре достижения Целей устойчивого развития 2019 года прямо констатировало наличие такой проблемы и указало на необходимость ее ликвидации лишь к 2030 году³²⁴. В числе предложенных механизмов бесспорно должно быть и юридическое уравнивание статуса лиц, вступающих и находящихся в браке, без которого существующие «лазейки» все также будут допускать случаи квази- (через выражение воли уполномоченными агентами – представителями мужской линии рода женщины в порядке статьи 82 Закона) или даже явно принудительных брачных связей.

Несмотря на очевидность подобного вывода, практически параллельно с признанием неэффективности государственной политики противодействия принуждению ко вступлению в брак, и выражением озабоченности его масштабами, в Ираке обсуждался законопроект, согласно которому минимальный порог брачного возраста мог быть сдвинут с 15 до 9 лет³²⁵.

Очевидно, что, понижая минимальные возрастные пределы допустимости брака, государство открыто стимулирует и культуру навязывания, еще более умаляя юридическую природу права как сознательного выбора, который попросту не может быть сделан лицом, не способным в силу возраста осознавать фактический характер отношений, в которые ему предложено вступить, и не способный в силу неразвитости психики испытывать сопоставимые эмоции в отношении будущего супруга. Кроме того, допущение заключения брачных отношений в столь юном возрасте безусловно увеличит и количество браков, заключенных не «лично», а посредством упомянутых в Законе агентов и для целей, не связанных с созданием семьи, подрывая всякую ее ценностную составляющую.

В то же время, в профильной доктрине, посвященной проблемам конституционного статуса права на вступление в брак в Ираке, отмечается со

³²⁴ Первый Национальный добровольный обзор достижения Целей устойчивого развития 2019 (The Triumph of National Will) // Официальный портал Целей устойчивого развития ООН. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23789Iraq_VNR_2019_final_EN_HS.pdf (дата обращения: 16.11.2023).

³²⁵ ‘Catastrophic’ Iraq law could legalise marriage for children as young as nine // The Guardian. 14 November 2017. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/nov/14/catastrophic-iraq-law-could-legalise-marriage-for-children-as-young-as-nine> (дата обращения: 16.11.2023).

ссылкой на статью 9 Закона о личном статусе, что положения о посредственном заключении брака не могут быть принудительными для женщины – за принуждение установлена уголовная ответственность³²⁶. Однако такая аргументация не выдерживает теоретико-правовой и даже логической критики – принудительность брака должна толковаться широко как возможность не учитывать мнение женщины при его заключении. Такая возможность безусловно существует при наделении Законом полномочиями заключения брака родственниками будущей жены, а не ее самой. Причем к таким ситуациям, очевидно, никакие санкции, перечисленные в статье 9 Закона, применяться не могут – иное бы создавало структурную коллизию между нормами Закона, допускающими поведение и нормами, его же запрещающего.

Юридические последствия исключения права на вступление в брак из числа конституционных во многом артикулированы в практике Верховного Федерального Верховного Суда Ирака. Интерпретируя положения Закона в соответствии с религиозными нормами шариата, суд в совсем недавнем решении указал, что «невступление в брак является противоестественным и аномальным состоянием как для мужчин, так и для женщин»³²⁷. Иными словами, высший суд, пользуясь отсутствием конституционного ограничения на умаление толкуемого права до степени отрицания, фактически превращает возможность вступления в брак в обязанность, руководствуясь положениями пункта «а» части 1 статьи 2 Конституции, об обязательной силе шариата и сущностной наполненностью им всего законодательства. Более того, суд прямо пишет о появлении у партнёров «обязанности вступить в брак, когда человек (мужчина) финансово и физически готов к браку и существует опасность прелюбодеяний». Из процитированной конституционной практики очевидно, что без жёсткой конституционно-правовой базы, право на вступление в брак, подобно глине, трансформируется

³²⁶ Saleh K.M., Karim B.A.B. Harmonization between the Iraqi Personal Status Law and the provisions of family agreements // Journal of college of Law for Legal and Political Sciences. 2020. Vol. 9. No. 35. P. 142–176, 149.

³²⁷ The Federal Supreme Court of Iraq. Decision Ref. 230 / federal /2022. URL: <https://www.iraqfsc.iq/ethadai-en.php> (дата обращения: 16.11.2023).

государственно-властными структурами под давлением более мощных юридических аргументов – положений Конституции о верховенстве ислама. Таким образом коллизия, которая в мировых конституциях рассматривалась бы как столкновение двух конституционных, а от того равных по юридической силе, норм (горизонтальная коллизия), искусственно превращена составителями Конституции Ирака в коллизию вертикальную – столкновение норм Конституции и норм закона.

Несмотря на внутрисистемную обоснованность описанных метаморфоз права на брак в Ираке, его содержание не коррелирует с международными стандартами прав человека и рядом международных договоров и источников международного обычного права, упомянутых во введении к настоящему исследованию. Признавая абсолютную невозможность корректирования действующей Конституции Ирака, решение вопроса о приведении конституционной практики Ирака в соответствие с мировыми стандартами видится именно в апелляции к международному праву. Тем более, что подобная судебная практика, хотя и не может восприниматься прямо противоречащей Конституции Ирака, всё же не соответствует её духу.

Право на вступление в брак гарантировано указанными выше международными договорами Ирака только при условии личного, полного и свободного согласия обоих партнёров (статья 23 Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин). Помимо указанных документов, международный обычай, каким признаются положения Всеобщей декларации прав человека 1948 года, также требует от всех цивилизованных государств соблюдения равноправия и свободы воли при вступлении в брак (статья 16 Всеобщей декларации прав человека)³²⁸.

Требование соблюдать международные обязательства в Конституции Ирака 2005 года артикулировано прямо – статья 8 указывает, что «Ирак соблюдает

³²⁸ Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 16.11.2023).

принципы добрососедства, придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других государств, стремится урегулировать споры мирными средствами, устанавливает отношения на основе взаимных интересов и взаимности, а также соблюдает свои международные обязательства». Из указанных положений Конституции следует, что право на вступление в брак, каким его закрепляют международные акты, не может умаляться внутригосударственными органами Ирака и в том числе Верховным Федеральным судом. Несмотря на отсутствие «конституционной природы» этого права, благодаря международному нормотворчеству оно бесспорно приобретает статус «международного стандарта прав человека» или «нормы международного права», которая со ссылкой на статью 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, не может не исполняться исключительно со ссылкой на внутреннее законодательство. При этом, в отличие от многих государств и в том числе Российской Федерации, Ирак будет лишен возможности ссылаться на ставший в международной и мировой конституционной практике аргумент о том, что противоречия между нормами международного права и конституцией должны разрешаться в пользу последней – Конституция Ирака такого права не содержит, а потому противоречие международного права усматривается лишь с нормами собственно «внутреннего законодательства», которые могут и должны ему соответствовать.

Замысел авторов Конституции Ирака 2005 года по снижению порога охраны права (в первую очередь, как «не обязанности») на вступление в брак, таким образом, не реализован до конца. Указанное право, несмотря на его многолетнее отсутствие в учредительных документах и кажущееся лишение особого статуса, не утратило свое значение – на помощь ему приходят уже не конституционные, а международно-правовые механизмы обеспечения глобального гуманитарного единства. А отсюда, толкования Конституции, данные Верховным Федеральным судом в приведенном и подобных решениях, подлежат пересмотру как не соответствующие ст. 8 Конституции в системе с международно-правовыми актами. Вместе с тем, дальнейшие споры и парламентская дискуссия о дополнении Закона о статусе лиц положениями, еще серьезнее ухудшающими роль женщины в

принятии решения о вступлении в брак, должны признаваться недопустимыми, противоречащими курсу Ирака на демократизацию и слияние с глобальной гуманитарной системой ценностей³²⁹. Шаги к этому в доктрине уже предпринимаются – в одной из научных работ предложено разработать конституционно-правовые механизмы исполнения судебных решений международных органов по вопросам в том числе корректирования положений Закона о личном статусе³³⁰.

Таким образом, следует признать, что иракская правовая система показала пример достаточно эффективного, хоть и не без грубых недочетов, и органичного сочетания демократических начал, принципов защиты прав человека и основных начал шариата. Недостатки, выявленные в Конституции Ирака в данном аспекте, вполне могут быть устранены интерпретационными и правоприменительными усилиями, в результате чего существует вероятность формирования устойчивого конституционно-правового режима недискриминации и правовой определённости.

Кроме того, следует помнить о том, что именно в исламе находят свои корни идеи об автономии личности и необходимости соблюдения её прав, природа и круг которых, однако, в этот период до конца неясны или, по крайней мере, имеют немного общего с современной теорией прав человека. Равным образом Коран невозможно квалифицировать в качестве акта конституционного характера, даже несмотря на то, что в современной Саудовской Аравии Корану отведена роль учредительного (фактически, по своему правовому эффекту – конституционно-правового) акта.

³²⁹ См. подробнее: Al-Ali N. Iraqi Women and Gender Relations: Redefining Difference // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2008. Vol. 35. No. 3. P. 405–418.

³³⁰ Кадир З.М. Позиция судебной власти Ирака относительно исполнения решений иностранных судов по вопросам личного статуса: аналитическое исследование // *Журнал юридических и политических наук*. 2022. Т. 11. № 43. С. 370–400, 395–398.

Заключение

Проведённое диссертационное исследование, центральным вопросом которого было выявление и структурирование тенденций в развитии иракского конституционализма и конституционных гарантий прав человека, системы государственной власти и более чёткого разграничения между шариатом и конституционным законом, позволяет прийти к следующим выводам.

В рамках исторического процесса формирования и развития государства и права Ирака выделяются такие вехи, как период традиционалистского уклада (Вавилонское, Ассирийское государства и др.) (до 636 (650) г. н. э.), период арабского владычества (636 (650) г. – 1534 г.), периоды османского (1534 г. – 1920 г.) и британского (1920 г. – 1932 г.) владычества, период независимого монархического (1932 г. – 1958 г.), а впоследствии и социалистического (1958 г. – 2003 г.) Ирака, и продолжающийся по настоящее время период независимого республиканского Ирака (с 2003 г.). При этом исследование обосновало, что необходимые предпосылки для формирования конституционалистских концептов идеологий, приближенных к современным, появились уже в период традиционалистского уклада.

В качестве исходного сформулировано методологическое положение, согласно которому конституционализм может определяться не только как практика государственного строительства на основе конституции, но и как правовая философия и идеология, которые могут существовать не только в отсутствие конституции, но и даже в отсутствие позитивистского понятия о конституции и конституционном праве. Проанализированы и систематизированы следующие представления о праве, господствовавшие в период традиционалистского уклада. В частности, показано, что уже в древнеегипетской и ассирийской культурах существовало понятие о справедливости (правосудия) – высшей идее, которая реализуется в правлении древнеегипетского фараона или ассирийского царя, притом что последние ограничены в своих властных актах соображениями справедливости. Из этого проистекает постулат о необходимости ограничения дискреции властвующего субъекта (монарха, регионального чиновника,

представляющего интересы монарха на определённой территории). Кроме того, обосновано древнее понимание права как инструмента упорядочения общественных отношений и устройства общественного порядка, предсказуемости и стабильности жизни людей в целом, что является исходными пунктами современного западного конституционализма.

Исследование доказало, что факторы, определившие облик будущего иракского конституционализма, сформировались в период арабского владычества. При этом получен вывод, согласно которому основным катализатором формирования этих факторов стал религиозный компонент – возникновение ислама в VII веке н. э. Так, периоду арабского владычества были известны исторически первые документы, которые по своему содержанию и значению напоминали современные конституционные тексты. Также на основе анализа религиозных текстов установлено, что ряд хадисов выполняли роль, функционально аналогичную той роли, которую в современных правовых системах играют светские конституции, и содержали в себе суждения и умозаключения, релевантные и для современного западного конституционализма.

Продemonстрировано увеличение роли толкования права в период арабского владычества, поскольку конкретное содержание правовых норм можно установить лишь посредством толкования норм шариата – божественного откровения. Установлено, что это является необходимой предпосылкой для формирования современной доктрины конституционного права, поскольку конституционно-правовые нормы, *per se* обладающие весьма скромным регулятивным потенциалом, также нуждаются в подобном толковании. Как религиозные принципы ислама нуждаются в авторитетном толковании для того, чтобы стать руководством для решения правового кейса, так и нормы конституционного права нуждаются в юридическом толковании в установленной процедуре, дабы возыметь осязаемый регулятивный эффект и достичь целей своего существования. В обозначенном аспекте иракская государственность уже в VII-VIII вв. н. э. приблизилась к пониманию функционирования современного конституционализма.

Далее, детально проанализировано развитие иракского конституционализма на протяжении первой половины XX века. На основе концептуального и юридико-технического анализа нормативных правовых актов Ирака периода независимой монархии признана состоятельной и обоснованной высокая оценка Конституции Ирака 1925 года, высказываемая в правовой доктрине. Продемонстрирована успешность реализации конституционных практик в обозначенный период. Установлено, что именно в монархический период в Ираке начала зарождаться политически организованная и легальная оппозиция в лице оппозиционных политических партий, несмотря на то что каждая из этих партий просуществовала сравнительно недолго.

Выдвинут и обоснован тезис, согласно которому Конституция Ирака 1925 года ознаменовала присоединение страны к глобальному конституционному движению и принятием ею универсальных тенденций мирового конституционализма. При этом обосновывается, что решающую роль в этом процессе, вопреки господствующим научным воззрениям, сыграло не иностранное вмешательство в виде установления над территорией Ирака британского мандата; обосновано, что историко-правовые тенденции, которые существовали на землях Ирака в период с древнейших государств (Вавилона, Ассирии) до крушения Османской империи, совпадают с тенденциями развития глобального конституционализма, чем и можно обусловить впечатляющие достижения иракского конституционализма в соответствующий исторический период.

На примере исторического развития государства и права Ирака в социалистический период его существования исследование впервые в российской правовой науке предметно поставило вопрос о принципиальной возможности сосуществования социалистического, религиозного мусульманского и конституционного типов правопонимания, который ранее в отечественной юридической науке не был артикулирован. В результате выдвинут и аргументирован тезис о том, что поскольку позиция мусульманского правопонимания по целому ряду ключевых для конституционализма вопросов совпадает с позицией «буржуазного» правопонимания, то социалистическое

правопонимание ставит себя в оппозицию и мусульманской правовой парадигме. Вместе с тем обосновано, что роль ислама в социалистическом Ираке следует тенденции, согласно которой нормативно-правовое значение религиозных первоисточников и результатов их толкования снижается.

Кроме того, в работе проанализированы особенности реализации принципа разделения властей в современном Ираке, преимущественно в контексте взаимоотношений законодательной и исполнительной ветвей власти. Исчерпывающе описаны особенности иракского парламентаризма и организации исполнительной власти. В частности, проведённое диссертационное исследование впервые в российской и зарубежной юридической науке детально проанализировало институт парламентского контроля в Ираке как с точки зрения истории его развития, так и с точки зрения его современного состояния. Установлено, что многие проблемы функционирования Парламента Ирака обуславливаются не столько дефектами конституционного или отраслевого регулирования, сколько неправовыми факторами.

Аналогичным образом, впервые в российской и зарубежной юридической науке детально проанализирован институт конституционного контроля в Ираке как с точки зрения истории его развития, так и с точки зрения его современного состояния. Отмечен любопытный момент: Ирак стал одним из немногих на тот момент государств мира, где практиковался конституционный контроль – всего пять лет назад в Австрии был учреждён первый в мире специализированный конституционный суд, функционирование которого положило начало формированию европейской централизованной модели конституционного правосудия. С другой стороны, каких-либо достоверных свидетельств эффективного применения этого института в Ираке на тот момент времени обнаружить не удалось.

Далее, проанализированы национальные особенности института федерализма в Ираке. Признано, что для иракского конституционализма федерализм имеет крайне важное значение, поскольку Ирак является многонациональным государством, общество которого характеризуется острыми

национальными и религиозными противоречиями, для разрешения которых и были предприняты попытки децентрализации государства. Основой для такой децентрализации выступают конституционные гарантии политических, культурных и образовательных права всех национальностей. Вместе с тем анализ историко-политических практик современного Ирака показал, что это может использоваться в качестве фактора, только усугубляющего раздробленность Ирака и его народа. На основании социологических данных получен вывод о том, что недовольство политикой федерального центра экспоненциально возрастает в провинциях, не находящихся под эффективным контролем государственной власти Ирака либо исторически настаивающих, по меньшей мере, на регионалистской автономии.

Одним из ценнейших результатов исследования стало формулирование принципиально нового понимания роли шариата в возникновении и развитии мирового конституционализма в целом и иракского конституционализма в частности, в том числе его значения для развития современного конституционного государства и защиты прав человека. Исследование доказало, что нормы шариата в периоды арабского и османского владычества выполняли роль, функционально аналогичную роли конституций в современных секуляризированных государствах: роль ограничения власти, склоняющейся к деспотии, роль своеобразного критерия «правильности», справедливости правовых норм, которые ни в коем случае не могут противоречить шариату или конституции. Аргументировано, что как шариат, так и светские конституции обладают достаточным инструментарием для самозащиты от произвольных изменений: если священное писание ислама вовсе непогрешимо и не поддаётся сомнению, то конституция во всяком случае не может быть изменена по прихоти правителя.

Диссертационное исследование пришло к выводу, что концептуальных отличий между мусульманским и конституционным правопониманием в контексте необходимости ограничения государственной власти в целях защиты прав человека не имеется; отдельные отличия могут скрываться лишь в нюансах, например, в вопросах признания или гарантии тех или иных прав человека или в

вопросах построения органов государственной власти. Однако и в этом смысле шариат и конституционализм находят точки соприкосновения: и та, и другая системы усматривают залог рациональности государственного управления в разделении властей и функций должностных лиц, а также оба этих правовых комплекса настаивают на обеспечении автономии личности и уважения её прав.

На основании изложенного следует обратиться к центральному вопросу диссертационного исследования – вопросу о состоянии развития правового государства в Ираке, опираясь на полученные результаты исследования, а также на универсальные представления о конституционализме.

Несмотря на то, что понятие «правовое государство» прочно вошло в научную и учебную юридическую литературу, конкретные критерии, по которым можно квалифицировать то или иное государство в качестве правового либо неправового, в науке не выработаны, и данное понятие остаётся оценочным. В международной практике одним из таких критериев выступает реализация прав и свобод граждан на практике, то есть состояние фактической защищённости прав личности. Такой критерий, в частности, использовался применительно к Ираку в рамках процедуры универсального периодического обзора ООН (20-я сессия)³³¹, по результатам которой органы ООН хотя и остались удовлетворены формулировками принципа пропорциональности в Конституции Ирака, однако отметили трудности в реализации правозащитной функции иракского государства. Такую же методологию оценки состояния правового государства в Ираке использует Государственный департамент США, который регулярно анализирует состояние защиты прав и свобод иракцев³³² и защищённость свободы мысли, совести и вероисповедания в стране³³³.

³³¹ Submission to the UN Universal Periodic Review. 20th session of the UPR Working Group of the Human Rights Council. Report submitted by the Coalition of Freedoms in Iraq to the UN Human Rights Council. Office of the High Commissioner for Human Rights. 2014. P. 2–3.

³³² United States Department of State. Iraq 2022 Human Rights Report // United States Department of State Official Cite. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/02/415610_IRAQ-2022-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf (дата обращения: 07.04.2024).

³³³ United States Department of State. Iraq 2022 International Religious Freedom Report // United States Department of State Official Cite. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/05/441219->

Аналогичный критерий используется и в науке: исследователи анализируют реальное состояние конституционно-правовых институтов и их функционирование на практике. С опорой, в том числе, на те выводы, которые получены в настоящем исследовании, многие авторы заявляют, что конституционализм как таковой «оставил» иракские земли³³⁴ (особенно после событий 2003 года, связанных с иностранным вмешательством), а само понятие конституционализма в Ираке полностью исчезло³³⁵. На основании недостатков и дефектов практической реализации конституционных предписаний Конституция Ирака 2005 года прямо характеризуется некоторыми исследователями в качестве «фиктивной» (*sham constitution*)³³⁶.

Представляется, с тем чтобы избежать чрезмерно эмоциональных оценок, при анализе состояния развития правового государства необходимо учитывать не только эффективность и регулярность практической реализации конституционных норм, но и историческую специфику развития правового государства в Ираке. Прежде всего, стоит помнить о том, что на протяжении второй половины XX века – в период социалистической государственности правовой системе Ирака вовсе не был известен принцип правового государства, поскольку в социалистической правовой доктрине он отторгается как буржуазный³³⁷. Это не могло не наложить отпечаток на современном состоянии развития правового государства, которое во

IRAQ-2022-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf (дата обращения: 07.04.2024).

³³⁴ Morrow J. Weak Viability. The Iraqi Federal State and the Constitutional Amendment Process. Special Report No. 168. P. 3.

³³⁵ Jensen E.G. Introduction to the Laws of Kurdistan, Iraq Working Paper Series. Constitutional Law of Iraq. Stanford: Stanford Law School, 2013. P. 10.

³³⁶ Vahid N.P. Comparative Constitutionalism: Challenges of Constitutional Sovereignty in Iran and Iraq. P. 126.

³³⁷ Симптоматично, например, что советский и российский теоретик права С.С. Алексеев, анализируя феномены законности и социалистической законности в советский период, не упоминает концепцию правового государства вовсе и возвращается к ней только в своих более поздних работах. Более того, позиция С.С. Алексеева сводилась к тому, что следствием наивысшего формационного развития государства является не построение правового государства, а «отпадение» или «перестроение» отдельных отраслей права. См.: Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. С. 160–161, 228.

многих аспектах должно получить справедливую «индальгенцию» в связи с отсутствием опыта конституционного строительства ряда институтов.

В целом стоит отметить, что на сегодняшний день концепция правового государства в рамках иракского конституционализма существует преимущественно на страницах научных трудов. Иракские исследователи уделяют немало внимания проблемам правового государства в Ираке, создают и обосновывают новые конституционно-правовые концепции. Например, А.Т. Мусадак выделяет нетипичное для конституционного права многих государств понятие «конституционный общественный порядок»³³⁸.

Наконец, засуживает внимания проблема поддержания доверия граждан Ирака к действиям государства и практикуемым демократическим процедурам. Как известно, демократическое государство основывается на доверии граждан к его институтам, одним из которых, играющим ключевую роль в поддержании демократии, являются свободные выборы. Судя по всему, конституционное право Ирака исходит из классического понимания демократии, не осложнённого технократическими элементами, поскольку к кандидатам в депутаты Палаты Представителей не предъявляется каких-либо квалификационных требований. Это означает, что единственным критерием правомочности занятия депутатского мандата является доверие избирателей, что при демократическом политическом режиме также является гарантией правового государства.

В этом контексте в Ираке существует немало проблем. Как показывает политическая практика, процедуры выборов не пользуются доверием ни массового избирателя, ни политических сил, которые принимают участие в иракских выборах. Так, в 2005 году доминирующая на тот момент суннитская политическая партия – партия «Иракский фронт национального диалога» – приняла решение бойкотировать выборы в Палату Представителей, что, однако, не привело к ожидаемым политическим результатам, и партия практически не заняла мест в представительном органе Ирака, что в литературе называется стратегической

³³⁸ Musadaq A.T. Constitutional Public Order and its Applications under The Constitution of The Republic of Iraq for the year 2005 // Journal of Legal Sciences. 2022. Vol. 37 No. 2. P. 213–252.

политической ошибкой суннитов в Ираке³³⁹. Также это наглядно показывает, что политический процесс в Ираке нуждается в активном участии граждан Ирака и всех политических сил, с тем чтобы способствовать становлению и развитию правового государства на данной территории.

Тем не менее, социологические исследования последних лет показывают, что иракцы главным образом утратили веру в политический процесс. Несомненно, выборы считались потенциальными проводниками перемен, и на них возлагались немалые надежды, но голосование на выборах в Совет Представителей никогда не считалось фактором, влияющим на перемены в современном Ираке. Граждане Ирака считают, что их интересы не получают должного представления в Парламенте, и что сами выборы являются «мошенничеством и коррупцией»³⁴⁰, что значительно подрывает доверие к политическим институтам, в том числе законодательной власти, как она устанавливается Конституцией 2005 года. Иными словами, в этой части позиция граждан Ирака остаётся неизменной ещё с 2003 года – с года вторжения Коалиции согласных в страну, когда доверие к политическим механизмам находилось на низком уровне³⁴¹.

На основании изложенного, представляется возможным заключить, что цель, поставленная перед настоящим диссертационным исследованием, была достигнута.

³³⁹ Frankel M. Threaten but Participate: Why Election Boycotts Are a Bad Idea // Policy Paper. 2010. No. 19. P. 1–12, 1.

³⁴⁰ United Nations Development Programme. العراق في الاجتماعي العقد صياغة إعادة. P. 4–5. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-02/UNDP_IQ__Reimagining_%20the%20Social%20Contract%20in%20Iraq_AR_v2.pdf (дата обращения: 20.07.2023).

³⁴¹ Конституционные проблемы в Ираке. Доклад по Ближнему Востоку № 19 от 13 ноября 2003 года // Международная кризисная группа. Брюссель, 2003. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/27412/019_iraq_s_constitutional_challenge_arab.pdf (дата обращения: 12.07.2023).

Список источников**1. Нормативные правовые акты Республики Ирак****1.1. Действующие нормативные правовые акты Республики Ирак**

1. Конституция Республики Ирак 2005 года. Constitution.Net: Supporting Constitution Builders Globally. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iraq_2005 (дата обращения: 01.05.2024).
2. Law No. 188 from 1959. Personal Status Law and amendments // Официальный портал Всемирной базы Организации Объединенных Наций по противодействию насилию над женщинами. URL: <https://evaw-global-database.unwomen.org/en/countries/asia/iraq/1959/personal-status-code-no-188-of-1959> (дата обращения: 16.11.2023).
3. Закон Республики Ирак № 160 от 1979 года «О судебной системе» // Durr Iraq wiki. URL: <http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/12994.html#:~:text=القضائي%20التنظيم%20قانون%20يهدف> (дата обращения: 17.06.2023).
4. Закон Республики Ирак № 30 от 2005 года «О Федеральном Верховном Суде» // Durr Iraq wiki. URL: <http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/17156.html> (дата обращения: 21.01.2023).
5. Закон Республики Ирак от 25 декабря 2014 года «О внесении изменений в Закон Республики Ирак № 30 от 2005 года «О Федеральном Верховном Суде» // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Ирак. URL: <https://moj.gov.iq/upload/pdf/4635.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).
6. Хамид А. Закон № 1 от 2023 г. «О муниципальных доходах» // Газета Аль-Хивар Аль-Мотамдани. Выпуск № 7550. 2023. 14 марта.
7. Правила процедуры Федерального Верховного суда Ирака 2005 года // Durr Iraq wiki. URL: <http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/17163.html> (дата обращения: 12.02.2023).

8. Регламент Совета Представителей Ирака 2006 года // Официальный сайт Совета Представителей Республики Ирак. URL: <https://iq.parliament.iq/الداخلي-النظام/> (дата обращения: 05.06.2023).

1.2. Нормативные правовые акты Республики Ирак, утратившие силу

9. Конституция Республики Ирак 1968 года // Constitution.Net: Supporting Constitution Builders Globally. URL: https://constitutionnet.org/sites/default/files/interim_constitution_1968.pdf (дата обращения: 21.01.2023).
10. The Law of Administration for the State of Iraq for the Transitional Period from 8 March 2004 // U.S. Government Accountability Office Official Site. URL: <https://www.gao.gov/products/gao-04-746r> (дата обращения: 20.06.2024).
11. Coalition Provisional Authority. Order Number 71 from 2004 «Local Governmental Powers». URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20040406_CPAORD_71_Local_Governmental_Powers_.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

2. Нормативные правовые акты других государств

12. Конституция Франции 1958 года. Часть 3 статьи 62 // Официальный сайт Конституционного совета Франции. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 01.04.2024).
13. Закон о Федеральном Конституционном суде Германии (Bundesverfassungsgerichtsgesetz – BVerfGG) // Официальный сайт Федерального министерства юстиции ФРГ. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bverfgg/BJNR002430951.html> (дата обращения: 11.04.2024).
14. Органический закон Испании «О Конституционном Суде Испании» от 25 октября 1979 года // Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal

Constitucional. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1979-23709> (дата обращения: 03.02.2024).

15. Ордонанс № 58-1067 от 7 ноября 1958 года «Об Органическом законе «О Конституционном совете Франции» // Официальный сайт Конституционного совета Франции. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/fondements-textuels/ordonnance-n-58-1067-du-7-novembre-1958-portant-loi-organique-sur-le-conseil-constitutionnel> (дата обращения: 01.04.2024).
16. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
17. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
18. Constitution of the Republic of Ecuador 2008 // [Constituteproject.org](https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2021?lang=en). URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2021?lang=en (дата обращения: 08.01.2024).
19. The United States Code // Corner Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/3902> (дата обращения: 14.04.2023).

3. Международные правовые акты

20. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (принята в г. Рим, 4 ноября 1950 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
21. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.06.2024).
22. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966

- года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 20.06.2024).
23. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 20.06.2024).
24. Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 16.11.2023).
25. Treaty of Alliance between Great Britain and Iraq, signed in Bagdad, October 10, 1992 // Treaty Series. 1925. No. 17. P. 3–4.

4. Решения Федерального Верховного суда Ирака

26. The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 2 July 2007 № 9. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/9_fed_2007.pdf (дата обращения: 14.03.2023).
27. The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 24 October 2010 № 55. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/55_fed_2010.pdf (дата обращения: 12.03.2023).
28. The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 4 June 2012 № 103. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/103_fed_2011.pdf (дата обращения: 08.04.2024).
29. The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 6 November 2017. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarat/feden/122_fed_2017en.pdf (дата обращения: 05.06.2022).
30. The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 20 November 2017 № 89. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/89_fed_2017.pdf (дата обращения: 14.03.2023).
31. The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 22 November 2017 № 89. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/89_fed_2017.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

- 32.The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 12 May 2022 № 84. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarat/feden/84_fed_2022en.pdf (дата обращения: 01.12.2023).
- 33.The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 1 June 2022 № 33. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/33_fed_2022.pdf (дата обращения: 12.03.2023).
- 34.The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 27 July 2022 № 146. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/146_fed_2022.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
- 35.The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 14 February 2023 № 6. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/6_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).
- 36.The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 22 February 2023 № 14. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/14_fed_2023.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
- 37.The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 28 February 2023 № 8. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/8_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).
- 38.The Federal Supreme Court of Iraq. Decision from 1 March 2023 № 3. URL: https://www.iraqfsc.iq/krarid/3_fed_2023.pdf (дата обращения: 08.03.2023).

5. Решения судов других государств и международных судов

- 39.Постановление Конституционного Суда РФ от 13 марта 1992 года № П-РЗ-I // СПС «КонсультантПлюс».
- 40.Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 года № 10-П // СПС «КонсультантПлюс».
- 41.Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 1998 года № 6-П // СПС «КонсультантПлюс».
- 42.Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 года № 10-П // СПС «КонсультантПлюс».
- 43.Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 года № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 4. Ст. 359.

44. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 года № 797-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
45. Определение Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 2500-О // СПС «КонсультантПлюс».
46. Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2022 года № 3269-О-Р // СПС «КонсультантПлюс».
47. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // СПС «КонсультантПлюс».
48. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 27 января 2021 года по делу № А10-5499/2020 // СПС «Гарант».
49. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 7 мая 2001 года № 6/2 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».
50. The Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec. Judgement of 20 August 1998. 2 SCR 217. URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (дата обращения: 20.11.2024).
51. The United States Supreme Court. 21 June 1989. Texas v. Johnson. 491 U.S. 397 // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/397/> (дата обращения: 30.03.2023).
52. The United States Supreme Court. 14 June 1977. National Socialist Party of America v. Village Skokie. 432 U.S. 43 // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/432/43/> (дата обращения: 29.03.2023); United States Supreme Court. 22 May 1978. Collin v. Smith. 4-F. Supp. 676 // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/578/1197/448646/> (дата обращения: 29.03.2023).
53. International Court of Justice. Interhandel Case (Switzerland v. United States) from 21 March 1959 // ICJ Reports, 1959.

54. The European Court of Human Rights. *Belilos v. Switzerland*. Judgment of 29 April 1988. Application no. 10328/83. § 52-59 // HUDOC. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-57434%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-57434%22]}) (дата обращения: 18.01.2024).

6. Научная и учебная литература

6.1. Диссертации и авторефераты диссертаций

55. Деманова С.В. Конституционное право на получение бесплатного высшего образования в Российской Федерации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Деманова Светлана Владимировна. Саратов, 2012. 184 с.
56. Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав): дис. ... д-ра юр. наук: 5.1.2 / Должиков Алексей Владимирович. СПб., 2022.
57. Дубессан Д.Р.Х. Реформа государственно-территориального устройства Республики Ирак в XXI веке: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Дубессан Рафед Х. Дубессан. М., 2014.
58. Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Игнатенкова Ксения Евгеньевна. Саратов, 2006.
59. Кошель А.С. Конституционные стандарты парламентских процедур в Российской Федерации как демократическом правовом государстве: автореф. дис. ... д-ра юр. наук: 5.1.2 / Кошель Алексей Сергеевич. М., 2022. С. 16–17.
60. Мехмет У. Политика Великобритании в отношении региональных и этноконфессиональных элит в современном Ираке: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Мехмет Урпер. СПб, 2018.
61. Сафаров Д.С. Права человека и глобализация в контексте исламской правовой культуры: история и современность: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Сафаров Дилшод Сафарбекович. Душанбе, 2012.

- 62.Oday M. The Basis for Judicial Review in The Federal Supreme Court in Iraq: Mediating Between Democracy and Human Rights Through Islam's Settled Rulings: doctoral dissertation. University of Pittsburgh. 2019.

6.2. Монографии и сборники

- 63.Авакьян С.А. О конституционных основах статуса Банка России. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации / Отв. ред. П.Д. Баренбойм. М.: Юридический дом Юстицинформ, 2000.
- 64.Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. I. М.: Юрид. лит., 1981.
- 65.Аль-Аллуш С.А.-Д. Углублённое исследование конституционных обычаев. 1-е изд. / Амман, 2008.
- 66.Аль-Бакри А.А.-Б. Введение в изучение исламского права и шариата. Часть первая // Наджаф: Аль-Адаб Пресс, 1972.
- 67.Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Том 6. М.: Наука, 1966.
- 68.Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. М.: «Новая юстиция», 2006.
- 69.Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934.
- 70.Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988.
- 71.Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / Сборник статей. Отв. ред.: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013.
- 72.История учений о праве и государстве: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. / Г.Г. Демиденко. Харьков: Право, 2008.
- 73.Корстенс Г. Суды и верховенство права: взгляд из Нидерландов / Пер. с англ. Д. Шабельникова. М.; Челябинск: Социум, 2021.

- 74.Кравченко А.И. Социология. Екатеринбург: Издательская корпорация «Логос», 1999.
- 75.Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, Ин-т востоковедения РАН, 1999. 200 с.
- 76.Нерсисянц В.С. Право и культура: предмет и проблемы юридической аксиологии. М., 2002.
- 77.Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. 2-е издание / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, А.А. Немировский. М.: Институт Африки РАН, 2009.
- 78.Сапронова М.А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М.: Институт ближнего востока, 2006. 196 с.
- 79.Томсинов В.А. Государство и право Древнего Египта : монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2011.
- 80.Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2006.
- 81.Убичини А., Куртейль П. Современное состояние Османской империи. СПб, 1877.
- 82.Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сборник переводов. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 1988.
- 83.Шайо А. Самоограничение власти (Краткий курс конституционализма) / Пер. с венг. М.: Юрист, 2001.
- 84.Akkush H.M. Democracy and freedom. Baghdad: Library of Baghdad, 2013. 267 p.
- 85.Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. New York: Oxford University Press, 2010. 462 p.
- 86.Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. New York: Oxford University Press, 2010.
- 87.Anderson N. Law Reform in the Muslim World. London: The Athlone Press, 1976.

88. Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined*. London: John Murray, Albemarle Street, 1832. 389 p.
89. Carter V.F. *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire: The Sublime Porte, 1789–1922*. Princeton: Princeton University Press, 1980.
90. *Comparative Constitution Making*. Eds. by Landau D., Lerner H. Chicago: Edward Elgar Publishing, 2019.
91. *Comparative Constitutional Reasoning*. Ed. by A. Jakab, A. Dyevre, and G. Itzcovich. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 854 p.
92. Constant B. *Principles of Politics Applicable to All Governments*. Ed. by D. O’Keefe. Indianapolis, IN: Liberty Fund, 2003.
93. *Constitutional Politics in the Middle East. With special reference to Turkey, Iraq, Iran and Afghanistan*. Ed. by Arjomand S.A. Portland: Hart Publishing, 2007.
94. *Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity* / Eds. by R. Grote, T.J. Röder. Oxford: Oxford University Press, 2012. 730 p.
95. *Constitutionalism in Islamic Countries. Between Upheaval and Continuity*. Edit. by Rainer Grote and Tilmann J. Röder // Oxford: Oxford University Press, 2012.
96. Danilovich A. *Iraqi federalism and the Kurds: Learning to live together*. Farnham: Ashgate, 2014.
97. Dezső T. *The Assyrian Army. The Structure of The Neo-Assyrian Army*. Budapest: Eötvös University Press, 2012.
98. Dicey A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Indianapolis: Liberty Classics, 1982.
99. Etheredge L. *Middle East. Region in Transition. Iraq*. New York: Britannica Educational Publishing, 2011.
100. Grewe W.G. *The Epochs of International Law*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000.
101. Hamidullah M. *First Written Constitution in the World*. Kazi Pubns Inc, 1809.

102. Hanoosh Y. *The Chaldeans. Politics and Identity in Iraq and the American Diaspora*. London: I.B. Tauris Bloomsbury Publishing Plc, 2019.
103. Hansen M.H. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes*. Norman: University of Oklahoma Press, 1999.
104. Jensen E.G. *Introduction to the Laws of Kurdistan, Iraq Working Paper Series. Constitutional Law of Iraq*. Stanford: Stanford Law School, 2013.
105. Karlsson M. *Early Neo-Assyrian State Ideology. Relations of Power in the Inscriptions and Iconography of Ashurnasirpal II (883–859) and Shalmaneser III (858–824)*. Uppsala: Institutionen för lingvistik och filologi, 2013.
106. Langášek T. *Ústavní soud Československé republiky a jeho osudy v letech 1920–1948*. Plzeň: Aleš Čeněk, 2011.
107. Longo P. *Theory and Practice in Islamic Constitutionalism. From Classica Fiqh to Modern Systems*. Piscataway, NJ, USA: Gorgias Press, 2019.
108. McDonough P. *Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus*. New York: Hart Publishing, Bloomsbury Publishing Plc, 2020. 280 p.
109. Morrow J. *Weak Viability. The Iraqi Federal State and the Constitutional Amendment Process*. Special Report No. 168. Washington D.C.: United States Institute of Peace, 2006.
110. Perelmann C. *The Idea of Justice and the Problem of Argument*. New York: Humanities Press, 1963.
111. Phillips D.L. *Power-Sharing in Iraq*. New York: Council on Foreign Relations, 2005. CSR. No. 6.
112. Quigley J. *The Statehood of Palestine: International Law in the Middle East Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
113. Rada M. *The guarantees of observance of the constitutional bases in Iraq* / Rada M. Denmark: Arab Academy, 2005. 435 p.
114. Sajó A., Uitz R. *The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 483 p.

115. Shadeedi H., Van Veen E. Iraq's adolescent democracy: Where to go from here // Hauge: Clingendael Institute, 2020.
116. Shattering Tradition: Custom, Law and the Individual in the Muslim Mediterranean. Eds. by Dostal W., Kraus W. I.B. Tauris, 2005.
117. Shirvani F. A Different Approach to the Control of Constitutionalism: Iran's Guardian Council / Eds. by Rainer Grote and Tilmann J. Röder. Oxford: Oxford University Press, 2012.
118. Sohrabi N. Revolution and Constitutionalism in the Ottoman Empire and Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
119. Stepan A. Arguing comparative politics. Oxford: Oxford University Press, 2001.
120. Walters M.D. The Law of Parliamentary Sovereignty // A.V. Dicey and the Common Law Constitutional Tradition. A Legal Turn of Mind. Ed. by Walters M.D. Cambridge University Press, 2020.
121. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Eds. by G. Roth and C. Wittich. Vol. 1. Berkeley; Los Angeles; London, 1978.
122. Zaid A.-A., Yussef A. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. Amman: Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq, 2020.

6.3. Публикации в периодических изданиях

123. Акопов Л.В., Алдаллал А. Современная конституционная модель Республики Ирак: аксиологический аспект // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 1. С. 70–73.
124. Али Джихад А.Р. Право на вступление в брак в конституционной практике Ирака // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9 (166). С. 167–174.
125. Аль-Фатлави А.А.Н. Судебные и законодательные органы власти в соответствии с конституцией Ирака // Журнал Юридического факультета

- Университета Куфы. С. 81–110. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/1a65f39713c9867d> (дата обращения: 20.06.2023).
126. Аль-Хафаджи А.А.А. Двойная власть в Конституции Ирака 2005 года // Журнал права и политологии Аль-Кадиси. 2017. Т. 8. № 2. С. 229–263.
127. Аль-Хафаджи С.М. Судебный контроль за конституционностью законов согласно конституциям Ирака // Журнал «Ахль аль-Байт». 2009. № 8. С. 315–345.
128. Аль-Шафеи М.Х. Политическая ответственность лиц, возглавляющих исполнительную власть (сравнительное исследование) // Ахль аль-Байт. 2015. № 12. С. 186–221. URL: <https://abu.edu.iq/sites/default/files/research/journals/ahl-al-bayt/issues/12/180420-223704.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
129. Баглай М.В. Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 2–7.
130. Баев В.Г. Конституционализм как понятие и научная проблема // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3 (13). С. 44–62.
131. Балашова Т.Н., Ал Кхафаджи М.А.Н. Проблемы реализации права на жизнь в Республике Ирак // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1 (65). С. 20–28.
132. Бурхан С.А.Х. Этапы возникновения и развития конституционного контроля в Ираке // Закон и право. 2024. № 2. С. 104–110.
133. Володина Н.В. Влияние мусульманского права на конституционно-правовое регулирование в странах Ближнего Востока (на примере Сирии и Ирака) // Правовая инициатива. 2014. № 3.
134. Гани З.А.М. Разделение властей в конституциях Ирака (аналитическое исследование) // Научный колледж им. М. Имама Аль-Казима. С. 1–34. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/e1a09a08b7f24f8e> (дата обращения: 23.06.2023).

135. Гумбатов З.Э., Камынин В.Д. Особенности федерализма в современном Ираке // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. Т. 13. № 2 (176). С. 135–142.
136. Дубессан Р.Х. Статус субъектов федерации в Республике Ирак // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 383–389.
137. Дубессан Р.Х., Аль Мухамед Гани Зкаер Атия. Основы конституционного строя Ирака // Конституционные чтения: сб. науч. трудов. Вып. 5: Актуальные проблемы конституционного права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. С. 10–15.
138. Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4 (125). С. 100–107.
139. Кадир З.М. Позиция судебной власти Ирака относительно исполнения решений иностранных судов по вопросам личного статуса: аналитическое исследование // Журнал юридических и политических наук. 2022. Т. 11. № 43. С. 370–400.
140. Кадхим З. Законодательная роль исполнительной власти в соответствии с конституцией Ирака 2005 г. // Журнал Колледжа исламских наук Багдадского университета. 2019. № 53. С. 460–501.
141. Казем А.М. Законодательная роль исполнительной власти согласно Конституции Ирака 2005 года // Журнал Колледжа исламских наук. 2018. № 1 (53). С. 460–501.
142. Касим С. Препятствия для работы иракского парламента после 2003 г. // Журнал Искусств Аль-Фарахиди. 2019. № 3. С. 323–344.
143. Комарова В.В. Скрытые полномочия Президента России: вопросы теории и практики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 15–23.

144. Конституционализм в мусульманском мире. Беседа с Ноа Фельдманом // Вопросы демократии. Конституционализм и формирующиеся демократии. 2004. Т. 9. № 1. С. 34–40.
145. Краснов М.А. «Монархизация» президентской власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (108). С. 87–103.
146. Омар Ч.Х., Барам М.Х. Роспуск парламента и его обоснование в конституциях Ирака 1925 и 2005 годов // Журнал правовых и политических исследований. Т. 2. № 15. С. 156–198. URL: <https://www.asjp.cerist.dz/en/downArticle/560/2/15/139538> (дата обращения: 17.06.2023).
147. Право президента Республики Ирак возражать против законов в соответствии с действующей Конституцией Ирака от 2005 года. Сравнительное аналитическое исследование // Васитский гуманитарный журнал. 2012. № 11. С. 335–337. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/a29aabec4a9cd591> (дата обращения: 20.07.2023).
148. Рауф А., Карим Х., Абдулкарим Д.С. Основы парламентской системы и её проблемы в Курдистанском регионе // Исследования и науки о шариате и праве. 2014. Т. 4. № 2.
149. Усков В.А. Трансформация партийно-государственной системы управления в СССР 1920-х – 1950-х гг.: из опыта органов партийного контроля // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2014. № 2. С. 168–173.
150. Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 2. С. 139–152.
151. Чирнинов А.М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование // Право и политика. 2020. № 9. С. 33–44.

152. Чирнинов А.М. В поисках релевантных аргументов: структура конституционно-судебной аргументации // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 3 (148). С. 33–61.
153. Чирнинов А.М. Разрешение политических вопросов средствами конституционного правосудия: исходные пункты аргументации в сравнительно-правовой перспективе // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 55–79.
154. Шлинк Б. Пропорциональность. К проблеме баланса фундаментальных прав и общественных целей // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 56–76.
155. Шустров Д.Г. Принципы конституционного толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1 (134). С. 107–132.
156. Щевелев С.С. Британский мандат и восстание 1920 года в Ираке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 140–153.
157. Akram W.T., Hussein N.K. Constitutional and legal status of a federal subject in the Republic of Iraq and in the Russian Federation: a comparative legal study // RUDN Conference on Legal Theory, Methodology and Regulatory Practice (RUDN LTMRP Conference 2021). 2021. Vol. 118. P. 1–7.
158. Al-Ali N. Iraqi Women and Gender Relations: Redefining Difference // British Journal of Middle Eastern Studies. 2008. Vol. 35. No. 3. P. 405–418.
159. Al-Bawi S.J. Federal Supreme Court Judgements Supplementing the Constitution // Turkish Journal of Computer and Mathematics Education. 2021. Vol. 12. No. 6. P. 3933–3960.
160. Al-Jaafari I., Al-Rikabi J. Iraq and Democracy: An Interview with Ibrahim Al-Jaafari // St Antony's International Review. 2007. No. 2. P. 103–110.
161. Al-Jaafari I., Al-Rikabi J. Iraq and Democracy: An Interview with Ibrahim Al-Jaafari. P. 103–110

162. Al-Zubaidi Y.A.A., Hussein S.F. Guarantees for implementing decisions of the Iraqi Federal Supreme Court: A comparative study // The journal of Tigris University College. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 253–263.
163. Alchalabi H. The Role of the Iraqi constitution in the growing unconstitutional practices // The College of Law and Political Science Journal. 2021. Vol. 1. No. 9. P. 1–16.
164. Bernal-Pulido C. Legal Argumentation and the Normativity of Legal Norms // Cogency. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 53–66.
165. Bogaards M. Iraq's Constitution of 2005: The Case Against Consociationalism «Light» // Ethnopolitics. 2019. Vol. 20. No. 2. P. 186–202.
166. Brown L., Romano D. Women in Post-Saddam Iraq: One Step Forward or Two Steps Back? // The National Women's Studies Association Journal. 2006. Vol. 18. No. 3. P. 51–70.
167. Chomani K. Iraq's Missing Federation Council // The Tahrir Institute for Middle East Policy. November 8, 2018. URL: <https://timep.org/2018/11/08/iraqs-missing-federation-council/> (дата обращения: 16.05.2023).
168. Davidson N.G. The Constitution of Iraq // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1925. Vol. 7. No. 1. P. 41–52.
169. Dawisha A. Democratic Attitudes and Practices in Iraq, 1921–1958 // Middle East Journal. 2005. Vol. 59. No. 1. P. 11–30.
170. Deeks A., Burton M. Iraq's Constitution: A Drafting History // Cornell International Law Journal. 2007. Vol. 40. No. 1. P. 2–87.
171. Deeks A.S., Burton M.D. Iraq's Constitution: A Drafting History // Cornell International Law Journal. 2007. Vol. 40. No. 1. P. 1–87.
172. Deener D. Judicial Review in Modern Constitutional Systems // The American Political Science Review. 1952. Vol. 46. No. 4. P. 1079–1099.
173. Driesen D.M., Banks W. Implied Presidential and Congressional Power // Cardozo Law Review. 2019. Vol. 41. No. 4. P. 1301–1365.

174. Efrati N. Negotiating Rights in Iraq: Women and the Personal Status // *Middle East Journal*. 2005. Vol. 59. No. 4. P. 577–595.
175. Fawcett L. Neither Traditional nor Modern: Constitutionalism in the Ottoman Empire and its Successor States // *Journal of Modern European History*. 2008. Vol. 6. No. 1. P. 116–136.
176. Feisal A.I. Reviving Constitutionalism in Iraq: Key Provisions of the Transitional Administrative Law // *New York Law School Law Review*. 2005. Vol. 50. No. 6. P. 269–302.
177. Frankel M. Threaten but Participate: Why Election Boycotts Are a Bad Idea // *Policy Paper*. 2010. No. 19. P. 1–12.
178. HabibZadeh T., Mansourian M. Duties and Powers of The Federal Supreme Court of The Republic of Iraq // *Quarterly Journal of Public Law Knowledge*. 2014. Vol. 2. No. 6. P. 79–100.
179. Haccius L. The Making and Breaking of Federalism in Iraq // *IFF Working Paper Online*. 2018. No. 26. P. 32–33.
180. Hamoud H.A. Ornamental Repugnancy: Identitarian Islam and The Iraqi Constitution // *University of St. Thomas Law Journal*. 2010. Vol. 7. No. 3. P. 692–713.
181. Hamoudi H.A. Notes in Defense of the Iraq Constitution // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2011. No. 32. No. 5. P. 101–124.
182. Hand K. Resolving Constitutional Disputes in Contemporary China // *The University of Pennsylvania Asian Law Review*. 2011. Vol. 7. No. 1. P. 51–159.
183. Hansen F. The Iraqi Constitution: Upholding Principles of Democracy While Struggling to Curtail the Dangers of an Islamic Theocracy // *Roger Williams University Law Review*. 2006. Vol. 12. No. 1. P. 256–290.
184. Hofmann R. Grundzüge des Amparo-Verfahrens in Mexiko // *Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart*. 1993. No. 53. P. 271–292.

185. Hussein A.P., Al-Naeli J. Judicial Interpreter the Federal Supreme court in Iraq // Journal for legal and political science. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 461–476.
186. Jawad N.S. The Iraqi Constitution: Structural Flaws and Political Implications // LSE Middle East Centre Paper Series. 2013. No. 1.
187. Kane S., Joost R.H., Alkadiri R. Iraq's Federalism Quandary // The National Interest. 2012. No. 118. P. 20–30.
188. Kawa A. Sh., Yassenb A.O., Kokhac A.Y.H. Minorities in Iraqi Constitution: A Critical Analysis of the Legal Discourse // Turkish Journal of Computer and Mathematics Education. 2021. Vol. 12. P. 286–290.
189. Kelly M.J. The Kurdish Regional Constitution within the Framework of the Iraqi Federal Constitution: A Struggle for Sovereignty, Oil, Ethnic Identity, and the Prospects for a Reverse Supremacy Clause // Dickinson Law Review. 2010. Vol. 114. No. 3. P. 707–808.
190. Khaled K.A., Kadhim M.H. The Influence of Constitutional Texts on the Conviction of the Criminal Judge // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 24–38.
191. Kurrild-Klitgaard P. Blood, Baath and Beyond: The Constitutional Dilemma of Iraq // Public Choice, Springer. 2004. Vol. 119. No. 1. P. 13–30.
192. Linz J.J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 51–69.
193. Mofidi S. Social contract and democratic validity of constitution (with a focus on Iran and Iraq) // Int. J. Human Rights and Constitutional Studies. 2019. Vol. 6. No. 3. P. 239–248.
194. Musadaq A.T. Constitutional Public Order and its Applications under The Constitution of The Republic of Iraq for the year 2005 // Journal of Legal Sciences. 2022. Vol. 37 No. 2. P. 213–252.
195. Nader L. Iraq and Democracy // Anthropological Quarterly. 2003. Vol. 76. No. 3. P. 479–483.

196. Naji S.A. Ottoman Education in Iraq and Its Impact on Iraqi Society // Türk Tarih Kongresi. 2018. Vol. 18. P. 599–608.
197. Pimentel D., Anderson B. Judicial Independence in Postconflict Iraq: Establishing the Rule of Law in an Islamic Constitutional Democracy // The George Washington International Law Review. 2013. Vol. 46. No. 1. P. 29–54.
198. Rabb I.A. “We The Jurists”. Islamic Constitutionalism in Iraq // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. 2008. Vol. 10. No. 3. P. 527–579.
199. Raid J.A.-S. Regime Change and the Restoration of the Rule of Law in Iraq // International Law Studies. U.S. Naval Law College. 2010. Vol. 86. P. 3–15.
200. Rashid U.H. Constitutional guarantees of rights and freedoms in the Iraqi Constitution of 2005 // Bulletin of the University of Babylon. 2013. No. 3. P. 647–663.
201. Romero J. Arab Nationalist Constitutions of 1958 in the Context of the Cold War: the cases of the Egyptian-Syrian United Arab Republic, the Iraqi-Jordanian Arab Union, and the Republic of Iraq // Middle Eastern Studies. 2020. P. 585–606.
202. Sadiq M.A. The Jurisdiction in Litigation Before the Courts of Administrative Judge (Comparative Study) // Journal of University of Babylon for Humanities. 2019. Vol. 27. No. 3. P. 1–21.
203. Saleh K.M., Karim B.A.B. Harmonization between the Iraqi Personal Status Law and the provisions of family agreements // Journal of college of Law for Legal and Political Sciences. 2020. Vol. 9. No. 35. P. 142–176.
204. Stigall D.E. Iraqi Civil Law: Its Sources, Substance, and Sundering // Journal of Transnational Law & Policy. 2006. Vol. 16. No. 1. P. 1–72.
205. Sweet S. The politics of constitutional review in France and Europe // International Journal of Constitutional Law. 2007. No. 1. P. 69–92.
206. Vahid N.P. Comparative Constitutionalism: Challenges of Constitutional Sovereignty in Iran and Iraq // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 123–141.

207. Warnock D. The Iraqi Criminal Justice System, an Introduction // *Denver Journal of International Law & Policy*. 2010. Vol. 39. No. 1. P. 1–66.
208. Yılmaz H. Containing Sultanlic Authority: Constitutionalism in the Ottoman Empire before Modernity // *The Journal of Ottoman Studies*. 2015. No. 45. P. 231–264.

6.4. Учебники, учебные пособия

209. Григонис Э.П. Конституционное право зарубежных стран / Э.П. Григонис, В.П. Григонис. СПб., 2006. С. 67.
210. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. С. 779–780.
211. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004.
212. Конституционное право зарубежных стран: учебник. 3-е издание / под общ. ред. А. М. Осавелюка, Г.А. Василевича, Л.Т. Чихладзе. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 600 с.
213. Конституционное право России. Учебный курс. В 2 т. Т. 1 / С.А. Авакьян. 5-е издание, перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
214. Сафонов В.Е. Конституционное право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для бакалавров / В.Е. Сафонов, Е.В. Миряшева. М.: Издательство Юрайт, 2022. 422 с.
215. Советское гражданское право. Т. 1. / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1985. С. 51–53.
216. Сюкияйнен Л.Р. Основы теории исламского права : учебное пособие. М., 2015.
217. Филянина И.М. Система органов государственной власти : учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012.
218. Чемеринская В.В. История рабовладельческого государства и права (учебное пособие). Оренбург: «Агентство «Пресса», 2011.

7. Аналитические материалы

219. Аль-Саиди И., Аль-Судани Б., Аль-Анбаки Х. Стратегический отчет Ирака за 2010-2011 гг. Багдад: Центр исследований и стратегических исследований им. Хаммурапи, 2011.
220. Конституционные проблемы в Ираке. Доклад по Ближнему Востоку № 19 от 13 ноября 2003 года // Международная кризисная группа. Брюссель, 2003. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/27412/019_iraq_s_constitutional_challenge_arab.pdf (дата обращения: 12.07.2023).
221. Первый Национальный добровольный обзор достижения Целей устойчивого развития 2019 (The Triumph of National Will) // Официальный портал Целей устойчивого развития ООН. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23789Iraq_VNR_2019_final_EN_HS.pdf (дата обращения: 16.11.2023).
222. Abbot P. Attitudes to Gender Equality and the Empowerment of Women in 2013/14 // Gender Equality and Mena Women's Empowerment in the Aftermath of the 2011 Arab Uprisings, Arab Transformations Project. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep14099.10> (дата обращения: 16.11.2023).
223. ACA Europe. Denmark Supreme Court (ACA Europe seminar of 18 December, 2013). Notes on the hierarchy of norms. URL: <https://www.aca-europe.eu//seminars/Paris2013bis/Danemark.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).
224. Assessment of the consequences of the adoption of the 2005 Constitution of the Republic of Iraq for the State and society. International Institute for Democracy and Electoral Assistance, Bagdad: Al-Rivak, 2023. URL: <https://www.idea.int/sites/default/files/publications/assessing-the-iraqi-2005-constitution-impact-on-%20state-and-society-ar.pdf> (дата обращения: 17.06.2023).
225. Bureau of Experts at the Council of Ministers. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/f0eaae46-9f84-40ee-815e-a9a700f268b3/1> (дата обращения: 10.06.2023).

226. Country Reports on Human Rights Practices: Iraq. Report from 2022 // Официальный сайт Государственного департамента США. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/iraq/> (дата обращения: 09.01.2024).
227. Democratic Principles and Procedures Working Group. The Future of Iraq Project. Final Report on the Transition to Democracy in Iraq. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB198/FOI%20Democratic%20Principles.pdf> (дата обращения: 01.06.2022).
228. Haider H. Formal justice in Iraq // Helpdesk Research Report. 12 December 2014. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a089a6ed915d622c00032d/hdq1175.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).
229. Submission to the UN Universal Periodic Review. 20th session of the UPR Working Group of the Human Rights Council. Report submitted by the Coalition of Freedoms in Iraq to the UN Human Rights Council. Office of the High Commissioner for Human Rights. 2014.
230. United Nations Development Programme. العراق في الاجتماعي العقد صياغة إعادة. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-02/UNDP_IQ__Reimagining_%20the%20Social%20Contract%20in%20Iraq_AR_v2.pdf (дата обращения: 20.07.2023).
231. United States Department of State. Iraq 2022 Human Rights Report // United States Department of State Official Cite. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/02/415610_IRAQ-2022-HUMAN-RIGHTS-REPORT.pdf (дата обращения: 07.04.2024).
232. United States Department of State. Iraq 2022 International Religious Freedom Report // United States Department of State Official Cite. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2023/05/441219-IRAQ-2022-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (дата обращения: 07.04.2024).

8. Интернет-ресурсы и иные источники

233. Конституционная ошибка в организации деятельности Федерального Верховного суда: пробел или умолчание? // Мэйсун Таха Хуссейн. Колледж Имама Казима-Вавилон. 2 мая 2019 года. Официальный сайт Федерального Верховного суда Ирака. URL: <https://iraqfsc.iq/news.4337/> (дата обращения: 10.08.2023).
234. Независимость конституционной судебной власти является необходимым условием существования государственных институтов // Председатель Федерального Верховного Суда Ирака Джассим Мохаммед Аббуд. 7 ноября 2022 года. Официальный сайт Федерального Верховного суда Ирака. URL: <https://www.iraqfsc.iq/news.4886/> (дата обращения: 10.03.2023).
235. Омран С.А. Обязательная сила решений Федерального Верховного Суда Ирака и их влияние на предстоящие парламентские выборы в Ираке // Письма о праве. 2014. № 18. URL: <https://law.uokerbala.edu.iq/wp/blog/2014/11/18/mandatory-force-to-the-decisions-of-the-federal-supreme-court-and-its-impact-on-the-upcoming-parliamentary-elections-in-iraq/> (дата обращения: 06.04.2024).
236. Официальный сайт Высшего судебного совета Ирака. URL: <https://www.sjc.iq/institute-index-ar.php> (дата обращения: 29.05.2023).
237. Официальный сайт Федерального Верховного суда Ирака. URL: <https://www.iraqfsc.iq/ethadai.php> (дата обращения: 10.02.2023).
238. Силин Ойсал объясняет политизацию решений Федерального Верховного Суда в Ираке // 4 декабря 2023 года. Вашингтонский институт ближневосточной политики. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/pdf/view/18514/ar> (дата обращения: 04.04.2024).
239. Статус ратификации международных договоров по стране или договору: Ирак // Официальный сайт Базы данных договорных органов Организации

https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Treaty.aspx?Lang=ru
(дата обращения: 16.11.2023).

240. Alnasir S. Iraq Urgently Needs a Real Constitution // IACL-AIDC Blog. 7 July 2022. URL: <https://blog-iacl-aidc.org/new-blog-3/2022/7/7/iraq-urgently-needs-a-real-constitution> (дата обращения: 31.01.2023).
241. Alzuhairy T.H. Iraqi constitutional system: concentrated parliamentarianism or separation of powers? P. 8–9 // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/340953823_Iraqi_constitutional_system_concentrated_parliamentarianism_or_separation_of_powers/link/5ea7688045851553fab5dbb2/download (дата обращения: 06.05.2023). P. 8–9.
242. Catastrophic' Iraq law could legalise marriage for children as young as nine // The Guardian. 14 November 2017. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/nov/14/catastrophic-iraq-law-could-legalise-marriage-for-children-as-young-as-nine> (дата обращения: 16.11.2023).
243. The Codices Database. Infobase on Constitutional Case-Law. URL: <http://www.codices.coe.int/NXT/gateway.dll?f=templates&fn=default.htm> (дата обращения: 20.10.2024).